408812/2кп
Р408812
65.049
А877

ПО РАЙОНАМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М.Б. ВОЛЬФА
И Г.А. МЕБУСА

Н. Б. АРХИПОВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЙ

0-63340

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 9

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СССР ПО РАЙОНАМ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. Б. ВОЛЬФА и Г. А. МЕБУСА

Н. Б. АРХИПОВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 ★ МОСКВА — ЛЕНИНГРАД ★ 2 9

А, 21.[illegible] Гиз № 28301/л
Ленинградский Областлит № 24810
11 л. Тираж 4 000

ВВЕДЕНИЕ.

16 мая 1858 г. между Китаем и царской Россией был заключен так называемый Айгунский договор. Статья первая его гласит: «Левый берег реки Амура, начиная от Аргуни до морского устья реки Амура, да будет владением Российского Государства, а правый берег, считая вниз по течению реки Уссури, владением Дайцинского Государства; от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя Государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского Государств».

Дополнительным договором, заключенным в Пекине 2 (14) ноября 1860 г., была присоединена к России вся территория, оставленная Айгунским договором в общем владении.

Таким образом были присоединены к России территории важнейших в настоящее время в экономическом отношении частей современного Дальневосточного края: Приамурья и Приморья.

Забайкалье и Камчатка, также включенные в настоящее время в состав Дальневосточного края, уже задолго до этого были присоединены к России, причем это присоединение произошло не в результате каких-нибудь соглашений международно-правового характера, а в результате фактического захвата путем постепенной русской колонизации.

К XVI веку миграция русского населения, постепенно разливавшегося в пределах Среднерусской низменности, достигла пределов Урала и к концу этого века перевалила через него. Начало русской колонизации Сибири обычно связывают с именем Ермака, стоявшего во главе отряда казаков, находившихся на службе у покровительствуемых Иваном Грозным солепромышленников Строгановых, захвативших огромные пространства в Прикамьи; в 1581 г. этот отряд вступил на территорию Сибири, а через четыре года доходил уже до Иртыша. Казачьи отряды намечали вехи дальнейшей русской колонизации Сибири. Ряды казачества беспрерывно пополнялись беглыми крестьянами, раскольниками и т. п. элементами, которых гнал с родных мест тяжелый гнет Московского государства, и вообще людьми, которым на старой родине становилось тесно. Этих вольных и предприимчивых людей манили к себе необъятные, почти совершенно не заселенные просторы, лежавшие на окраинах русского государства. Они углублялись в них все дальше и, благодаря их частной, по большей части, инициативе, к Московскому государству присоединялись все новые и новые земли. Не может не быть также

отмечена существовавшая в большинстве случаев тесная связь казачьих отрядов с торговым капиталом.

В течение первой половины XVII века русское население разливалось по западно-сибирской низменности, со второй половины этого века началось проникновение русских в Забайкалье, скоро они дошли до Тихого океана, а в 1697 г. достигли Камчатки. Таким образом, в течение каких-нибудь 100 лет в сферу влияния России вошла огромная территория площадью в 12,5 млн. *кв. км*, превышающая в полтора раза всю Европу. Малокультурные и разрозненные туземные племена не могли противостоять силе вооруженного торгового капитала, тем более, что связь с ним сулила им, на первый взгляд, не мало выгод. Лишь на территории современного Дальневосточного края распространение русского влияния натолкнулось на препятствия в виду противодействия Китая; здесь, по Нерчинскому трактату 1689 г., пришлось отказаться от территорий Приамурья и Приморья, куда уже стали проникать отдельные отряды предприимчивых людей. Впрочем, Китай сам не предпринимал шагов к присоединению этой территории, которая фактически оставалась в полном распоряжении туземных племен вплоть до присоединения ее к России в 1858—60 гг. Колонизация же Забайкалья, присоединение которого к России было формально закреплено тем же Нерчинским трактатом, конечно, продолжалась.

В конце XVIII века русские купцы попали на Курильские и Алеутские острова, а в Северной Америке, через Аляску, доходили до Калифорнии. Отдельные русские купцы, хищнически промышлявшие пушнину в этом районе, объединились в 1798 г. в «Российско-Американскую Компанию». По методам работы, а особенно по ее монопольному и публично-правовому характеру, она сильно напоминала известную Ост-Индскую Компанию; ей было предоставлено монопольное право пользоваться промыслами на северо-западном берегу Северной Америки, Алеутских и Курильских островах, разрабатывать все то, «что на поверхности земли и в недрах ее доселе отыскано и впредь отыщется», иметь свои вооруженные сухопутные и морские силы, открывать и занимать новые земли, заводить поселения и укрепления и «производить мореплавание по всем окрестным народам и иметь торговлю со всеми окололежащими державами».[1]

Итак, присоединение к России Забайкалья и Камчатки, так же как и всей Сибири, происходило путем колонизационного внедрения русского населения в значительной степени в интересах торгового капитала и почти всегда при ближайшем его участии. Но что толкнуло царское правительство на захват той пустынной территории, которую представляли собой в 50-х годах прошлого века Приамурье

---

[1] В 1867 г. вся Аляска была русским правительством продана С.-А. С. Ш. за 7,2 млн долл. Устроившая эту покупку «Русско-Американская Компания» потом превратилась в крупное американское предприятие, а члены ее из русского подданства перешли в американское.

и Приморье, о возможности и необходимости хозяйственного освоения которых едва ли кто-нибудь тогда думал, горные богатства которых тогда еще никому не были известны? Хотя и в этом случае, несомненно, интересы торгового капитала не были забыты, все же здесь правительство, захватывая эту территорию и закрепляя ее за собой Айгунским и Пекинским договорами, руководствовалось более широкими замыслами.

Айгунский и Пекинский договоры являются лишь одним из звеньев той цепи, которой зарождающийся империализм опутывал восточно-азиатские страны и, в первую очередь, Китай. Незадолго до заключения их Китай уже принужден был сделать ряд весьма серьезных уступок западно-европейским державам в своих южных, наиболее густо заселенных и экономически наиболее важных провинциях. В 1842 г., по Нанкинскому договору, были открыты для европейцев четыре гавани (не считая Кантона, в котором издавна вела свои операции Английская Ост-Индская Компания), в том числе Шанхай, уступлен Англии остров Гонконг, лежащий у входа в Кантонский залив, и выговорены низкие ввозные и вывозные пошлины, до сих пор сковывающие развитие производительных сил Китая.

Весной 1853 г. американская эскадра вошла в японскую гавань Урагу и потребовала открытия японских гаваней для торговли: в течение ближайших лет до 1860 г. Японией, действительно, были заключены договоры с Соединенными Штатами, Голландией, Россией, Англией и Францией, открывшие для купцов этих стран ряд гаваней.

Воспользовавшись избиением иностранцев, происшедшим в Китае во время восстания тайпинов,[1] европейские державы, с Англией во главе, добились заключения в 1858 г. нового договора, Тиенцзинского, которым открывались новые гавани для европейцев и легализировалась торговля опием, запрещенная Нанкинским договором.

В этом же году был заключен Айгунский договор, что ярко подчеркивает тесную связь, существовавшую между захватом Приамурья и Приморья и прочими агрессивными мерами, предпринятыми в те годы европейскими державами против дальневосточных стран.

Несомненно, что уступка Китаем России своих прав на эту территорию была с его стороны жертвой во много раз меньшей, чем те жертвы, которые он принес западно-европейским странам в южной береговой своей полосе. Территория эта числилась за Китаем лишь формально, фактически же находилась в полном распоряжении крайне редкого туземного населения. Она тогда не представляла для Китая какого бы то ни было значения: ведь колонизация даже Маньчжурии китайцами началась значительно позже.

---

[1] Народное движение, охватившее в 1850—1865 гг. почти весь Китай и направленное на свержение Маньчжурской династии.

Для России же она уже тогда представляла значительный интерес; и не столько сама по себе, сколько отграничивающие ее от Маньчжурии реки Амур и Уссури, по которым возможно было установление удобного сообщения с Тихим океаном и выход на побережье его в местах, не скованных, как побережье Охотского моря, большую часть года льдами. Это давало возможность не только укрепить связь с Камчаткой,[1] регулярное сухопутное сообщение с которой связано с большими затруднениями и почти невозможно, но и принимать дальнейшее активное участие в ясно намечавшихся уже тогда дальнейших событиях на Дальнем Востоке.

Занятие Россией Амурского и Уссурийского края явилось, следовательно, лишь одним из этапов той борьбы, которая подготовляла дальнейшие события на Дальнем Востоке, в короткий срок завязавшие узел, вскоре получивший название Тихоокеанской проблемы.

У европейских держав, ведущих ожесточенную борьбу за гегемонию на тихоокеанских рынках, вскоре появляется новый серьезный конкурент в лице Японии, нашедшей в себе, в противоположность Китаю, достаточно сил, чтобы перестроить свой социальный уклад в соответствии с теми требованиями, которые ставились перед ней вынужденным вовлечением ее в мирохозяйственный оборот. Сразу после заключения договоров с иностранцами начинается быстрое разложение феодальной системы, просуществовавшей около 2 000 лет, но теперь, с вовлечением страны в мирохозяйственный оборот, вступившей в противоречие с развитием производительных сил и интересами быстро нарождающейся торговой буржуазии. Государственный переворот 1867 г. уничтожает феодальную систему в государственном управлении. Наступает неслыханная горячка реформ, в каких-нибудь 20 — 25 лет приведшая к полной перестройке хозяйства страны по западно-европейскому образцу. Все это время знаменуется широкой активностью буржуазии, встречающей всяческую поддержку со стороны правительства. Производится грандиозная земельная реформа, с точки зрения развития капитализма весьма прогрессивная: отменяются все права и привилегии феодалов, земли их конфискуются и передаются в собственность бывшим их арендаторам, притом на началах чистого единоличного права собственности. Япония скоро добивается пересмотра заключенных в 50-х годах договоров, содержавших ряд односторонних обязательств с ее стороны (экстерриториальность иностранцев и максимальный предел таможенного обложения в размере 5% от стоимости ввозимого товара); с 1894 г. она уже заключает договоры лишь на равных для обеих сторон основаниях. Чрезвычайно быстрый рост капитализма неизбежно толкает ее из собственных ограниченных пределов к экспансии на азиатский материк.

[1] Необходимость не только номинально, но и фактически владеть Камчаткой была осознана именно в эти годы, так как незадолго до заключения Айгунского договора, в 1854 г., во время Крымской войны, англичанами сделана была попытка захватить ее.

В 1875 г. Япония, формально признав права России на Сахалин (частично занятый русскими еще в 1853 г.), получила в обмен лежащие между Сахалином и Камчаткой Курильские острова. На азиатском материке внимание ее, естественно, в первую очередь привлекает близко к ней расположенная и родственная по культуре Корея, к которой с севера уже подбиралась Россия. Не желая дать возможность другим опередить себя, Япония, совершенно неожиданно, оккупирует в 1894 г. эту страну. Разгорается война с Китаем, под протекторатом которого Корея находилась до этого времени. Занятие Пекина и Ляодунского полуострова японскими войсками заставляет Китай согласиться на заключение весьма тяжелого для него мира; однако, вмешательство России, Германии и Франции, опасавшихся увеличения мощи своего нового конкурента и, со своей стороны, облюбовавших, как это показали последовавшие вскоре события, те территории, на которые заявляла свои претензии Япония, заставило последнюю отказаться от своих чрезмерных требований. Но все же по Симоносекскому договору Китай должен был согласиться на «полную и безусловную независимость Кореи» (т. е. отказаться от своих притязаний на нее), на уступку в пользу Японии Формозы и Пескадорских островов, на возмещение Японии ее военных издержек и на открытие для торговли внутренних портов по реке Ян-це. Японско-китайская война имела роковые для Китая последствия: сразу после нее начинается захват европейскими державами отдельных пунктов его территории, господствующих над определенными, важными в экономическом отношении, районами, и распределение страны на сферы влияния. В ноябре 1897 г. немцы берут «в аренду на 99 лет» бухту Киао-Чжао, господствующую над богатой провинцией Шаньдунь; в декабре того же года Россия получает «в аренду на 25 лет» расположенный на южной оконечности Ляодунского полуострова, называемой Квантун, город Тальянван (впоследствии Дальний при русских и Дайрен при японцах) и недалеко от него строит крепость Порт-Артур, благодаря чему в сферу ее влияния втягивается вся Маньчжурия и даже Корея; весной 1898 г. Англия захватывает Вей-хай-вей (напротив Порт-Артура, на противоположном берегу Печелийского залива), а Франция — залив Гуан-чжау-вань (на юге Китая). Вскоре после этого Россия и Англия договорились о разделе сфер влияния в Китае: Англия обязалась не искать железнодорожных концессий к северу от Великой стены, зато Россия отказалась от поползновений на бассейн реки Ян-це.

Постройкой Порт-Артура начинается эпоха империалистических авантюр России в Маньчжурии и Корее, так печально окончившаяся уже в 1904/1905 г. В результате переговоров, вскоре после окончания японско-китайской войны, Россия получила от Китая концессию на проведение Китайско-Восточной железной дороги, законченной постройкой в 1903 г. Дорога, прорезав всю Маньчжурию, дала России прямой транзитный путь на Владивосток, а ответвление ее от Харбина на Дальний (Дайрен) дало ей выход к никогда не замерзающему порту

и, наконец, что самое главное, благодаря ей Россия получила огромное влияние во всей Маньчжурии. В 1900 г. во время боксерского восстания Россия, не удовлетворившись теми широкими правами, которые ей были предоставлены в полосе отчуждения дороги, ввела в Маньчжурию свои войска и, несмотря на взятое на себя обязательство вывести их в 1902 г., не выводила их и принимала даже совершенно недвусмысленные меры к захвату Кореи (например, лесопромышленная концессия на Ялу, куда под видом десятников направлялись массами переодетые русские офицеры).

Япония, с опаской и завистью наблюдавшая за крупной игрой, которую вела ее могущественная северная соседка, совершенно неожиданно, 27 января 1904 г., объявила войну, заставшую Россию совершенно к ней неподготовленной. Помимо неурядиц в организации и снабжении русской армии, важным фактором в пользу Японии была чрезвычайная отдаленность русской армии от снабжающих ее центров и слабая пропускная способность одноколейной еще тогда сибирской магистрали. Гибель флота при Цусиме и ряд поражений сухопутных армий заставили русское правительство подписать мир, который лишь под давлением Америки, опасавшейся чрезмерного усиления Японии, удалось заключить на более почетных основаниях, чем то позволял ожидать исход военных действий. Но все же по Портсмутскому договору Квантунская область с Порт-Артуром и городом Дальним (Дайрен) была передана японцам на тех же арендных началах, на каких они были у России; японцам передана также железная дорога от Дальнего до Куан-ченцзы в Маньчжурии и южная часть Сахалина. Россия признала также за Японией «преобладающие политические, военные и экономические интересы» в Корее и обязалась «не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои японское правительство могло бы почесть необходимым принять в ней», иначе говоря, Россия согласилась на установление протектората Японии над Кореей. Конечно, Япония не замедлила воспользоваться предоставленной ей свободой действий в Корее, и уже в 1910 г., после убийства японского наместника в Корее, князя Ито, аннексировала ее и включила в свою административную систему под именем провинции «Чосен».

Благодаря переходу в руки Японии южной части Восточно-Китайской железной дороги (названной японцами Южно-Маньчжурской железной дорогой) в сферу влияния ее была включена вся Южная Маньчжурия. Но экономическое влияние Японии из года в год распространялось все дальше к северу, и положение России в Северной Манчьжурии становилось все менее прочным; основное значение имело, конечно, беспрерывное вытеснение русских товаров не только с южно-, но и с северо-маньчжурских рынков, на которых русские товары почти безраздельно господствовали до русско-японской войны.

Постройка Китайско-Восточной железной дороги и происшедший вскоре после ее постройки переход южной ее части в японские руки

дали могучий толчок развитию производительных сил Маньчжурии. Происходит интенсивная колонизация края китайскими земледельцами, необычайно быстро развивается сельское хозяйство с резко выраженным уклоном в сторону технических и хлебных рыночных культур; Маньчжурия становится важным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок; попутно развивается промышленность (каменноугольная — в районе Южно-Маньчжурской железной дороги, маслобойная и т. д.) и торговля, в которой на ряду с американскими и русскими капиталами растущее с каждым годом значение приобретает капитал японский.

Одновременно с этим капиталистические державы проявляют все растущий интерес к Китаю. Иностранный капитал проникает уже не только в качестве торгового, но и банковского и промышленного капитала. Крупные иностранные займы опутывают Китай своей сетью, все большие капиталы вкладываются в железнодорожные концессии, и, наконец, появляется активный интерес иностранного капитала к китайской промышленности и горному делу.

Таким образом, капиталистическое развитие стран Востока и империалистическая экспансия поставили русский Дальний Восток в с жайшее соседство с вновь возникшим на Тихом океане цент столкновения интересов противоположных капиталистических группировок. Естественно, что природные богатства русского Дальнего Востока также начинают привлекать к себе растущий интерес, особенно со стороны Японии, получившей уже по рыболовной конвенции 1907 г. доступ к широкой эксплуатации одного вида этих богатств — рыбы, изобилующей в водоемах русского Тихоокеанского побережья.

Мировая война дала толчок неслыханному до тех пор расцвету производительных сил на Дальнем Востоке. Промышленность Европы и Америки, занятая всецело выгодной работой на оборону, перестала в те годы интересоваться своими азиатскими рынками. Отсутствие конкуренции стимулировало развитие промышленности в ряде азиатских стран, в том числе особенно в Японии. Последняя, сумевшая воспользоваться своим положением «воюющей державы» для расширения своего влияния в Китае, не менее блестяще развила свою промышленность, которая стала распространять свои товары на всех восточных рынках вплоть до Персии. Лишь мировой промышленный кризис 1920 г., очагом которого явилась именно Япония, положил предел дальнейшему расширению производства в этой стране, начинавшему уже принимать характер нездорового гроундерства. Но этот же кризис лишь закрепил и доказал прочность достигнутых успехов: если время между 1904 г. и 1924 г. разделить на четыре пятилетних периода, то первый период дал общую сумму оборотов внешней торговли Японии в 816 млн иен; второй — 1 039 млн иен, увеличиваясь на 27% против первого; в третьем периоде, который покрывает пять лет мировой войны, внешняя торговля выражалась суммой в 2 111 млн иен, показывая увеличение в 103%, против второго; в четвертом периоде сумма оборотов достигает

3 677 млн иен, что составляет, несмотря на депрессию, увеличение на 74% против третьего периода.[1]

При создавшейся на Дальнем Востоке обстановке вполне естественно, что с 1917 — 1922 гг. территория русского Дальнего Востока почти беспрерывно привлекала к себе внимание империалистических держав, особенно Японии и Соединенных Штатов, рассчитывавших то путем интервенции, то поддержкой бесчисленных белогвардейских авантюристов, орудовавших здесь, подчинить своему влиянию не только этот богатый край, но и всю Сибирь.

Советская власть на Дальнем Востоке держалась лишь до середины 1918 г., когда, в связи с образованием Сибирского правительства (власть которого вскоре перешла в руки Колчака), началась союзная интервенция в Сибири. Для «помощи» Колчаку каждая союзная держава «обязывалась» (фактически же получала право, так как они сами были в этом заинтересованы) высадить армию в 7 500 чел. Япония, воспользовавшись случаем, высадила армию в 100 тыс. чел. и стала предпринимать решительные шаги к захвату контроля над всей Восточной Сибирью в свои руки. В 1919 г. она, с помощью поддерживаемого ею белогвардейского атамана Семенова (бурята по происхождению), пытается образовать «великое монгольское государство» из Монголии и территории, составляющей в настоящее время Бурят-монгольскую АССР, под своим протекторатом; осуществление этой затеи отрезало бы весь Дальневосточный край от РСФСР и передало бы его фактически в руки Японии. Влияние Японии на Дальнем Востоке было тогда настолько сильно, что поддерживаемый ею атаман Семенов совершенно не считался с Колчаком даже в момент апогея могущества последнего.

В 1919 г. в Дальневосточном крае не существовало единой власти: после начала интервенции Красная армия распалась, но зато крестьянство выделило из своей среды бесчисленное количество партизанских отрядов, постоянно тревоживших захвативших край атаманов (Семенова, Калмыкова и др.) и японцев. Воспользовавшись происшедшим в марте 1920 г. так называемым «Николаевским инцидентом» (местные партизаны, относившиеся одинаково враждебно и к японцам и к коммунистам, перерезали значительную часть японской колонии г. Николаевска-на-Амуре с консулом во главе), Япония оккупировала северный Сахалин. С падением в начале 1920 г. Колчака и приближением Красной армии усиливается партизанское движение, не затихавшее все время; Приамурье освобождается партизанами от японцев и белых, и образуется амурское правительство, дружественно настроенное по отношению к Советской России; такое же правительство образуется в Приморьи (так называемое «Правительство Приморской Земской Управы»), несмотря на продолжающуюся оккупацию его японскими

[1] В 1927 г. оборот внешней торговли Японии составлял 4 169 млн иен. Даже если учесть рост цен во время войны, нельзя не признать рост внешней торговли весьма значительным.

войсками: сохраняется лишь так называемая «Забайкальская пробка»: Забайкалье остается пока под властью Семенова, Унгерна, Тирбаха и других белогвардейских атаманов.

В ноябре 1920 г. в Верхнеудинске образуется «демократическая» Дальневосточная республика, «буферное» государство, правительство которого, дружественно настроенное по отношению к Советской России, ставило себе задачей объединить край в руках демократической, более «приемлемой» для иностранных правительств, чем советская, власти. Под напором Народно-Революционной армии Дальневосточной республики скоро пробивается «Забайкальская пробка». Разбитые белогвардейские банды удаляются частью (Унгерн) в Монголию, где скоро уничтожаются Красной армией, частью же отступают на восток, где в 1921/1922 г., при поддержке Японии, образуется новый белогвардейский фронт в Хабаровском районе (каппелевцы, семеновцы и другие). 26 мая 1921 г. японцы обезоруживают милицию владивостокского правительства, дружественно настроенного к Дальневосточной республике, и устанавливается правительство Меркулова, поддерживаемое семеновцами и каппелевцами; таким образом власть правительства Дальневосточной республики остается ограниченной пределами Забайкалья и Приамурья.

Но начавшаяся вскоре после Вашингтонской конференции 1921—1922 гг.) эвакуация японских войск, которой требовали Соединенные Штаты, опасавшиеся усиления Японии на Дальнем Востоке, лишила Меркулова единственной его опоры. По мере ухода японцев части Народно-Революционной армии быстро занимают освобождающиеся территории Приморья, и, наконец, 25 октября 1922 г. занимается Владивосток. В японских руках остается лишь северная часть Сахалина с ее угольными и нефтяными богатствами, которые японцы желали получить в возмещение за «Николаевские события». Несмотря на согласие СССР предоставить Японии ряд концессий на разработку горных богатств Сахалина, она всячески оттягивала эвакуацию. Лишь 20 января 1925 г. был, наконец, заключен договор между Советской Россией и Японией; по этому договору Япония обязалась эвакуировать к 15 мая 1925 г. северный Сахалин (что и было ею своевременно выполнено); в силу этого же договора были аннулированы все старые договоры царской России с Японией, за исключением Портсмутского; по этому же договору правительство СССР согласилось предоставить японским обществам, по рекомендации японского правительства, ряд концессий на разработку нефтеносных площадей и каменноугольных залежей на весьма выгодных для них условиях.

По объединении всего края (еще без Сахалина) под властью правительства Дальневосточной республики отпала необходимость в дальнейшем сохранении «буферного» государства. Поэтому Народное Собрание Дальневосточной республики возбудило ходатайство о присоединении Дальневосточной республики к РСФСР. Президиум ВЦИК РСФСР вследствие этого объявил 18 ноября 1922 г. быв-

шую Дальневосточную республику нераздельной частью РСФСР под названием Дальневосточной области (преобразована в начале 1926 г. в Дальневосточный край). Лишь после этого началось здесь проведение существующей в РСФСР экономической системы, согласованное, конечно, с особенностями края.

Наш длинный экскурс в историю и экономику стран Тихоокеанского побережья в связи с историей Дальневосточного края едва ли мог бы быть оправдан, если бы важнейшие экономические проблемы нашего Дальнего Востока не стояли, как это уже отчасти видно из предыдущего изложения, в теснейшей связи с экономикой тихоокеанских стран и если бы на судьбы нашего Дальнего Востока не оказывали бы в прошлом и не могли бы оказывать в будущем серьезнейшее влияние перипетии той борьбы, которая разыгрывается в ближайшем от него соседстве.

Лишь в этой более широкой перспективе станут понятны приведенные ниже экономико-географические сведения по нашему Дальнему Востоку, этому аванпосту Советского Союза на Тихом океане.

ГЛАВА I.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ.

Положение и административное деление.

Дальневосточный край занимает всю прилегающую к Тихому океану часть азиатской половины СССР. На юге на большей части его протяжения его ограничивают от Маньчжурии и Монголии реки: Аргунь, Амур и Уссури; на западе естественной его границей служит тянущийся от границ Монголии до Ледовитого океана Яблоновый, или Становой, хребет, отделяющий Дальневосточный край от Бурято-Монгольской и Якутской АССР; на севере входящий в состав края Чукотский край лежит на побережьи Ледовитого океана; восток же края составляет Тихоокеанское его побережье (моря: Берингово, Охотское и Японское), растянувшееся на 18 тыс. *км.*

С 1909 г. территория Дальнего Востока делилась на Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую и Сахалинскую области; последние четыре составляли Приамурское генерал-губернаторство, Забайкальская же область входила в состав Иркутского генерал-губернаторства.

В годы интервенции и вплоть до 1926 г. административные границы Дальнего Востока подвергались частым изменениям.

Последнее до проведённого в начале 1926 г. районирования административное деление Дальнего Востока на губернии за несущественными изменениями совпадало с дореволюционным делением этой территории на области; изменились лишь границы Забайкальской области в виду того, что в Забайкальскую губернию не вошла территория, выделенная Бурято-Монгольской АССР, а именно: запад бывшей Забайкальской области и территория вкрапленного в Забайкальскую губ. к югу от Читы Агинского аймака Бурято-Монгольской АССР.

Согласно постановления президиума ВЦИК от 4 января 1926 г. Дальневосточная область (*без изменения ее внешних границ*) была преобразована в Дальневосточный край. Функции краевой власти, сосредоточенные до этого в руках Дальревкома, перешли к выбранному тогда же Далькрайисполкому. Одновременно с этим было произведено районирование края.

Вместо четырех старых губерний было образовано девять округов; Забайкальская губ. разбилась на Читинский (187 тыс. *кв. км*)

и Стретенский (91,6 тыс. *кв. км*) округа, Амурская губ. — на округа Зейский (177,9 тыс. *кв. км*) и Амурский (224,3 тыс. *кв. км*). Приморская губ. — на округа Владивостокский (82,2 тыс. *кв. км*), Хабаровский (235,4 тыс. *кв. км*), Николаевский (642,3 тыс. *кв. км*) и Сахалинский (38,0 тыс. *кв. км*); Камчатская губ. преобразовалась в округ (1 039 тыс. *кв. км*), в который не вошла значительная часть б. Охотского уезда, включенного в состав Николаевского округа.

Площадь самого небольшого по своим размерам округа, Сахалинского, все же приближается к площади Московской губернии; площади как Амурского, так и Хабаровского округов равны территории Центрально-Черноземной области; Николаевский округ почти в полтора раза, а Камчатский в два с половиной раза больше Украины. Площадь же всего Дальневосточного края (2 717,7 тыс. *кв. км*) равняется приблизительно половине площади Европейской части СССР.

Но, к сожалению, хозяйственная ценность территории далеко не всегда пропорциональна ее величине.

Поверхность и реки.

В орографическом отношении отдельные части Дальневосточного края представляют существенные между собою различия.[1]

Территория Забайкалья является, вместе с Бурято-Монгольской АССР, Иркутской губернией и Монголией, составной частью того высокого плоскогорья, которое считается самой древней частью Азии и именуется геологами районом «первичного поднятия Азии». Все Забайкалье, кроме степной его полосы, проходящей вдоль китайской границы, более или менее гористо, гряды гор рассекаются лишь глубокими бороздами долин рек Нингоды, Онона, Шилки и Аргуни. Слияние первых двух образует Шилку, слияние же последней с Аргунью образует Амур.

Южный склон и отроги Станового хребта заполняют весь север Приамурья; на востоке его отделяет от Приморья хребет Малый Хинган, имеющий почти меридиальное направление. По направлению к юго-западу местность понижается, переходя постепенно в Зее-Буреинскую низменность, тянущуюся до Амура; к его бассейну принадлежат все реки Приамурья, из коих важнейшие: Зея с ее притоком Селемджей и Бурея. Зея берет начало на южном склоне Станового хребта, а Селемджа и Бурея в отрогах Малого Хингана.

Река Амур нижним своим течением пролегает через Приморье и впадает в Татарский пролив, соединяющий Японское и Охотское моря.

В Приморьи параллельно побережью, на юге переходя к морю, к северу же несколько от него отступая, тянется невысокий хребет Сихота-Алинь. Он отделяет от бассейна притока реки Амура, Уссури, узкое морское побережье, не имеющее достаточного простора для

[1] При составлении настоящей главы в числе других источников использованы: 1) физико-географические описания отдельных районов, помещенные в «Материалах по районированию Д. В.», т. II, изд. Дальплана, 1925 г.; 2) «Концессионные объекты Д. В.», т. I — «Лесные концессии»; 3) журнал «Советское Приморье» 1925 г., № 5.

образования сколько-нибудь значительных рек, кроме самой южной его части, имеющей и глубоко врезанные заливы и несколько более значительные, чем на береговой полосе, притоки, как например, река Суйфун. Вся обращенная к югу выемка береговой линии в этой части губернии носит название залива Петра Великого. Юго-западные склоны хребта Сихота-Алинь постепенно переходят в Приханкайскую низменность, представляющую собой совокупность долин небольших рек, впадающих в озеро Ханка, и слабо выраженных водоразделов между ними, что дает впечатление низменности. Более к северу отроги Сихота-Алиня образуют водоразделы между правыми притоками реки Уссури, из коих важнейшие: Иман, Бикин и Хор. Вдоль реки Уссури тянется широкая низменная полоса. В северной части Приморья в Амур впадает слева последний его большой приток—река Амгунь. С нижними течениями Амура и Амгуни связаны бассейны целого ряда озер, из коих важнейшие: Удыль, Кизи, Орель и Чля. На пространстве между Амуром и Охотским морем преобладают плоские возвышенности с резко выраженным понижением в сторону Охотского моря, берега которого в пределах Приморья представляют собой сильно заболоченные низменности. С севера и запада в этот край спускаются отроги Малого Хингана и части Станового хребта, носящей название Джугджур.

Северная часть Сахалина низменна; далее к югу, до японской границы, вдоль восточного и западного берегов тянутся Восточный и Западный Сахалинские хребты, оставляя между собою низменность, образованную долинами рек Тыми и Поронай.

На западном побережьи Охотского моря Становой хребет близко подходит к побережью и ответвляет от себя отроги, более или менее заполняющие береговую полосу, которая представляется вообще гористой и местами круто спускается к морю. Далее к северу Становой хребет, несколько отступая, создает широкое просторное северное прибрежье Охотского моря с его далеко вдающимися в материк Гижигинскою и Пенжинскою губами.

Остов Камчатского полуострова образуется Средним Камчатским хребтом. Между ним и расположенным параллельно ему, ближе к восточному берегу полуострова, рядом частью действующих, частью потухших вулканов-«сопок» прокладывает свою долину река Камчатка, впадающая в Берингово море. Наконец, между северными отрогами Средне-Камчатского и Станового хребтов расположен занимающий большую часть Анадырского края бассейн р. Анадыря, текущей в Анадырский залив Берингова моря.

Минеральные богатства. В геологическом отношении Дальневосточный край еще весьма мало исследован: так, площадной съемкой обследовано лишь 5%, маршрутной съемкой 34% и совершенно не обследовано 61% всей территории. Еще меньший процент земель был охвачен специальными исследованиями минеральных богатств. Не исключена поэтому возможность, что в будущем, когда будут более планомерно поставлены здесь геологические исследования, в недрах Дальневосточного края откроются новые,

неизвестные пока запасы ископаемых. Но все же следует признать, что произведенные в важнейших районах исследования уже дают достаточное представление о характере горных богатств этого края; новые исследования, возможно, откроют неизвестные до сих пор запасы, но едва ли смогут открыть совершенно новые неподозреваемые ныне перспективы.

Золотые прииски и россыпи встречаются во всем крае, начиная от Забайкалья и вплоть до Чукотского полуострова, преимущественно в долинах и расположенных в тайге северной части края верховьях рек, текущих с Станового хребта и хребта Малый Хинган. Значительные запасы бурых углей имеются в Забайкалье, Приамурье и Приморье; в последнем, кроме того, находятся имеющие серьезное промышленное значение месторождения каменного угля. В указанных частях края есть также месторождения железа, не отличающегося, правда, высокими качествами, серебро-свинцовых руд, олова, ртути и меди; в Забайкалье, кроме того, имеются месторождения цветных камней: бериллов (аквамаринов) и тяжеловесов (топазов). На Камчатке и Чукотском полуострове, горные богатства которых еще меньше исследованы, чем богатства прочих частей края, известны месторождения золота, угля, меди, графита, слюды, железа, нефти, цинка и серебро-свинцовых руд. Наконец, большой интерес представляют месторождения нефти и каменного угля, весьма высокого качества, на Сахалине. Более подробные сведения об ископаемых богатствах будут даны в главе о горной промышленности края.

Климат края. Климатические условия отдельных районов края во многом весьма отличны друг от друга, но все же на климат почти всего Дальневосточного края оказывают решающее влияние три фактора: холодные течения Охотского моря, континентальное положение значительной части края и близость к Тихому океану. Первые два оказывают огромное влияние на температуру края, последний — на количество осадков в нем. Несмотря на то, что в летние месяцы с Тихого океана на материк дуют теплые муссоны, все же средняя годовая температура в крае значительно более низка, чем в других, расположенных на одинаковой широте районах СССР; так, в Приамурье она равна средней годовой температуре северовосточной окраины европейской части СССР, несмотря на то, что последняя расположена на 15 градусов севернее ее. В таком же положении находятся и Забайкалье и Камчатка, причем для первого имеет значение континентальное его положение, для второй же холодные течения Охотского моря. Насколько разнятся температурные условия края от температурных условий европейской части СССР, видно из того, что даже холодный и пустынный Камчатский полуостров весь лежит южнее Ленинграда, средняя его часть на одной широте с Москвой, а южная оконечность — с черноземной полосой.

Вышеприведенные данные о средней годовой температуре относятся ко всей территории Дальневосточного края, за исключением южной части Приморья (особенно Владивостокского округа), где

температурные условия более благоприятны. Но следует иметь в виду, что низкая средняя годовая температура в значительной части Забайкалья и в южной половине Приамурья получается вследствие чрезвычайно низких температур зимних месяцев; наоборот, средняя температура пятимесячного растительного периода допускает даже в некоторых местах культуру такого полутропического растения, как рис. В южной полосе края наблюдается, следовательно, высокая амплитуда колебаний температур, доходящая до 70 градусов.

Количество годовых осадков в Приморьи и в Амурском округе колеблется между 500—750 *мм* (за исключением южной части Приморского побережья, где оно доходит до 800 *мм*), что соответствует количеству осадков в большей части европейской половины СССР; в Забайкалье и в Зейском округе оно колеблется между 300 и 500 *мм*, что соответствует условиям, сложившимся в засушливом Поволжьи. Но характерной особенностью климата Дальневосточного края является то обстоятельство, что главная часть осадков падает на вторую половину летних месяцев (июль, август). Как известно, земля охлаждается и нагревается быстрее воды; поэтому зимой над территорией Дальневосточного края устанавливается высокое атмосферное давление и преобладают северо-западные ветры (зимние муссоны) к океану, где давление тогда ниже; вследствие этого зимой устанавливается ясная, весьма холодная погода, с ничтожным количеством снежных осадков. С апреля, по указанным причинам, повышается атмосферное давление на океане и становится более высоким, чем на берегу, вследствие чего начинается обратное течение воздуха с юго-востока (летние муссоны), переносящее с океана на материк большое количество влаги. Собственно муссонные дожди не проникают на запад далее гор Малого Хингана, но влияние муссонов сказывается в большей части Амурского округа. Поэтому за три летних месяца здесь выпадает от 36 до 68% годового количества осадков. Влияние муссонов на влажность климата проявляется особенно резко на Тихоокеанском побережьи, не защищенном горными хребтами. Расположенная на восточном склоне Сихота-Алиня береговая полоса окутана большую часть года непроницаемыми туманами; здесь количество годовых осадков доходит до 800 *мм*. В таком же положении находится и Охотское побережье у порта Аяна, а также и восточный берег Камчатки, где количество осадков доходит до 1000 *мм* в год.

Почвы края. Первых переселенцев в край манили слухи о прекрасной черноземной почве, якобы распространенной по всей южной части Дальневосточного края. На самом же деле лишь южная часть Забайкалья может еще считаться частью той черноземной полосы, которая захватывает весь юг европейской части СССР и далее тянется через всю степную полосу Сибири. Отрезанные от этой полосы горными хребтами, окружающими озеро Байкал, почвы Забайкалья не могут уже считаться чисто черноземными; они являются скорее деградированными черноземными, черноземовидными и каштановыми. Почвы же южных частей Приамурья

и Приморья, принимавшиеся раньше за черноземные, фактически являются темно-окрашенными болотными, полуболотными и подзолистыми, распространенными здесь повсеместно. Но отсюда, конечно, не следует, что здесь нет плодороднх почв. Мощные полуболотные почвы, если заболачивание выражено не слишком резко и если они в достаточной степени проветрены, являются, как и в европейской части СССР, достаточно плодородными. Самые пригодные для земледелия по легкости их разработки, количеству растительного перегноя почвы илисто-песчаные встречаются в долинах рек Амура, Уссури, Зеи, Буреи, Архары и их притоков; единственный недостаток их заключается в том, что, находясь вблизи берегов рек, они подвергаются капризам последних во время обильных летних дождей.

Чем далее к северу, тем почвы становятся беднее и скоро переходят в неразвитые грубо-скелетные почвы таежной области, к которой относится север Забайкалья, Приамурья, Приморья и южной части Камчатки; северная часть последней, Анадырский район, вся занята тундрой.

Угодья. Обследованная лишь поверхностно и никогда еще точно не обмеренная территория Дальнего Востока не знала тех переписей угодий, которые уже несколько раз производились в европейской части СССР. Поэтому о распределении угодий в ней могут быть приведены лишь данные, основанные на приблизительном учете ее ресурсов.

Площадь лесов на территории Дальневосточного края равняется 900 тыс. *кв. км.* Средняя лесистость края, включая Камчатку с ее громадным северным тундровым пространством, составляет, следовательно, 34% ; без Камчатки же 63%. Таким образом, леса, носящие уже в северных частях Забайкалья, Приамурья и Приморья характер тайги, занимают около $^2/_3$ площади важнейших в экономическом отношении частей Дальневосточного края. Эти данные получены проверкой лесного фонда по имеющимся материалам, и все прежние данные о площади лесов в 1 276 тыс. *кв. км* должны быть признаны преувеличенными.[1]

В ботаническом отношении лесная растительность Дальневосточного края может быть грубо схематически разбита на три района. Даурская[2] флора занимает территорию Забайкалья и Зейского округа; район характеризуется преобладанием лиственницы вместе с березой. Крупные сосновые массивы встречаются лишь в восточной части района; но за пределами его, далее на восток, сосна уже не растет. Маньчжурская флора распространена в юго-восточном углу Амурского округа от реки Буреи к востоку и в южной части Приморья к западу от хребта Сихота-Алиня; здесь преобладают сибирская ель,

[1] «Концессионные объекты Дальнего Востока», часть I «Лесные концессии».

[2] Юго-восточная часть Забайкалья и северная часть Монголии были в свое время населены тунгусским племенем дауров; по нему территория современного Забайкалья называлась первыми исследователями Даурией.

пихта и маньчжурский кедр, среди которых вкраплены широколиственные маньчжурские породы: бархатное дерево, грецкий орех, ясень маньчжурский, монгольский дуб и несколько видов клена. Наконец, охотско-камчатская флора охватывает северные части Амурского округа и Приморья, южное побережье Приморья к востоку от Сихота-Алиня, Сахалин, Охотское побережье и Камчатку; здесь леса состоят преимущественно из хвойных пород: сибирской ели и сибирского кедра, да из немногих лиственных пород: березы, осины, ольхи и тополя.

В нижеследующей таблице сопоставлены общая и лесная площадь отдельных округов и выведен процент лесистости для каждого из них:

Округа	Общая площадь (в тыс. кв. км)	Лесная площадь [1] (в тыс. кв. км)	Процент лесистости
Владивостокский	82,2	46,5	56,5
Хабаровский	235,4	138,1	58,7
Амурский	224,3	126,9	56,6
Зейский	177,9	165,5	93,3
Читинский	187,0	163,3	87,3
Сретенский	91,6	60,8	66,4
Николаевский	642,3	172,1	26,8
Камчатский	1039,0	57,6	5,5
Сахалинский	38,0	27,3	71,7
Весь Дальневосточный край	2717,7	898,1	33,1
Весь Дальневосточный край без Камчатки	1678,7	840,5	50,0

Значительную часть площади края занимают неудобные пространства. Весь север Камчатки площадью около 800 тыс. *кв. км* (т. е. районы Чукотский, Анадырский, Гижигинский и север Петропавловского) заняты тундрой, под которой таким образом, находится $^1/_3$ всей территории Дальневосточного края (даже не считая тундровых пространств на севере Сахалина). Громадные пространства занимают также неудобные, преимущественно заболоченные, земли в Приамурьи и Приморьи. Главной причиной заболоченности их является малая проницаемость грунта в районах преобладания скелетных, глинистых и каменистых почв. Летние полутропические ливни наводняют реки,[2] заливают долины и не имеющие стока блюдцеобразные понижения, вследствие чего верхний перегнойный слой почвы быстро насыщается водой, и происходит заболачивание. Такие неудобные земли занимают не менее 15% площади указанных ча-

[1] С. П. Бонивецкий. «Лесное хозяйство» («Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1926 г., № 10—11).

[2] Так, например, правда, совершенно исключительный по своей силе ливень в августе 1927 г. заставил выступить из берегов ряд рек в бассейне Уссури и среднего течения Амура. Это наводнение причинило многомиллионные убытки хозяйству Владивостокского и Хабаровского округов. Такое же наводнение, несколько меньшего масштаба, произошло и осенью 1928 г.

*

стей края, а если включить сюда и неудобную лесную площадь, то значительно больше.

В Приморьи подавляющая часть лесов сосредоточена в Хабаровском и Николаевском округах. Лесная площадь небольшого по своим размерам Владивостокского округа невелика, но по лесистости Владивостокский округ не отстает от Хабаровского. Впрочем леса по его территории распределены весьма неравномерно: Посьетский и Ханкайский районы почти совсем безлесны. Процент лесистости Николаевского округа сильно понижается за счет обширных безлесных районов Охотского края, включенного в его состав при районировании.

Заболоченные пространства во Владивостокском округе распространены значительно менее, чем в Николаевском и Хабаровском округах, и носят характер сравнительно легко поддающихся осушке травянистых болот. В последних же как травянистые, так особенно и моховые болота имеют широкое распространение. Значительные болотные пространства сосредоточены в долине р. Амура, а также по долинам всех его притоков, которые сильно заболочены. Сравнительно мало заболочены долины р. Уссури и ее притоков. Громадные площади болот сосредоточены на северном морском побережьи Приморья; здесь горы отходят от моря на десятки километров, и все побережье составляет низменную заболоченную полосу, покрытую оленьим мохом. Эти болотные площади лежат вдоль всего Татарского пролива и значительной части Охотского побережья. Земледелие сосредоточено, главным образом, в Приханкайской низменности и в узкой полосе вдоль реки Уссури. Климатические условия (излишняя влажность) не благоприятствуют образованию значительных хороших луговых пространств.

Леса охватывают тесным кольцом все Приамурье с севера, оставляя свободными лишь Зее-Буреинскую низменность и крайний, соседний с Приморьем, юго-восток. Как и в Приморьи, здесь огромные болотные и заболоченные пространства распространяются как в занимающей весь север тайге, где большая часть площади покрыта сплошными болотами и лесами, над которыми высятся лишь обнаженные, покрытые каменными осыпями на своих скатах гольцы горных гребней, так и вдоль Амура и его притоков в Амурском округе, где большие пространства затопляются разливами рек. Те же причины, что и в Приморьи, не дают простора развитию пастбищ и покосов. Земледелие сосредоточено в Зее-Буреинской низменности и в узкой полосе между Амуром и железной дорогой.

Леса занимают весь север и юго-восток Забайкалья. Вследствие возвышенного расположения площадь заболоченных пространств значительно меньше, чем в Приморьи и Приамурьи. В отличие от последних здесь имеется значительное количество хорошо орошаемых, но не болотистых лугов и выгонов, особенно распространенных на степном юго-востоке. Реки Ингода, Онон, Шилка и Аргунь орошают прекрасные долины, почвенные условия в которых весьма пригодны для земледелия; однако, климатические условия для развития его менее благоприятны, чем в Приамурьи и Приморьи.

Север русской части острова Сахалина занят тундрой, далее же к югу расположены леса. Земледелие возможно лишь в долинах рек Тыми и Пороная.

В Камчатском округе лишь южные части его покрыты лесом; далее к северу все пространство округа занято заболоченными пространствами (Ольский и южная часть Гижигинского районов), безлесными плоскогориями (северная часть Петропавловского района) и тундрами (вся остальная площадь округа). По климатическим условиям земледелие, и то лишь в виде огородничества, возможно лишь в отдельных пунктах южной части Камчатского полуострова, главным образом в долине р. Камчатки.

Из громадной площади Дальневосточного края для сельскохозяйственных целей освоены относительно лишь самые ничтожные пространства. Не говоря уже о Камчатке, даже во всех остальных частях края в среднем освоено под сельское хозяйство (включая луга) не более 1,6% всей площади. Если же исключить луга, то чистая площадь освоенной непосредственно под земледелие земли будет составлять лишь 1,1% общей площади края (без Камчатки). Притом следует иметь в виду, что освоенная под земледелие площадь никогда вся одновременно не находилась под посевами.

Между тем, в последние дореволюционные годы, когда земледелие в крае росло весьма интенсивно, стал уже ощущаться острый недостаток в свободных, годных под земледелие, удобных землях. По этой причине в отводы новоселов включалось значительное количество земель неудобных. Конечно, здесь дело не в абсолютном недостатке свободных земель: по исчислениям отдельных авторов целая треть территории Дальневосточного края по своим природным условиям технически пригодна для сельскохозяйственного освоения. Другой вопрос, насколько это освоение в настоящее время с хозяйственной точки зрения возможно. Для освоения необжитых районов необходима не только постройка дорог, но и ряд крупнейших мелиоративных работ, направленных на раскорчевку леса (коллизия в будущем с интересами лесной промышленности!), осушение болотных пространств и т. д.

Правда, само внедрение хотя бы и примитивного земледельческого хозяйства в тайгу уже до известной степени является фактором мелиорации: быстрое исчезновение поверхностной заболоченности равнин в заселяемых местностях подтверждается многими наблюдателями. Так, на Дальнем Востоке за 20 — 30 лет почти совершенно обсохли Ханкайский район, долины р. Уссури, Буреинский район и др. Далее вырубка больших площадей первобытного леса и обращение их в пашню, осветление почвы в лесах, очистка лесов от валежника, осушка болот и т. д. могут заметно изменить климат в смысле удлинения безморозного периода, устранения летних заморозков, прогревания и вентиляции почвы и т. д.

Но, конечно, рассчитывать на такую естественную мелиорацию значило бы растянуть освоение указанных пространств на несколько тысячелетий. Для того же, чтобы ускорить этот процесс, необходимо

вмешательство государства и производство за его счет крупных строительных и мелиоративных работ. Считают, что для освоения указанной выше территории (треть Дальневосточного края) необходима затрата со стороны государства 15 млрд руб., т. е. суммы, равной утроенному бюджету СССР в 1926/27 г.

Естественно, что в короткий срок затратить такую сумму совершенно невозможно; потому освоение годной для сельского хозяйства тайги растянется не на одно поколение. Все же серьезным шагом на этом пути являются те крупные мелиорационные и дорожно-строительные работы, которые в течение ближайшего десятилетия намечаются на Дальнем Востоке в связи с предположенным направлением сюда огромного потока переселенцев (см. гл. III).

ГЛАВА II.

НАСЕЛЕНИЕ.

Численность и плотность населения.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г дает следующие данные о населении Дальневосточного края.[1]

Округа	Население (в тыс.)		% городского населения	Площадь (тыс. кв. км)	Плотность населения на 1 кв км
	Всего	В том числе городского			
Владивостокский . .	360,6	157,0	27,9	82,2	6,8
Хабаровский	181,3	55,4	30,7	235,4	0,8
Николаевский . . .	30,5	6,0	20,0	642,3	0,04
Амурский	393,7	93,2	23,6	224,3	1,7
Зейский	49,5	21,5	43,4	177,9	0,3
Сретенский	201,7	20,3	10,0	91,6	2,2
Читинский	380,4	90,5	23,7	187,0	2,0
Камчатский	31,2	1,2	3,8	1039,0	0,03
Сахалинский	11,4	2,6	22,8	38,0	0,3
Всего	1840,3	447,7	24,1	2717,7	0,7

Цифры эти дают понятие о населенности края, хотя и не могут претендовать на абсолютную точность: некоторая часть жел-

[1] По «предварительным итогам Всесоюзной переписи населения от 17 декабря 192[illegible] г., вып. 3-й». Для Николаевского и Камчатского округов, по которым к моменту опубликования предварительных итогов полных данных еще не имелось, взяты ориентировочные цифры на 1 января 1927 г. по «Капитальному строительству Дальневосточного края».

того населения, особенно в сельских местностях, несомненно ускользнула от переписи 1926 г., точно так же, как она не поддавалась точному учету и при предшествующих переписях (1897, 1917 и 1923 г.); кроме того, разбросанное в тайге туземное население также не может быть точно учтено, но все же переписью 1926 г. оно охвачено значительно более полно, особенно в Приморьи и Забайкалье, чем предыдущими переписями.

Итак, населенность Дальневосточного края чрезвычайно мала. На всей этой огромной территории проживает лишь 1,8 млн чел., т. е. лишь немного больше, чем в одном Ленинграде (1,7 млн чел.).

Плотность населения Дальневосточного края в целом ничтожна, даже ниже, чем в малонаселенном Сибирском крае, где на 1 *кв. км* все-же приходится около двух человек.

Природные условия отдельных частей Дальневосточного края слишком различны, чтобы можно было без учета их делать какие-нибудь выводы по поводу плотности населения каждой из них. Природными условиями объясняется, конечно, в первую очередь, малонаселенность Камчатского округа. Обширные тундровые пространства, занимающие не менее $^2/_3$ его, не являются, конечно, благоприятствующим колонизации фактором. Главная часть ничтожного населения сосредоточена на Камчатском полуострове, преимущественно в долине р. Камчатки и на побережьи, где оно занимается почти исключительно рыбной ловлей и охотой, и в отдельных близких к Охотскому морю районах, где главным источником существования служит оленеводство.

Ничтожная густота населения на Сахалине, помимо природных условий (тундра в северной части), объясняется также тем, что Сахалин до 1917 г. был русской пенитенциарной колонией. Это место каторги и ссылки не могло, конечно, привлечь широкой волны переселенцев, а туземное население исчисляется лишь сотнями. Почти все русское население здесь, сосредоточенное, главным образом, в долинах рек Тыми и Пороная, где условия для земледелия наиболее благоприятны, является потомками вышедших на поселение каторжан и ссыльных, а также переселенцев, которых пытались привлечь сюда с 1903 г.

Между тем, японцы, получив в 1905 г. почти совершенно пустынную южную часть острова (называемую теперь японцами Карафуто), сумели уже к 1910 г., благодаря использованию рыбных ловель, эксплуатации лесов и прочих природных богатств, довести число жителей своей части до 31 тыс. человек. В 1920 же году японское население южной части Сахалина равнялось 106 тыс. чел. Прирост на 1 тыс. чел. в некоторые годы достигал 290 человек, при среднем приросте в 171 чел. Плотность населения японской части Сахалина составляет 3,1 чел. на 1 *кв. км*, т. е. превышает в восемь раз плотность населения в русской части. Нужно, конечно, принять во внимание, что южный Сахалин колонизовался населением острова Хоккайдо, сходного с первым по своим природным и экономическим возможностям.

Из основных округов края весьма слабо заселены чисто таежные и промысловые — Зейский и Николаевский; плотность населения в последнем сильно понижается за счет включенного в его состав обширного Охотского района.

Довольно плотно по дальневосточным масштабам населена житница края, Амурский округ, а также оба Забайкальских округа, являющиеся в крае самым старым районом русской колонизации: колонизуются они уже более 200 лет. Конечно, плотность населения не во всем Забайкалье одинакова: мало населена северная таежная часть его; несколько более юго-восточная — степная; гуще всего население в земледельческой части, расположенной вокруг Читы, Сретенска и Нерчинска и вдоль железной дороги, тянущейся вдоль бывшего Московского тракта.

Но все же резко выделяется среди остальных по плотности населения Владивостокский округ с его значительными пространствами удобных для сельского хозяйства земель и крупным торговым и транспортным центром, — Владивостоком.

Скопление населения в легче всего усвояемых земледельческих районах, конечно, не требует каких-нибудь особых объяснений. Напротив, вызывает удивление непропорциональная распределению природных ресурсов малонаселенность прочих районов. Хотя, конечно, указанные районы и не могут быть так относительно густо заселены, как районы земледельческие, все-таки эксплуатация лесных и горных богатств в них должна была бы при нормальном развитии хозяйства края привлечь значительно большее количество рабочей силы. Объяснение этому ищут обычно в одной лишь колонизационной политике царского правительства, которая всецело была направлена на земледельческое освоение края. Такая политика вполне понятна, если учесть все причины, которые могли действовать в этом направлении. Прежде всего, захватив огромный, почти совершенно пустынный край, правительство естественно должно было в первую очередь подумать об его заселении оседлым элементом, который бы тесно связался с хозяйственно эксплуатируемой им территорией; такой элемент может лучше любой вооруженной силы укрепить власть государства над захваченной им территорией, связав последнюю тысячами невидимых нитей с метрополией. Этим государственно-колонизационным целям больше всего соответствовало переселение в край крестьян-земледельцев, — социальной группы, по роду своей деятельности теснее всего связанной с землей и крепче всего к ней привязывающейся. Вполне логично также начинать заселение с легче всего осваиваемых пространств, требующих меньших затрат, каковыми и явились земли, годные для земледелия. В дальнейшем, особенно после 1905 г., мотивы государственно-колонизационные отступают, правда, на задний план перед мотивами социально-политическими. Аграрные волнения в Европейской России вызывали стремление правительства разрядить сгущенную атмосферу, сложившуюся там в области аграрных отношений. Вместо длившихся с 1861 г. колебаний правительства в переселенческом вопросе (ко-

лебания эти вызывались все время давлением части класса землевладельцев, опасавшихся в связи с переселением лишиться в своих поместьях дешевых рабочих рук), после 1905 г. берется твердый курс на переселение, и переселенческое управление резко расширяет из года в год размах своей работы за Уралом, в том числе и на Дальнем Востоке. Итак, наравне с государственно-колонизационными мотивами и мотивы социально-политические заставляют царское правительство все внимание обращать на земледельческую колонизацию Дальнего Востока. Те же мотивы социально-политического характера заставляют его критически относиться к промышленному и промысловому развитию края, так как это требовало бы привлечения сюда из Европейской России рабочей силы, что в ущерб покровительствуемым правительством промышленникам центральной России могло создать там неблагоприятные для последних условия на рынке труда. Дальний Восток в этом отношении разделял, следовательно, участь всех других окраин, которые должны были служить лишь «колониями», рынками сбыта для изделий промышленности метрополии. Таким образом, развитие здесь обрабатывающей промышленности противоречило бы интересам промышленности центра с точки зрения сбыта, широкое же развитие промышленности добывающей — тем же интересам, но уже, главным образом, с точки зрения рынка труда.

Но, с другой стороны, следует иметь в виду, что ряд объективных причин не благоприятствовал широкой промысловой, а тем более промышленной колонизации края. Крупные промышленные предприятия не могли возникнуть в расчете на крайне ограниченный местный рынок; на внешнем же дальневосточном рынке они также не могли бы конкурировать с поставленными в значительно более благоприятные, в смысле получения и качества сырья, промышленными предприятиями Соединенных Штатов Северной Америки и Японии.

Наравне с этим тихоокеанские рынки предъявляли тогда еще слишком ничтожный спрос на сырье нашей дальневосточной окраины. По этой причине, главным образом, не могла получить широкого развития лесопромышленность, которая является лучшим базисом для широкой промысловой колонизации.

Взаимодействие этих причин, среди которых конъюнктуре внешних рынков должно быть отведено значительно более солидное место, чем это обычно делается, привело к тому, что колонизация Дальнего Востока приняла с самого начала резко выраженный земледельческий уклон, который и в дальнейшем не мог быть уравновешен соответствующим развитием промысловой колонизации.

Русская колонизация области.

Забайкалье было формально закреплено за Россией еще Нерчинским трактатом с Китаем в 1689 г.; фактически там уже и до этого обосновались отдельные переселенцы-казаки. Сразу после окончательного установления восточных границ края с Китаем началась колонизация его; для этой цели были в первую очередь использованы казаки, из

которых здесь скоро было образовано особое забайкальское войско; очень скоро началось также выселение сюда крестьян в административном порядке. Через 120 лет после присоединения Забайкалье было уже, с точки зрения правительства, относительно настолько плотно заселено русскими, что с 1809 г. прекращено производившееся до этого принудительное в него переселение.

Сразу после заключения Айгунского трактата (1856 г.) началась колонизация Амурской и Приморской областей, причем здесь были в первую очередь использованы забайкальские казаки и приписные крестьяне Нерчинского горного округа, принудительно зачисленные в образованное в 1860 г. Амурское казачье войско (из которого в 1889 г. выделено было войско Уссурийское). Кроме того, использовались для колонизационных целей ссыльные и бессрочно отпускные солдаты. Все переселение производилось в принудительном и весьма упрощенном административном порядке: «Переселенцы сплавлялись из Забайкалья по реке Шилке на плотах со скотом и запасом продовольствия. Очередные плоты с определенным числом переселенцев причаливали к берегу, а остальной караван двигался дальше. Причалившие плоты разгружались, и переселенцы, выбрав наиболее подходящее место для поселка, начинали себе устраивать шалаши и землянки на новом месте жительства».[1] Основной задачей, которую при этом ставила перед собой администрация, было заселение района, непосредственно прилегающего к русско-китайской границе, представлявшего к тому же, в виду прохождения границы по р. р. Амуру и Уссури, наиболее удобный прямой путь к Тихому океану.

В целях дальнейшей колонизации края были 26 марта 1861 г. изданы «Правила для населения в Амурской и Приморской областях», предоставлявшие переселенцам целый ряд льгот. Прежде всего им нарезались наделы в 109 *га* (100 дес. земли на семью, что значительно превышало даже высокие общесибирские нормы, причем переселявшимся предоставлялась полная свобода выбора наиболее подходящего им участка. Отводимые земли освобождались на 20 лет от платежа оброчной подати, а засельщики от подушной подати навсегда и от призыва на военную службу на 10 лет. Кроме того, до 1886 г. многие переселенцы перевозились на казенный счет, получали продовольствие на $1^1/_2$ года, снабжались живым и мертвым инвентарем, получали пособие на постройку жилища и т. д. Система ссуд на обзаведение сохранялась до самого последнего времени; ссуды выдавались сначала по 200 руб., потом по 400 руб., а в некоторых случаях и по 800 и более рублей и подлежали возврату в продолжение 10 лет, начиная с шестого года их получения. Несмотря на все льготы, до начала 80-х годов прошлого столетия в край проникали лишь единичные добровольные переселенцы, преимущественно сектанты молокане из Воронежской и Астраханской губерний, которых особенно привлекало сюда осво-

[1] П. Ф. Унтербергер «О Приамурском крае» «Вопросы колонизации».

бождение от воинской повинности, противной их религиозным взглядам. В виду отсутствия в то время каких-нибудь других путей, переход свой они совершали на лошадях по Московскому тракту через всю Сибирь, а, достигнув Амура, сплавлялись далее по нему; на это путешествие они затрачивали не менее двух лет.

Открытие дальневосточных рейсов Добровольного флота (Одесса—Владивосток) значительно облегчило условия переселения в край: вместо 2 лет требовалось уже 30 дней. В связи с этим приток переселенцев резко увеличился и составлял до 1900 г. в среднем 4 000 душ в год.

Итак, толчок колонизации был дан, и поэтому в 1900 г. было признано возможным сократить размер предоставляемого переселенцам земельного надела. По изданному в этом году закону все переселенцы с 1 января 1901 г. получали надел по общесибирской норме, т. е. не свыше 16,5 *га* (15 дес.) удобной земли, включая сюда и 3,3 *га* (3 дес.) леса на мужскую душу. Одновременно с этим была отменена свобода выбора земель для заселения, и правительство, через переселенческое управление,[1] приступило к массовой заблаговременной заготовке переселенческих участков. Несмотря на сокращение льгот, переселенческая волна не убывала, а, наоборот, росла из года в год, что может быть объяснено целым рядом причин: во-первых, в конце XIX века открыто движение по Уссурийской ж. д. (Владивосток — Хабаровск), что создало благоприятные условия для колонизации Уссурийской низменности; затем в 1900 г. открыта Забайкальская ж. д., составляющая продолжение через Забайкалье построенной в конце XIX века Сибирской магистрали; это открыло путь для переселенцев из Заволжья и Сибири, для которых морской путь через Одессу был неудобен; кроме того, во время русско-японской войны большие крестьянские массы, находясь на военной службе, близко познакомились с Дальним Востоком и имели возможность оценить те выгоды, которые сулило им переселение в этот край; наконец, едва ли не главной причиной явились аграрные реформы, проведенные в Европейской России после 1905 г. (право выдела из общины и т. д.), давшие могучий толчок переселению за Урал, в том числе и на Дальний Восток. В результате число переселенцев, составлявшее уже в 1900 — 1903 гг. до 14 тыс. чел. в год, достигло в 1907 — 1910 гг. максимальной цифры: 45 тыс. чел. в среднем в год. В последующие годы волна несколько спала, и в 1911 — 1914 гг. переселялось лишь около 17 тыс. чел. в год.

Наличие двух путей, по которым могли двигаться переселенцы, оказало большое влияние на распределение их на территории Дальнего Востока по месту выхода. Для выходцев из юго-западных районов удобнее был путь через Одессу на Владивосток, т. е. в пределы Приморья; для выходцев же из восточных губерний Европейской

[1] Переселенческое управление было в 1893 г. образовано в составе министерства внутренних дел; в 1905 г. оно перешло в министерство земледелия, после чего оно и стало усиленно развертывать свою работу.

России — путь через Сибирь в пределы, в первую очередь, Забайкалья. В результате, при переписи 1923 г. к украинцам причисляло себя в Приморьи 50%, в Приамурьи 33%, а в Забайкалии лишь 2% русского населения.

Итак, Приамурье и Приморье представляют собой совсем молодые районы русской колонизации: в первом 75% всего наличного на 1914 г. числа русского населения вселилось после 1890 г., а во втором даже только после 1897 г.; с 1897 г. по 1914 г. русское население в Амурской области возросло на 160%, а в Приморской даже на 275%, тогда как в Забайкалии, колонизуемом уже давно, лишь на 35%.

В Дальневосточном крае могли и могут наблюдаться ряд признаков, характерных для быстро колонизуемых районов. В помещенной в начале главы таблице поражает громадный процент проживающих в городах и поселках городского типа населения, причем, чем более в колонизационном отношении молодым является данный округ, тем процент городского населения в нем при прочих равных условиях больше; рост административных и торговых центров неизбежно опережает сельскохозяйственное освоение края. Почти с американской быстротой растут города: Чита, насчитывавшая в 1897 г. 11,5 тыс. жителей, имеет уже в 1910 г. 74,3 тыс., Благовещенск соответственно 32,8 и 64,4, Владивосток — 28,9 и 84,6, Хабаровск — 15,0 и 43,3 тыс. жителей. По переписи 17 декабря 1926 г. население важнейших городов Дальневосточного края составляло: Владивосток—102,5 тыс. чел. (в 1917 г. оно доходило до 109 тыс. чел., а в 1921 г. даже до 117 тыс.), Чита — 57,7 тыс. чел.; Благовещенск — 57,5 тыс. чел.; Петропавловск-на-Камчатке — 1,7 тыс. чел.; Хабаровск—44,1 тыс. чел.; Никольск-Уссурийский — 32,1 тыс. чел.; Николаевск-на-Амуре — 7,5 тыс. чел. За исключением Читы, старого административного центра Забайкалья, все это—возникшие во второй половине XIX века поселения, превратившиеся в крупные торговые центры. Благовещенск — важнейший торговый центр Приамурья, средоточие хлебной торговли и мукомолья. Хабаровск — административный центр Дальневосточного края и узловой пункт важнейших водных и железных дорог: Уссурийская ж. д. пересекает здесь Амурскую водную магистраль, в которую у него втекают р. р. Уссури (путь в Приморье) и Сунгари (путь в Маньчжурию). Владивосток, бывший при занятии края ничтожным рыбачьим поселением, куда летом съезжалось несколько китайцев для ловли трепангов, первый толчок своему дальнейшему развитию получил в 1873 г., когда сюда была переведена база русского военного флота на Тихом океане;[1] в дальнейшем большое оживление вносит установление в 80-х годах рейсов между Одессой и Владивостоком, который, благодаря этому, становится транзитным пунктом для переселенцев и грузов, следующих на Дальний Восток и обратно;

[1] Раньше она была в Петропавловске-на-Камчатке, в 1855 же году она была переведена в Николаевск-на-Амуре, где и находилась до 1872 г.

в 90-х годах строится Уссурийская ж. д., связавшая Владивосток со всем южным Приморьем, что еще более ускорило экономическое развитие города; наконец, благодаря постройке Восточно-Китайской ж. д., Владивосток приобретает растущее из года в год значение в качестве крупного транзитного центра мировой торговли: через него ввозятся товары для Маньчжурии и вывозится на мировой рынок быстро растущая товарная продукция маньчжурского сельского хозяйства.

В годы мировой войны переселение, естественно, сошло почти совсем на-нет, в годы же войны гражданской наблюдался лишь неорганизованный наплыв беженцев (главным образом городских элементов) и чрезвычайно интенсивное внутриобластное движение населения, вызванное событиями гражданской войны.

Лишь с 1923 г. стала вновь намечаться резко увеличивающаяся из года в год тяга переселенцев на Дальний Восток: в 1924/25 г. было устроено 37 тыс. переселенцев, в 1925/26 г. — 15 тыс., в 1926/27 г. — 35 тыс., в 1927/28 г. ожидалось на Дальний Восток 55 тыс. переселенцев, т. е. больше, чем вселялось в среднем в 1907—1910 гг., в годы самого оживленного дореволюционного движения переселенцев на Дальний Восток. Развиваясь без достаточных средств и без наличного определенного плана, переселение в указанные годы качественно не могло подняться значительно выше дореволюционного. Недостаток средств не позволил заранее развернуть широкую подготовку земельного фонда для переселенцев; не оказывалось им также в достаточной мере организационно-хозяйственной, медико-санитарной и культурной помощи. Если тем не менее поток переселенцев рос из года в год, то это служит лишним доказательством жизненности намечаемых на будущее широких перспектив колонизации нашего Дальнего Востока.

Разрежение населения в ряде аграрно-перенаселенных районов Европейской части СССР является одной из серьезнейших хозяйственных задач, стоящих в настоящее время перед нашей страной; аграрная перенаселенность этих районов является препятствием к рационализации их сельского хозяйства. С другой стороны немало еще в СССР районов, заселение которых является основным условием дальнейшего развития их производительных сил. К числу последних относится и Дальневосточный край, уплотнение населения в котором к тому же необходимо и по соображениям государственной обороны.

Государственно-колонизационное значение заселения Дальнего Востока едва ли могло быть раньше с такой степени оценено, как в настоящее время. Уже одни вожделения японских империалистов, так хищнически проявившиеся в годы интервенции, могли бы заставить обратить сугубое внимание на необходимость дальнейшего укрепления связи Дальневосточной окраины с центром; с другой стороны, если не будут теперь же приняты активные меры, наш Дальний Восток, в случае каких-нибудь международных осложнений, мог бы быть захлестнут грандиозной колонизационной волной, иду-

щей из Маньчжурии, которая за последние 25 лет из пустынного края превратилась в относительно густо населенную земледельческую страну, принимающую из года в год новые грандиозные массы переселенцев из внутренних провинций Китая (в последние годы сюда вселяется около 400 тыс. человек в год, т. е. в десять раз больше того, что вселялось в Дальневосточный край в годы самой интенсивной колонизации).

По количеству ожидаемых в течение ближайшего десятилетия переселенцев Дальневосточный край является вторым колонизационным районом СССР (первый — Сибирь). По планам НКЗ и дальневосточных краевых органов сюда в течение ближайшего десятилетия (1927—1936) в плановом порядке подлежит переселению 1 053 тыс. чел.[1] Кроме того предусматривается приток внеплановых переселенцев, а в связи с развертыванием промышленности, эксплуатации лесных, рыбных и др. богатств края также и промышленных промысловых рабочих. Эти группы увеличат общее количество переселенцев до 1 500 тыс. человек.

Несомненно промысловой колонизации на Дальнем Востоке предстоит большое будущее. Одна лесная промышленность потребует в ближайшем будущем значительного количества оседлых рабочих, достаточно обеспеченных лошадьми. В связи с истощением рыбных богатств эксплуатируемых водоемов, особый интерес приобретает колонизация рыбопромышленных районов. До сих пор эти районы колонизовались крестьянским населением, которое, селясь вдоль рек, вылавливало подымавшуюся по ним для нереста рыбу, т. е. ловило ее как раз в тот момент, когда, исходя из интересов сохранения рыбных богатств края, следовало бы совершенно воздержаться от рыбной ловли. Рыбные же богатства морских водоемов эксплуатируются до сих пор весьма слабо, да притом почти одними лишь японцами (см. главу о рыбопромышленности). Актуальной задачей является развитие русского морского рыболовства, что не только приведет к рационализации рыбного дела, предотвратит упадок его, улучшит качество продукции, но и приведет к колонизации морского побережья, еще крайне слабо заселенного.[2] Этой цели больше всего соответствовало бы привлечение в эти районы переселенцев из рыбопромыслового района Каспийского моря, которые в качестве побочного заработка могли бы еще на побережьи заниматься скотоводством. Наконец, нужны будут рабочие и для горной и обрабатывающей промышленности, для транспортного строительства, мелиорационных работ и т. д.

По все же при намеченном темпе колонизации основной поток

---

[1] В том числе около 35—40 тыс. хозяйств, переходящих к земледелию трудящихся евреев, для которых отведен Биреко-Биджанский район (в юго-восточном углу Амурского округа).

[2] Именно, недостатком знакомых со сплавом, рыболовством и т. д. русских рабочих в значительной степени в настоящее время должен быть объяснен высокий процент восточных рабочих в этих отраслях хозяйства Дальневосточного края (см. ниже).

переселенцев должен будет направляться в сельское хозяйство. Вполне понятно, что в планах местных переселенческих органов главное внимание уделяется земледельческой колонизации.

В первые годы возрождения переселенческого движения, когда оно еще не было вполне массовым, наши переселенческие органы, поневоле, должны были ориентироваться на такой состав поселенцев, который был достаточно обеспечен в имущественном отношении. В связи с этим Наркомземом были даже в 1925 г. изданы правила, требовавшие от переселенцев имущественного ценза: в частности от переселенцев на Дальний Восток требовалась материальная обеспеченность в деньгах, инвентаре и постройках в размере не менее 900 руб. на хозяйство. Рассчитывалось, что при такой политике переселенческое движение будет развиваться при минимальном материальном участии государства, которое могло бы ограничиться созданием условий «минимальной проживаемости» в колонизационных районах.

Но не говоря уже о том, что эта политика мало вяжется с нашим социально-политическим строем, она не соответствовала хозяйственно-бытовому укладу нашего крестьянства; на переселение попрежнему шли более слабые элементы, обходя все запреты, а там, где эти запреты оказывались непреодолимыми, переселение совершенно замирало.

Поэтому упомянутый выше 10-летний перспективный план колонизации Дальневосточного края строится на совершенно других началах. Планом имеется в виду создание для переселенцев условий не минимальной, а прочной приживаемости. Предполагается, что переселенцам не только будут отведены удобные участки, но что к этим участкам будут проведены необходимые дороги, что будет за государственный счет произведена необходимая мелиорация этих участков, раскорчевка леса и даже (правда лишь в необжитых районах) распашка по известной норме. Кроме того, на возведение построек, приобретение скота, удобрений, семенных материалов и инвентаря переселенцам будут на льготных условиях выдаваться ссуды; средний размер последних установлен в 600 руб., а для Сахалина даже в 700 руб.; наконец, для переселенцев установлены разного рода льготы по уплате сельхозналога, призыву на военную службу и т. д.

В связи со всем этим нельзя сказать, что устройство намеченного переселенческого потока, в несколько раз превышающего довоенный, представляет собой легкую задачу, хотя бы уже потому, что лишь меньше половины переселенцев можно будет путем утеснения старожилого населения (об этом в следующей главе) разместить в обжитых районах.

Возможны даже известные сомнения в осуществимости указанного плана, особенно если принять во внимание величину той суммы, которая требуется для его выполнения. Эта сумма (правда, включая 80 млн руб. на ссуды, подлежащие возврату), равняется 237 млн руб., т. е. превышает стоимость Днепростроя или Волго-Донского канала.

Но если принять во внимание, что проблема «Дальневосточного упора» имеет для нашего Союза не меньшее значение, чем указанные проблемы крупного капитального строительства, то следует признать, что необходимые средства в указанных размерах все же должны быть найдены.

Одно лишь сопоставление наличного населения Дальневосточного края (1,8 млн чел.) с намеченным планом числом переселенцев в ближайшие 10 лет (1,5 млн чел.) показывает, какой крупный шаг вперед на пути укрепления Дальневосточного упора означало бы осуществление рассмотренных предположений.

Местные племена. При занятии Приамурья и Приморья край был редко населен исключительно туземными тунгусскими и палеазийскими охотничьими племенами. По мере колонизации края русским населением, туземцы отодвигались все далее в тайгу, хотя процесс этот в Приамурьи и Приморьи никогда не принимал таких острых форм, как в южном Забайкалье, где коренное население — буряты, — скотоводческое племя монгольского происхождения, издавна и вплоть до революции административными мерами вытеснялось со своих земель, которые предоставлялись русским переселенцам под пашню. В указанных же частях края, в большинстве случаев, интересы охотников-туземцев непосредственно редко вступали в противоречие с интересами русских засельщиков, земледельцев. По косвенными путями русская колонизация привела к вытеснению туземцев в глубь тайги: по мере заселения края стали более интенсивно разрабатываться его пушные богатства, основа существования туземцев, которые принуждены были вследствие этого в поисках зверя все далее углубляться в тайгу. Сокращение добычи могло бы, конечно, при нормальных условиях компенсироваться повышением цен на нее, но фактически происшедшее за последние десятилетия повышение цен на пушнину на мировом рынке весьма мало отразилось на ценах, выручаемых туземцами-охотниками за нее: львиная доля прибыли оставалась в руках русских и китайских скупщиков. Ухудшение материальных условий существования, а также распространение социальных и бытовых болезней (бытовой сифилис и трахома) — обычный результат вхождения в более тесный контакт стоящих на низкой ступени развития народов с более культурными народами — при капиталистическом строе привели к тому, что местное население очень быстро вырождалось и вымирало. Еще в 1897 г. в Амурской и Приморской областях насчитывалось 45 тыс. туземцев, в 1923 г. их оказалось уже лишь около 13 тыс. человек.

Если исключить бурят Забайкалья, которые в настоящее время в административном отношении выделены из состава дальневосточного Забайкалья в самостоятельный Агинский аймак, входящий в состав Бурят-Монгольской АССР (см. выше), то в этнографическом отношении современное туземное население Дальневосточного края может быть разбито на две большие группы — на народы палеазийского и тунгусского происхождения. Народы палеазийской группы (родственны индейцам Америки) занимали некогда всю Восточную

Сибирь к востоку и северу от Байкала и даже часть Японских островов. Впоследствии тунгусская колонизация (из пределов современной Маньчжурии) вытеснила их на крайнюю северо-восточную оконечность Азии — Камчатку, а давление японцев с Японских островов — на Сахалин и Хабаровский и Николаевский округа. Разбиты они на множество мелких, носящих разнообразные названия племен. В указанных пределах их насчитывается около 3 500 чел. Главную массу их составляют проживающие в низовьях Амура гиляки, добывающие средства существования почти исключительно рыболовством. В пределах Камчатки из общего числа населения в 35 тыс. чел. к туземцам принадлежит 30 тыс. чел., почти исключительно палеазиатов: чукчей, коряков, ламутов, камчадалов, алеутов и др. Живут они оленеводством, звероловством, рыболовством и отчасти морским промыслом (чукчи). Большая часть их, около 24 тыс. кочует (чукчи, коряки, тунгузы и др.), и лишь около 6 тыс. (камчадалы) могут считаться оседлыми. Таким образом, в противоположность прочим частям края, где туземное население теряется в общей массе пришлого элемента,[1] подавляющую часть населения Камчатки составляют туземные племена палеазийской группы. Русская колонизация не делала здесь почти никаких успехов: в 1897 г. русских было здесь 3 881 чел., а в 1911 г. число их возросло лишь до 4 200 чел.

К тунгусской группе относятся, собственно, тунгусы, проживающие в тайге Забайкалья, Приамурья и Приморья, где они занимаются охотой и оленеводством, а также более мелкие охотничьи племена — орочены и гольды (Приморье).

Советская власть, уважающая права всех народов, принимает в настоящее время все меры к поднятию туземных народов на более высокую ступень культурного развития. Организованы многочисленные туземные советы и районы. Растет туземная школьная сеть. Организованы туземные отделения на рабфаке при Владивостокском университете и в Хабаровском педагогическом техникуме. Широкая культурно-просветительная работа несомненно быстро приведет к изживанию еще распространенных кое-где среди туземцев пережитков старины (шаманство, покупка жен и т. д.). Начатые советскими органами в значительных размерах работы по хозяйственному и культурному развитию туземного населения будут чем дальше, тем больше углубляться, особенно по линии борьбы с социальными болезнями, защиты туземцев от эксплуатации частных скупщиков и, наконец, облегчения перехода туземцев к лесозаготовкам в связи с падением промыслов (охота, рыболовство), которыми они до сих пор по преимуществу занимались.

«Желтая» колонизация.

Крайне важным антропогеографическим фактором в экономике Дальневосточного края является интенсивное внедрение в него представителей желтой расы: китайцев, корейцев и отчасти японцев.

[1] В 1923 г. в Забайкальской губ. насчитывалось туземцев 5,7 тыс. чел. при населении в 530 тыс. чел., в Амурской губ. соответственно 5,4 тыс. и 391 тыс. чел., в Приморской — 7 тыс. и 621 тыс. человек.

Уже при занятии Приамурья на территории его проживало около 10,5 тыс. чел. оседлых земледельцев-маньчжуров («зазейские маньчжуры»). По условиям Айгунского и Пекинского договоров они были оставлены на русской территории и сохранили свое китайское подданство; им были оставлены обрабатывавшиеся ими земли на левом берегу Амура, против китайского города Айгуна (несколько ниже Благовещенска). Кроме них, бродило в тайге в поисках целебного корня жень-шень и для скупки пушнины у туземцев еще некоторое количество китайцев. В дальнейшем, особенно начиная с 70-х годов прошлого столетия, в связи с развитием казенного строительства на Дальнем Востоке, постройкой железных дорог, развитием частной промышленности и т. д., край стал привлекать растущее с каждым годом число иммигрантов-китайцев. Все крупные казенные работы на Дальнем Востоке, произведенные до 1910 г., как например: постройка крепости и порта во Владивостоке, Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог, Порт-Артура и Дальнего выполнены почти целиком при помощи китайских рабочих — «кули».

Что же привлекало китайцев на русский Дальний Восток и заставляло даже казенные учреждения пользоваться их трудом? Перенаселенность внутреннего Китая является единственной причиной отмечаемого в первом вопросе факта. Как в северных провинциях Чжили и Шаньдунь, поставлявших большую часть китайских рабочих на русский Дальний Восток, так и вообще во всем внутреннем Китае на 1 *кв. км* проживает от 300 до 500 чел., т. е. столько же, сколько в промышленной Бельгии. «Здесь неизбежно периодическое несоответствие между источниками питания и количеством населения, голодовки и хроническое недоедание... Избыток населения устраняется, с одной стороны, детоубийством, с другой — жестокими эпидемиями... Населения так много, что ни 30 млн. погибших во время одного тайпинского восстания, ни 8 млн. погибших во время одного из больших голодов не произвели заметного впечатления».[1]

Выше уже был отмечен ряд причин, по которым в крае наблюдалось если не полное отсутствие, то постоянный острый недостаток в русских рабочих. К числу этих причин здесь следует прибавить еще одну, едва ли не важнейшую. Русские предприниматели на Дальнем Востоке, к числу которых, конечно, можно причислить и подрядчиков, выполнявших большинство казенных работ, совершенно не были заинтересованы в привлечении русской рабочей силы, раз была полная возможность эксплуатировать труд дешевых китайских рабочих, которые удовлетворялись поденной платой в 15 — 25 коп. (казавшейся им, вдобавок, по сравнению с условиями на их родине очень высокой;[2] между тем, русским рабочим при-

[1] Л. Д. Синицкий. «Очерки землеведения».

[2] На Шаньдунском полуострове в Китае плата рабочему на хозяйских харчах (на которые тратится не более 10 коп. в день) колеблется от 8 до 9 руб. в год.

ходилось платить не менее, чем в два-три раза больше; эта громадная разница компенсировала меньшую по сравнению с русскими продуктивность труда китайских рабочих. Труд последних приобрел широкое распространение во многих отраслях, преимущественно добывающей и строительной промышленности, где требовались большие количества неквалифицированных рабочих (упомянутые уже выше казенные строительные работы, углепромышленность, золотопромышленность), а также в обслуживании домашних хозяйств в качестве прислуги. Помимо выступления в роли наемной рабочей силы, китайцы приобретают с каждым годом все большее значение в ремеслах и торговле Дальневосточного края, особенно Приморья, где китайские ремесленники — портные, прачки, слесаря, плотники и т. д. — вытесняют русских ремесленников, а китайские торговцы составляют сильную конкуренцию русским торговцам, особенно в мелко-розничной торговле. Успехи китайской торговли объясняются совершенно особым строем и метод работы ее: «Повсюду, на разных концах света, внимательный путешественник встретит одни и те же названия китайских фирм, это — название китайского торгового кооператива: тысячи мелких торговцев носят на своей вывеске это название и служат этому кооперативу, являясь в одно и то же время и слугами и маленькими хозяевами. Их действия, цены и состав их товаров, — все это согласовано с директивами синдиката крупных фирм, скрытого где-нибудь в центре Китая, существующего, быть может, не одну сотню лет. Эти фирмы-руководительницы имеют целую сеть агентов и, согласно сообщенным им сведениям, устанавливают сорт, количество и цену нужного товара; не им назначают цены, а они автономно делают это по отношению к работающим на них фабрикантам, исполняющим заказы этой грандиозной закупочной организации за весьма незначительный процент прибыли. В связи с развитием у китайцев чувства коммерческой честности и товарищества вытекает поразительная осведомленность в области торговых отношений и строгая согласованность действий»[1] Если принять еще во внимание, что китайские купцы довольствуются весьма незначительной прибылью и все свои расчеты строят на быстром обороте капитала, а также в широком масштабе привлекают своих служащих к участию в прибылях, то станут понятными те успехи, которых достигает китайская торговля там, куда она проникает.

Итак, китайцы в Дальневосточном крае — преимущественно рабочие, торговцы и ремесленники; китайцев-земледельцев очень мало.

Совершенно иной характер носит корейская колонизация. При занятии края корейцев в нем не было совсем. Первые корейцы стали прибывать с 1863 г., сперва одиночками, а потом целыми семьями селиться в самой южной, пограничной с Кореей, части Приморья, — Посьетском районе; потом они продвинулись севернее

[1] А. Свентицкий. «Россия на рынках Востока». Статья в журн. «Промышленность и торговля», 1917 г., № 24 — 25.

и образовали ряд селений по р. Суйфуну. Уже в 80-х годах в Приморьи проживало около 9 тыс. корейцев, самовольно вселившихся и занявших земли. Указанный район оставался центром корейской колонизации, хотя в дальнейшем корейцы стали оседать в Приханкайской низменности, вдоль рек Уссури и Имана и даже проникать в Приамурье (Екатерино-Никольский район).[1] Трудолюбивые земледельцы, вытесняемые тяжелыми земельными условиями на родине, они вселялись в расчете найти здесь свободные земли, массами оседали на них и лишь в последнее время стали выделять свободные рабочие руки в рыбопромышленность, золотопромышленность и лесопромышленность. Самовольное занятие земли в большинстве случаев узаконялось администрацией; выработалась даже норма, по которой наделялись землей перешедшие в русское подданство корейцы: 16,5 *га* (15 дес.) на хозяйство; норма эта, в несколько раз меньшая, чем норма, по которой наделялись землей русские переселенцы, в общем удовлетворяла корейцев, ведущих интенсивное земледелие. Но многим корейцам, даже перешедшим в русское подданство, не говоря уже об оставшихся в иностранном подданстве, не удавалось получить надела, и они нанимались в качестве испольщиков к имевшим излишки земли казакам и старожилам.

Вследствие отсутствия колонизационного плана и постоянных изменений взглядов правительства на переселение вообще и на колонизацию Дальнего Востока в частности, отношение местной администрации к желтой иммиграции постоянно менялось в зависимости не только от политики, диктуемой в тот или иной момент центральным правительством, но и от взглядов отдельных генерал-губернаторов. В первые 30 лет после занятия края администрация неприняттием каких бы то ни было активных репрессивных мер и узаконением самовольных захватов земель корейцами как бы даже покровительствовала иммиграции: русское переселение еще только начиналось, причем взгляды правительства на него еще даже окончательно не определились, краю нужны были рабочие руки, политические последствия желтой иммиграции трудно было еще учесть, в виду относительно небольшого количества иммигрантов и тогдашнего положения вещей на Тихом океане. Лишь в 1884 г., даже не по инициативе администрации, а вследствие протестов корейского правительства против допуска на русский Дальний Восток корейских эмигрантов были приняты первые ограничительные меры против них. Переселившимся до 1884 г., после принятия русского подданства, разрешалось остаться в крае, остальные же должны были в определенные сроки покинуть его. Но правила эти так и не были проведены в жизнь, так как считалось все же необходимым как можно плотнее заселить край, хотя бы даже корейцами, но с принятием мер к их обрусению.

В 1900 г., во время боксерского восстания, были приняты су-

---

[1] За последние годы корейцы стали обосновываться также и на Камчатке; в 1923 г. здесь было зарегистрировано несколько корейских поселков.

ровые административные меры против китайцев: в поисках беспаспортных китайцев устраивались грандиозные облавы даже в тайге. Тогда же были выселены в административном порядке зазейские маньчжуры, а земли их переданы Амурскому казачьему войску, причем выселение это сопровождалось необычайными жестокостями. Во время гонений против китайцев администрация очень благосклонно относилась к корейцам. Но вскоре взгляды администрации опять меняются. Сознавая, что в данный момент отказаться от желтой иммиграции невозможно, она, предполагая, что в будущем настанет момент, когда местное русское население сможет выделять из себя всю необходимую рабочую силу, задается вопросом: кого же пока привлекать, корейцев или китайцев? В результате благосклонное отношение к корейцам заменяется благосклонным отношением к китайцам. Точка зрения администрации на этот вопрос лучше всего была формулирована тогдашним приамурским генерал-губернатором Унтербергером: «Когда время дойдет до выселения желтых, то легко можно будет освободиться от присутствия в крае китайцев, так как они бродячий элемент, являющийся к нам лишь только тогда, когда они нужны. Надобность прошла, и китайцы ушли. Другое дело с корейцами: они имеют стремление оседать, устраивают огороды, пашни, строят фанзы, и потому, когда будет запрещено пользоваться их трудом, они все-таки останутся».[1] Но китайские рабочие предпочитались не только корейским, но нередко и русским: еще в 1903 г. военный губернатор Амурской области официально заявил: «Русские рабочие в крае нежелательны, они только создают ряды недовольных, так как, не будучи в состоянии конкурировать с китайцами, не находят себе заработка; в крае почти достаточно сравнительно дешевых, спокойных и удобных рабочих-китайцев».[2]

Эта политика колебаний продолжалась до русско-японской войны. После последней отношение администрации к иностранной колонизации резко изменилось под влиянием целого ряда причин. После войны, во-первых, сильно поколебалось положение России на Тихом океане и, с другой стороны, резко увеличилась мощь Японии вообще и в частности влияние ее в Маньчжурии. Лишь тогда возможные политические последствия желтой колонизации края стали правительству вполне ясными. Япония, получив протекторат над Кореей, решила использовать последнюю в качестве базы для дальнейшей японской колонизации азиатского материка. Японским правительством утверждается в 1908 г. «Восточно-Колонизационное О-во», имеющее целью колонизовать Корею японцами. Корейцы всяческими правдами и неправдами выгесняются с насиженных земель. Дальнейший свободный допуск корейских эмигрантов на территории Дальневосточного края играл бы, конечно, только на руку японским империалистам. Далее, коренное изменение после аграрных волнений 1905 г. взглядов царского правительства на переселенческий вопрос, с одной

[1] С. Д. Меркулов. «Вопросы колонизации Приамурского края».
[2] См. «Труды Амурской экспедиции», вып. XI.

сторопы, и быстрое сокращение количества годных под колонизацию земель — с другой, заставляли более осторожно подходить к иностранной колонизации. Наконец, темп роста желтого населения достиг (особенно в 90-х гг.) такой высоты, что в перспективе могло уже рисоваться преобладание желтого населения над русским. Официальные данные, касающиеся числа желтого населения как теперь, так и раньше не отличались большой достоверностью, так как значительная часть объектов ускользала от какой бы то ни было регистрации; с другой стороны, подсчеты отдельных лиц иногда страдают противоположным недостатком, преувеличенностью; но все же можно согласиться с С. Д. Меркуловым, исчислявшим в 1912 г. число желтого населения Приморья и Приамурья в 250 тысяч, что составляло тогда около 25 — 30% всего населения. Необходимо еще иметь в виду, что помимо интересов входивших в тесный контакт с русским населением корейцев и китайцев с Дальневосточным краем были связаны интересы около 15 тыс. чел. японских рабочих, завозившихся ежегодно японскими рыбопромышленниками в русские территориальные воды на Охотско-Камчатское и Приморское побережья (см. главу о рыбопромышленности).

Изменение политики правительства впервые резко сказалось в 1908 г. В этом году начата была постройка Амурской ж. д., и с самого начала, по договорам с подрядчиками, категорически запрещалось привлечение иностранных рабочих; но наиболее крутая мера была принята в 1910 г.: 21 июня этого года был издан закон, запрещавший в пределах Дальневосточного края сдачу иностранцам казенных подрядов и поставок и наем иностранных рабочих на работы, производимые для надобностей казенного управления. Но, конечно, широкие экономические процессы не поддаются простому административному воздействию. Прежде чем издавать такой огульный запрет, следовало первоначально привлечь русскую рабочую силу в край, чего, как указано выше, сделано не было. Закон этот ставил крупные строительства в почти безвыходное положение, в виду резкого превышения спроса на русские рабочие руки над предложением их. Амурская ж. д. нашла выход в привлечении в широком масштабе арестантского труда; большинство же других учреждений сумело воспользоваться п. 4 закона, который допускал с разрешения совета министров иностранцев на самые срочные работы, если окажется невозможным произвести их исключительно при помощи русского населения. Таким образом, закон своей цели не достиг, тем более, что он относился исключительно к казенным учреждениям и совершенно не распространялся на частных предпринимателей, у которых китайские и корейские рабочие неуклонно вытесняли русских. Так в золотопромышленности в конце 80-х годов еще почти все рабочие были русские, в 1906 г. они составляли 52%, а в 1912 г. уже лишь 11%. Здесь, правда, влияли особые причины, на которые будет указано ниже, но и в других отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности наблюдалась та же картина, хотя и не всегда в таких резких пропорциях.

В годы мировой и гражданской войн произошла дальнейшая резкая экспансия китайского труда и торгового капитала, теперь уже далеко за пределы Дальневосточного края. Экспансия эта объясняется усиленным спросом на рабочие руки в годы войны и товарным голодом, создавшим благоприятные условия для работы спекулятивного китайского торгового капитала. В 1917—1919 гг. китайские торговцы наводнили все города Сибири и проникли даже в центры европейской части СССР. Отсутствие в Дальневосточном крае в течение ряда лет организованной государственной власти, создавшее благоприятные условия для хищнической эксплуатации природных богатств края, а также товарный голод, стимулировавший контрабандную торговлю, привлекли новые потоки китайских иммигрантов. В результате, за годы гражданской войны желтое население Дальневосточного края резко увеличилось и составляло в разгар интервенции, по сведениям бывшего министерства по национальным делам Дальневосточной республики, около 700 тыс. чел.[1]

В дальнейшем, с упорядочением хозяйственной жизни края и установлением Советской властью революционного порядка, цифра эта значительно понизилась, но все-же количество желтого населения в Дальневосточном крае не меньше, а весьма вероятно, даже и больше довоенного, причем за последние годы оно непрерывно проявляло тенденции к дальнейшему росту.

При этом характерно, что количество китайцев, в связи с упадком золотопромышленности, сокращением частной торговли и другими причинами, довольно заметно сократилось по сравнению с довоенным временем (в 1926 г. их было насчитано по Дальневосточному краю около 70 тыс. чел.), тогда как число корейцев, чрезвычайно интенсивно внедрявшихся в наше Приморье в течение последнего пятнадцатилетия, сильно возросло: в 1915 г. их насчитывалось 44 тыс., в 1923 г. — 109 тыс., в 1926 г. — 170 тыс. чел. Впрочем приходится признать, что данными учета (переписей и т. д.) охватывается далеко не все китайское и корейское население,— значительная часть его, как и в довоенное время, ускользает от учета. Так, например, по официальным данным (Сборник: «2 года Советской власти в Приморьи») при переписи 1923 г. удалось охватить регистрацией лишь около 70% китайцев и корейцев. То же, очевидно, произошло и при переписи 1926 г., соответствующие данные которой, однако, пока еще не опубликованы.[2]

Хотя, следовательно, данные переписей не рисуют в точности фактическое положение дел, все же на рассмотрении их стоит остановиться, так как в общих чертах они дают общую картину тенденций движения желтого населения края.

По переписям 1923 г. зарегистрировано было около 160 тыс. человек желтого населения, из них корейцев около 109 тыс., а

[1] См. ст. П. А. Кобозева: «Колонизация Дальнего Востока», в «Трудах Госколонита», т. I.

[2] «Советское Приморье», 1925 г., № 5.

китайцев около 31 тыс. человек. По губерниям оно распределялось следующим образом: в Забайкальской губернии около 3 тыс. чел. (исключительно китайцы), в Амурской губернии около 7 тыс. человек (китайцы и корейцы), в Приморской же губернии сосредоточена была вся основная масса желтого населения края в количестве 147 673 чел., из коих 106 193 чел. корейцев и 41 480 чел. китайцев; следовательно, даже по данным переписи, желтое население составляло около 25% всего населения Приморской губ. В виду того, что вся основная масса желтого населения сосредоточена в Приморьи, можно при дальнейшем анализе ограничиться рассмотрением относящихся лишь к ней данных, тем более, что только здесь они достаточно полно разработаны.

Из всего числа корейцев, проживавших в Приморской губернии, в южной ее части (в трех уездах) проживало 96% губернского итога, в Хабаровском уезде лишь 3,2% и в Николаевском 0,8%. Из общего числа китайцев на южные уезды приходилось 90%, на Хабаровский уезд 6,5% и на Николаевский 3,5%. Итак, подавляющая часть желтого населения сосредоточена в трех южных уездах.

Из проживавших на территории Приморской губернии корейцев 96 398 человек, или 90,9%, проживало в сельских местностях, китайцев же лишь 9 558 человек, или 23,1%.[1] Это распределение по месту жительства чрезвычайно наглядно оттеняет отмеченную выше разницу в занятиях корейского и китайского населения: корейцы, по преимуществу, земледельцы, китайцы же — городские рабочие и торговцы (главная масса их проживает во Владивостоке).

В нижеследующей таблице сопоставлено число желтого сельского населения с общим числом сельского населения Приморской губернии по данным с.-х. переписей 1917 и 1923 гг. (в тысячах человек):

Годы	Всего сельского населения	Желтого населения	%%
1917	345	59	17
1923	421	106	25

Итак, произошло значительное увеличение удельного веса желтого населения в общем составе сельского населения губернии, причем общее увеличение числа сельского населения в значительной степени вызвано одним фактом наплыва желтого населения.

Более крепкую связь с краем корейцев характеризуют также цифры о подданстве: в то время как из общего количества проживающих в губернии корейцев лишь 67,4% состоят в иностранном подданстве, для китайцев этот процент подымается до 98,7.[2]

Характер корейской, а особенно китайской колонизации в сильной степени влияет также на распределение населения (по переписи 17 декабря 1926 г.).

---

[1] Е. Астафуров. «С.-х. баланс» в «Советском Приморьи», 1925, № 1.

[2] П. П. Сапрыков. «Территория и население Приморской губернии», в журн. «Экоком. жизнь Приморья», 1924 г., № 6 — 7.

	На 100 мужчин приходится женщин:		
	Все население	Городское	Сельское
По всему СССР	108	107	108
Дальневосточный край . .	90	85	92
Владивостокский округ . .	81	71	85

Пониженный процент женского населения свойствен Дальневосточному краю, как и всем молодым в колонизационном отношении районам. Но здесь он особенно резко выражен и, как видно из таблицы, наиболее резко во Владивостокском округе. Здесь, несомненно, сказывается характер желтой колонизации. Почти все китайцы и многие корейцы прибывают без семьи, оставляя ее на родине. Проработав в крае в течение сезона или не более 2 — 3 лет и скопив за это время некоторую сумму денег, они возвращаются домой. В довоенное время Добровольный флот поддерживал даже специальные рейсы между китайским портом Чифу и Владивостоком для обслуживания прибывавших в край на летнее время китайских кули.

В заключение следует отметить ту роль, которую китайцы, корейцы и японцы играют в отдельных отраслях народного хозяйства края. Выше уже отмечалась концентрация корейцев в сельских местностях южного Приморья; в сельском хозяйстве Владивостокского округа корейцы, несомненно, играют в настоящее время крупнейшую роль. На лесных разработках не менее 35% рабочих — корейцы и китайцы. В угольной промышленности доля восточного труда (китайцы и японцы) достигает 50%. В рыбопромышленности японские промысла на все 100% обслуживаются японскими рабочими (в 1926 г. около 20 тыс. чел.); что касается русской рыбопромышленности, то здесь количество одних японских рабочих достигало в 1926 г. — 3,6 тыс. чел. или 25% от общего количества (правда, за счет одной Камчатки, где и в довоенное время разрешалось иметь 40% иностранных рабочих); кроме того на промыслах залива Петра I и в Николаевском районе еще и до сих пор как последствие годов интервенции весьма значительно количество корейцев в противоположность довоенному времени, когда здесь все рабочие были русские подданные (около 80% русские и около 20% корейцы). Наконец, восточные рабочие (главн. обр. китайцы), по причинам, которые будут отмечены в главе VII, как в довоенные годы, так и теперь играют крупнейшую роль в нашей золотопромышленности: в последние довоенные годы около 75 — 80% занятых в ней лиц были китайцы и корейцы; в настоящее время, в связи с открытием новых богатых месторождений в Северной Маньчжурии, удельный вес их, правда, несколько понизился, но все же еще весьма велик (из официально зарегистрированных лиц, занятых в золотопромышленности, восточные рабочие в 1925/26 г. составляли 48%; но так как в тайге они особенно легко ускользают от учета, то цифра эта должна быть повышена по меньшей мере до 60 — 65%). Крупную роль, как уже указывалось, играют китайцы также в розничной торговле; в их же руках находится

почти вся контрабандная торговля, которая, как будет показано в главе X, с полным правом может считаться самостоятельной отраслью хозяйства Дальневосточного края.

ГЛАВА III.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Землепользование и землеустройство.

Колонизация края наложила неизгладимый отпечаток на формы и характер расселения населения и на порядок землепользования. Она же, как будет видно ниже, определяла также в значительной степени и систему сельского хозяйства почти на всем протяжении сельскохозяйственных отводов.

Колонизация края происходила с самого начала под контролем и при активном участии правительства, которое определяло районы, подлежащие заселению, нормы землепользования, а в дальнейшем отводило также каждой группе переселяющихся земельные участки по своему усмотрению. Дальний Восток не пережил, следовательно, (за исключением лишь отчасти Забайкалья), как Сибирь, периода вольнозаимочного землепользования, что в свою очередь также отразилось на расселении. На Дальний Восток не были даже распространены введенные в 1896 г. для Сибири правила о так называемом вольном заселении таежных пространств, где образование переселенческих участков исключало надежду на их успешное заселение. Лишь в 1908 г. правила эти были распространены на Сахалин, таежные же пространства Забайкальской, Амурской и Приморской областей так и остались формально закрытыми для вольного заселения, что, конечно, не исключало образования самовольных заимок, главным образом по приисковым путям. Такая далеко идущая опека правительства, имевшая, конечно, и свои положительные стороны, так как без нее этот далекий край едва ли был бы даже так заселен, как сейчас, не могла, конечно, объять необъятное. Установление земельных правоотношений нередко складывалось не так, как это было предусмотрено правилами администрации. На ряду с потоком переселенцев, направлявшихся при содействии переселенческого управления на приготовленные им земли, двигался, особенно в последнее десятилетие до войны, правда, значительно менее многочисленный поток самовольных переселенцев, частью занимавших земли, которые впоследствии приходилось узаконять за ними, частью нанимавшихся в качестве сельскохозяйственных рабочих к старожилам. Захват земли вселяющимися корейцами также приходилось периодически узаконять принятием их в русское подданство и предоставлением земельного надела. Но в общем и целом на весь строй земельных отношений в крае политика правительства наложила

неизгладимый отпечаток и прежде всего, конечно, на размер земельных наделов отдельных групп.

В течение целых 50 лет после присоединения края особым покровительством *со стороны правительства пользовались* казаки. Им отводилось по 33 *га* (30 дес.) земли на наличную мужскую душу и еще 11 *га* (10 дес.) в станичный и войсковой запас. Расселение их происходило, правда, в общегосударственных целях вдоль границы (по левому берегу р. Амура и вдоль р. Уссури), но именно здесь и оказались наиболее удобные в сельскохозяйственном отношении и плодородные земли. Это покровительство казакам в сильнейшей степени задержало хозяйственное развитие края. Не говоря уже о том, что казаки совершенно не могли использовать свои громадные наделы и вели на них самое экстенсивное хозяйство, особое значение имело выделение громадных пространств в войсковой запас *на случай возможного в будущем увеличения численности* казачьих войск. Особую известность приобрел так называемый «отвод ген. Духовского»: В 1894 г. бывший в то время генерал-губернатор Духовский решил отвести Амурскому и Уссурийскому войскам всю полосу за выделением из нее всех земель, занятых уже крестьянами. В Амурской области в отвод отошла вся пограничная полоса по левому берегу Амура; ширина ее лишь в некоторых местах равнялась 26,7 *км* (25 верст), как было установлено, на большей же части протяжения отвода она составляла вверх от Благовещенска 40—60 *км* в среднем, а вниз даже до 150 *км*. В Приморской же области в отвод вошел весь бассейн р. Уссури, т. е. громадное пространство в средней части ее от китайской границы на западе и до хребта Сихота-Алинь на востоке. Площадь отведенных таким образом земель составляла в Амурской области около 64 тыс. *кв. км*, а в Приморской более 100 тыс. *кв. км*. В казачьи отводы было, *следовательно, включено более* 15% *общей площади этих областей*, причем в их состав входили значительные пространства удобных земель. Правда, особо рьяно отстаивало свой отвод одно лишь Амурское войско; Уссурийское же в широкой степени допускало крестьянскую колонизацию к востоку от Уссурийской ж. д., благодаря чему была заселена Иманская речная система и отчасти районы других правых притоков Уссури. По мере быстрого истощения запаса годных под немедленное заселение переселенцами земель переселенческое управление с каждым годом энергичнее добивалось получить эти земли в свое ведение. Под этим давлением казачьим войскам пришлось уже в 1910 г. уступить некоторые участки своих отводов, а в 1911 г. переселенческое управление добилось открытия отвода генерала Духовского для переселенцев.

Направление казачьего заселения края сказывается, конечно, еще и в настоящее время: бывшим казачьим населением заняты и сейчас в Приморье все земли в западной, пограничной с Китаем, части Приханкайской низменности и вдоль Уссури; в Приамурье бывшие казачьи земли тянутся узкой полосой вдоль левого берега Амура, концентрируясь, главным образом, вокруг Благовещенска;

главное же количество бывших казачьих земель сосредоточено в юго-восточной части Забайкалья, т. е. в районе расположения самого старшего на Дальнем Востоке, выделившего из себя войско Амурское и Уссурийское, бывшего Забайкальского казачьего войска.

Второй группой землепользователей на Дальнем Востоке являются «старожилы», т. е. потомки вселившихся в край до 1901 г. переселенцев, получивших до этого года земельный надел, исходя из расчета 109 *га* 100 дес., на хозяйство, а потому и называемых иногда «стодесятинниками». Земли их сосредоточены, главным образом в восточной части Приханкайской низменности и в Зейской равнине; в Забайкалье земли их вклиниваются на значительных пространствах в бывшие казачьи земли и в земли, составлявшие до революции собственность кабинета императора; кроме того, вдоль всего нижнего течения Амура от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре разбросаны деревни старожилов, занимающихся здесь, главным образом, рыбной ловлей. Дальний Восток, за исключением лишь одного Забайкалья, не знал, конечно, того старожильческого населения, которое положило начало колонизации Сибири; здешнее старожильческое население вселилось в край лишь после 1858 г. и потому его нередко предпочитают называть даже не старожильческим, а старосельческим. Во всяком случае выделение его в отдельную от «новоселов» группу может быть всецело оправдано значительной разницей условий, в которые были поставлены их хозяйства по сравнению с хозяйствами новоселов. Им достался большой надел, лучшие земли, и заселение ими края происходило при значительно меньшем участии и опеке переселенческих органов.

Казаками и старожилами были заняты земли, наиболее удобные как в смысле климатических условий, так и в смысле близости к основным транзитным путям и населенным центрам края. К 1901 г. число таких земель уже почти было исчерпано. Поскольку правительство было, по отмеченным в предыдущей главе причинам, крайне заинтересовано в дальнейшей колонизации края, оно неизбежно должно было встать на путь заготовки новых переселенческих участков, так как последняя требует таких затрат и мероприятий, которые не под силу отдельным переселенцам. Заготовка новых участков требовала, во-первых, изыскания новых колонизационных районов, затем постройки дорог к ним, производства разного рода гидротехнических работ (осушение земли и улучшение водоснабжения) и, наконец, работ землеотводных. Помимо открытия совершенно новых земель для колонизации, переселенческое управление проводило в Забайкалье излюбленное и широко применявшееся им в Казакстане и Кара-Киргизии «землеустройство» старожильческого, а особенно коренного туземного населения; получавшиеся таким образом неизбежные «излишки» незамедлительно зачислялись в колонизационный фонд и земли эти заселялись новыми переселенцами. От такого «землеустройства» особенно страдало туземное население. Правда, этим способом не удалось в относительно густо, по сравнению с Казакстаном, населенном Забай-

кальи получить значительных результатов, и большая часть заготовок производилась методами, перечисленными вначале. Всего переселенческим управлением было за время его существования, вплоть до революции, заготовлено в области около 7 600 тыс. *га*, из коих 5 200 тыс. *га* считались удобными, но из последних более 1 200 тыс. *га* были впоследствии признаны неудобными; кроме того, значительная часть земель требовала мелиоративных работ или была пригодна лишь для скотоводства: в результате лишь около 2 млн *га* могли считаться пригодными для немедленного заселения.

Вообще следует признать, что переселенческое управление, весьма щедро финансировавшееся, могло бы достигнуть на Дальнем Востоке значительно больших результатов, чем оно фактически достигло. Нередко ограничивались одними землеотводными работами, необходимые же мелиоративные и дорожно-строительные работы оставались невыполненными. Освоение таких участков, к тому же вообще находившихся в большинстве случаев в менее выгодных условиях, чем участки старожилов и казаков, представляло большие трудности, тем более, что в 1901 г. была отменена стодесятинная (110 *га*) норма и норма населения была снижена до 16,5 *га* (15 дес.) на мужскую душу, что составляло в среднем около 50 *га* (45 дес.) на хозяйство; по мере возрастания переселенческой волны эта норма еще снизилась, понижаясь до 13,2 *га* (12 дес.), 11 *га* (10 дес.) и даже в отдельных случаях до 8,8 *га* (8 дес.) на мужскую душу, или около 27,5 *га* (25 дес.) на хозяйство. Все эти условия привели к тому, что по меньшей мере 15% переселенцев-новоселов принуждены были вернуться на родину, а многие из них оставить мысль о самостоятельном хозяйстве и поступить в качестве рабочих в богатые хозяйства старожилов или казаков. Но все же следует признать, что тот поток переселенцев, который —плохо ли, хорошо ли—сумело разместить на Дальнем Востоке переселенческое управление за последние 10 лет перед мировой войной, превосходит число переселенцев, вселившихся в край за 40 лет до этого. За этот короткий срок были заселены значительные, пустынные до этого, пространства. Прежде всего, в Приамурьи заселена вся Зее-Буринская низменность, лишь южная часть которой была в свое время освоена казаками и старожилами. В Приморьи новоселами заселены долины Имана, Бикина и Хора, там же образовался ряд новосельческих поселков на побережьи Японского моря и вкраплено, как и в Забайкалы, некоторое количество их в земли казаков и старожилов.

Четвертой группой землепользователей являются корейцы. Многие из них после перехода в русское подданство получали земельные наделы в размере 16,5 *га* (15 дес.) на хозяйство, многие арендовали земли в порядке испольщины у многоземельных казаков и старожилов. Селились они, как уже отмечено выше, в южной части Приморья (Посьетский район и Приханкайская низменность) и отчасти в юго-восточной части Приамурья.

Дальний Восток, как и вся Сибирь, почти не знал частного землевладения, несмотря на то, что еще «правилами для населения

в Амурской и Приморской областях» 1861 г. предусматривалась возможность отпуска земель в собственность, без ограничения площади, по 3 руб. с десятины. Местные условия (бездорожье, отсутствие обеспеченных рынков, наличие в крае более прибыльных объектов для эксплуатации, куда могли быть вложены накапливавшиеся в крае капиталы) не благоприятствовали возникновению крупных частных землевладельческих хозяйств. Так, в Приморьи, где и были сосредоточены почти все частновладельческие хозяйства, только два владения достигали почти 1 тыс. *га*, несколько до 300 *га*, а остальные не превышали 100 *га*. Вообще частное землевладение представляло собой на Дальнем Востоке величину, которую вполне можно игнорировать при изучении экономики края.

Основная же масса земель находилась в общинном пользовании. В виду наличия значительных избытков земли, которые требовали лишь приложения некоторого количества труда для их освоения, земельные переделы пашен практиковались лишь в давно заселяемых районах Забайкалья. Ничтожная по этой причине роль общины сводилась фактически на-нет, вследствие землеустроительной политики переселенческого управления: земельные отводы сельскому населению производились в порядке правил о переселении не по наличному числу хозяйств надельного общества, а с расчетом на приселение новых переселенцев; поэтому незанятые доли в сельских отводах всегда оставались в распоряжении земельных органов; за каждым двором закреплялась причитающаяся ему доля в общем отводе, но последний в целом не передавался в распоряжение общества и никаких документов на отвод общество не получало [1].

Землепользование фактически в большинстве районов носило захватный характер: каждое хозяйство обрабатывало такое количество земли, которое ему было под силу; первоначально отводившиеся наделы существовали в дальнейшем лишь номинально. К селениям все время дописелялись новые переселенцы, прибывали родственники старых и, наконец, увеличивались численно семьи зачисленных; в отношении нормы землепользования царила полнейшая неравномерность: существовали одиночки, владевшие полным 100-десятинным наделом, и семьи с большим количеством мужских душ на таком же пространстве земли; семьи новоселов с обилием в момент вселения девочек оказывались впоследствии малоземельными по сравнению с семьями, имевшими в своем составе большое количество мужчин; дорезок же на наличные мужские души из казенных земель не делалось. Этой неравномерностью землепользования объясняется наметившаяся в последние дореволюционные годы тяга на хутора и отруба; мощные в тот момент хозяйства, в большинстве случаев хозяйства старожилов и казаков, закрепляли за собой этим способом фактически числившиеся за ними земли и гарантировали себя на случай неизбежных, в связи с быстрым сокращением числа свободных земель, переделов, отрезок и т. п. Это стремление к выходу

[1] См. журнал «Советское Приморье», 1925 г., № 5.

из общины наблюдалось особенно резко в наиболее густо на всем Дальнем Востоке населенной южной части Приморья: здесь в 1916 г. большинство старожилов и около 20% новоселов выделились на хутора и отруба. Этот процесс не проходил бы, конечно, так интенсивно, если бы выделению не покровительствовало переселенческое управление, которое пыталось и на Дальнем Востоке распространить ту политику землеустройства, в которой правительство видело тогда панацею против всех бед в деревнях Европейской России. В местных же исторических условиях движение на хутора и отруба корней здесь не имело: колонизуемый с самого начала под руководством правительства край не пережил даже, как Сибирь, периода вольнозаимочного землепользования.

Такова была картина в пределах отдельных общин: сильнейшая неравномерность распределения земли между отдельными хозяйствами является ее характернейшей чертой. Но в общем итоге, несмотря на то, что и среди новоселов были многоземельные хозяйства и у старожилов — малоземельные, от этого не менялась картина распределения земли между отдельными группами: казаки и старожилы оставались в общем значительно более обеспеченными землей, чем новоселы и корейская группа в Приморской губ.; в их пользовании находилось не только больше земли, но и лучшие земли.

В нижеследующей таблице находившиеся в пользовании старожилов и новоселов Приморья земли распределены в процентном отношении по угодьям (таблица составлена по «Материалам по районированию Дальнего Востока», вып. II, и охватывает три Приморских округа)

Угодья	Округа					
	Владивостокский		Хабаровский		Николаевский	
	Старожилы	Новоселы	Старожилы	Новоселы	Старожилы	Новоселы
Земли, годные под распашку	46	32	19,6	11,5	8,4	3
Луга	17	11	16,8	7,9	14,4	11
Леса	23	33	45	56	42	52
Неудобн. земли	7	23	16,7	24	34	34

Таблица дает наглядное представление о том, что старожилы Приморья лучше новоселов обеспечены ценными угодьями: землями, годными под распашку, и лугами; наоборот, в наделах новоселов значительную роль играют не имеющие в дальневосточных условиях большой цены леса; в их же наделы включены значительные пространства неудобных земель. К сожалению, имеющиеся материалы не дают возможности сделать такие же сопоставления и для других округов с включением казачьей группы. Если бы это было возможно, то картина получилась бы более полной, но неизменной: ведь наделение землей происходило и в Приамурьи и в Забайкалье, исходя из тех же принципов, как и в Приморьи.

Разработанные данные о фактическом землепользовании имеются

также лишь по одному Приморью [1]; по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., у казаков на каждое наличное хозяйство приходилось 13,2 *га* разделачной пашни и около 4,4 *га* сенокоса, или с усадьбой около 19,8 *га* на двор; сверх того сдавалось в аренду под посев пришлым корейцам и китайцам по 4,7 *га* в среднем на двор; таким образом, использовывалось, не считая выгона, 24,5 *га*, или около 25% удобных земель. У старожилов приходилось на двор 16,5 *га* пашни, 6,6 *га* сенокоса, а с усадьбой всего 24,2 *га*, и сдавалось в аренду 0,8 *га*; обрабатывалось, следовательно, около 33% удобной площади надела. У новоселов приходилось на двор до 5,5 *га* пашни, 27,5 *га* сенокоса, а всего с усадьбой 9,9 *га*, или 20% удобной земли. По обследованию же 1912 г., корейская семья из своего надела в 16,5 *га* использует в среднем 5,8 *га* под пашню, 0,6 *га* под покос, а всего 6,5 *га*, или 39% надела.

Итак, качество надельных земель оказывало существенное влияние на размеры фактического землепользования; казаки и старожилы использовали свои наделы относительно в большей степени, чем новоселы, в составе земель которых имелось не менее 25% земель неудобных; конечно, здесь играет роль и давность пользования наделом: если подойти с этой точки зрения, то следует признать, что новоселы более интенсивно осваивали полученные ими земли, чем казаки и старожилы, которых избыток земли и хорошие качества ее не располагали к интенсификации хозяйства (большой процент неиспользуемых свободных удобных земель в составе надела является в большинстве случаев не чем иным, как залежью); они же, пользуясь своим привилегированным положением и юридическим закреплением за ними фактически неиспользуемых ими земельных пространств, развили на своих наделах сдачу корейцам земель в аренду, т. е. форму земельных правоотношений, свойственную при нормальных условиях лишь районам, где земельная площадь уже целиком используется для сельскохозяйственных целей. Интенсивнее же всего эксплуатировали свои надельные земли корейцы, наделы которых были в несколько раз меньше, чем даже наделы новоселов.

Революция, вследствие почти полного отсутствия частного землевладения и относительно малой степени использованности наличных удобных земель, отразилась здесь на аграрных отношениях в значительно меньшей степени, чем в европейской части СССР. Аграрная революция вылилась лишь в некоторых местах в непринимавшую особенно острых форм борьбу между отдельными группами землепользователей; в некоторых местах (главным образом, в Приморьи) новоселы пытались увеличить свои наделы за счет наделов более многочисленных групп, в других (Забайкалье) новоселы сами должны были выдержать напор со стороны стесненного в свое время в их пользу туземного оседлого и полуоседлого населения.

[1] См. Л. Чарнецкий. «Методы и итоги колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем» («Советское Приморье». 1925, № 3).

Этими причинами, наравне с событиями гражданской войны, объясняется отмечавшаяся уже выше интенсивная внутриобластная миграция за последние годы. В общем же и целом характер землепользования в области мало изменился, по крайней мере до 1923 г., когда Советская власть начала проведение землеустройства, имеющее целью применить Земельный кодекс к своеобразным условиям Дальневосточного края.

Направление землеустроительной политики Советской власти, с одной стороны, и налоговой политики—с другой, вызвали два тесно связанных друг с другом явления; дробление хозяйств и увеличение числа малопосевных хозяйств за счет сокращения числа многопосевных.

В нижеследующей таблице сопоставлено число хозяйств по отдельным—бывшим губернским—единицам: за 1917, 1923 и 1924 гг.

Губернии	Годы		
	1917	1923	1924
Забайкальская	62 200	75 714	80 007
Амурская	36 500	47 336	48 935
Приморская	60 800	71 627	74 486
Весь Дальневосточный край .	162 500	194 677	203 428

Итак, по всем губерниям наблюдалось непрерывное увеличение числа хозяйств, несмотря на то, что переселение в край не имело места в сколько-нибудь заметных размерах. Объяснение этому факту может быть найдено лишь в дроблении отдельных хозяйств, подтверждаемом и увеличением числа малопосевных хозяйств за счет сокращения числа многопосевных.

Нижеследующая таблица иллюстрирует этот факт.

Распределение хозяйств по количеству посева (в %%)[1]

Губернии	Годы	Хозяйства					
		Без посева	С посевом				Итого
			до 4 га	от 4—20 га	от 20—40 га	св. 40 га	
Забайкальская . . .	1917	14,9	34,9	48,4	1,8	—	100
	1923	15,3	56,8	27,8	0,1	—	100
	1924	14,8	65,9	19,3	0,0	—	100
Амурская	1917	10,1	24,6	44,0	12,8	8,5	100
	1923	11,1	39,7	45,3	3,4	0,5	100
	1924	9,4	53,2	36,1	1,3	—	100
Приморская	1917	9,2	47,5	39,8	3,3	0,2	100
	1923	12,6	55,9	31,1	0,4		100
	1924	22,1	57,5	20,3	0,1	—	100

Если исключить из поля зрения первую графу (т. е. процент беспосевных), как включающую в себе и чисто промысловые хо-

[1] Цифры за 1923 и 1924 гг. заимствованы из ст. М. Целищева «Состояние сельского хозяйства Дальневосточной области» («Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1925 г., № 3 — 4).

зяйства, а потому нехарактерную для хозяйств земледельческих, то получается необычайно яркая картина: еще в 1924 г. не прекращается относительное увеличение числа хозяйств, имеющих до 4 *га* посевов; наоборот, сильно сокращается число хозяйств с посевом от 4—20 *га*, почти сходят на-нет хозяйства с посевом от 20—40 *га* и совершенно исчезают хозяйства с посевом свыше 40 *га*. Хозяйства последних размеров существовали почти исключительно в одной лишь Амурской губ., где имели довольно широкое распространение; такие хозяйства распахивали иногда, конечно, при помощи наемных рабочих рук, до 400 *га* земли и внешне несколько напоминали, особенно вследствие широкого применения земледельческих машин (об этом см. ниже), известные, существовавшие некогда на Дальнем Западе Северо-американских соединенных штатов «хлебные фабрики». Вообще распространенные раньше в крае хозяйства с широким применением наемных рабочих рук (преимущественно неустроившихся самостоятельно новоселов и корейцев) исчезают и вытесняются хозяйствами трудового типа.

Впрочем с 1926 г., в связи с увеличением благосостояния крестьянского населения, хорошими урожаями и ростом товарного земледелия (особенно в Амурском округе), стала вновь заметно проявляться тенденция к увеличению числа средне- и многопосевных хозяйств, за счет перехода низших групп в высшие, сокращения числа малопосевных и увеличения числа хозяйств многопосевных.

В связи с ожидаемым интенсивным переселенческим движением на Дальний Восток в течение ближайшего десятилетия здесь предстоят крупнейшие землеустроительные работы. Как уже указывалось в главе II, почти половина переселенцев должна быть размещена в обжитых уже районах. Хотя и в них кое-где имеются свободные земли, все же основная масса подлежащих вселению в них переселенцев должна быть расселена на землях, освобожденных путем утеснения старожилого населения. Как и раньше, бывшие казаки являются в настоящее время самой многоземельной группой: у них на душу приходится, в зависимости от района, 11—13 *га*; по 7—17 *га* на душу имеют бывшие старожилы-стодесятинники и, наконец, 6—9 *га* имеют бывшие «новоселы», вселившиеся после 1900 г.

Как уже указывалось, большие наделы используются далеко не в полной степени и для утесняемых групп отрезка от них части их старых наделов существенного ущерба принести не может, тем более, что одновременно с этим будет проведен целый ряд агрикультурных и организационно-хозяйственных мероприятий, направленных на облегчение утесняемым хозяйствам перехода к более интенсивным формам хозяйствования.

Ориентировочная минимальная норма, оставляемая в распоряжении землеустраиваемых хозяйств, даже принимая во внимание земельные просторы края, по сравнению с другими частями СССР весьма значительна: в среднем по краю—5,5 *га* на душу или 27,5 *га* удобной земли на хозяйство и до 20% неудобной, а всего около 33 *га* на хозяйство. Конечно, от этой средней по краю будет

ряд отступлений в зависимости от природных и хозяйственных условий отдельных районов: так, вероятно, для земледельческо-скотоводческих районов Забайкалья норма будет повышена до 7—10 *га* на душу, для крупно-зерновых хозяйств Зейской равнины до 7 *га* и, наоборот, для районов с посевами бобовых культур—понижена до 4,5 *га*, а для поливных районов рисосеяния до 2 *га*.

На освобожденных таким образом землях будут расселяться переселенцы, которых предположено наделять землей по указанным же нормам, лишь с некоторым понижением их в отдельных районах.

Все трудности, неизбежно связанные с предстоящей земельной реформой, окупятся огромным ее хозяйственным значением: она не только обеспечит колонизационное освоение края, но и заставит существующие земледельческие хозяйства перейти на более высокую ступень интенсивности, чему до сих пор не мало препятствовало многоземелье.

Земледелие. В нижеследующей таблице сопоставлены посевные площади отдельных старых губернских единиц Дальневосточного края в 1917 г. с посевными площадями последних лет (по данным «Капитального строительства Дальневосточного края») (в тыс. *га*):

Губернии	1917	1923	1924	1925	1926 [1]
Забайкальская . . .	311,9	243,9	228,4	238,3	293,9
Амурская	563,8	305,7	321,1	349,9	390,7
Приморская	325,9	307,1	282,5	277,9	327,3
Итого . . .	1201,6	856,7	832,0	886,1	1011,9

Итак, в 1917 г. посевная площадь Дальневосточного края равнялась 1 201,6 *га*, из коих почти половина падала на Амурскую губернию.

В общефедеративном масштабе площадь эта, конечно, ничтожна, но в областном масштабе она знаменовала собой значительный рост земледелия в крае и является до сих пор непревзойденным пределом.

Если не считать земледельческих хозяйств «зазейских маньчжуров» и отдельных, разбросанных в южной части Приморья, «манзовых» (маньчжурских) поселений, существовавших и до занятия края и представлявших по своей продукции совершенно ничтожную величину, то можно считать, что начало развитию земледелия в крае было положено русской колонизацией. В Забайкалье, колонизуемом уже давно, земледелие имеет уже более чем двухсотлетнюю давность. В Приамурьи и в Приморьи земледелие стало развиваться

[1] По данным того же источника посевная площадь по округам в 1926 г. распределялась следующим образом: Владивостокский — 262,9 тыс. *га*, Хабаровский — 61,5 тыс. *га*, Амурский — 373,1 тыс. *га*, Сретенский — 129,5 тыс. *га*, Читинский — 155,4 тыс. *га*, Зейский — 8,9 тыс. *га*, Николаевский — 1,3 тыс. *га* Сахалинский 3 тыс. *га*). Итого 992,6 *га*. Несовпадение этого итога с итогом в таблице, вызванное применением различных методов учета, из-за его незначительности (менее 2%) несущественно.

лишь с 1858 г. По мере увеличения числа переселенцев росла и посевная площадь. Давность колонизации той или иной части края оказывала заметное влияние на темп роста посевных площадей в течение последних десятилетий. Основной поток переселенцев направлялся в свободные Приамурье и Приморье, а потому вполне естественно, что посевная площадь здесь росла весьма интенсивно. Еще в конце XIX в. Забайкалье считалось житницей Дальневосточного края и снабжало хлебом Приамурье. С тех пор за короткий срок роли переменились: теперь уже житницей является Приамурье, которое вывозит свой хлеб и в Приморье и в Забайкалье.

В Забайкалье основная масса земледельческих хозяйств располагается большими комплексами вокруг Сретенска и Нерчинска, в районе пролегания бывшего Московского тракта и железной дороги; в районе Читы расположение земледельческих хозяйств носит значительно более разбросанный характер: горный характер района заставляет земледельческие хозяйства распыляться по отдельным речным долинам.

В Приамурье основная масса земледельческих хозяйств расположена в Зее-Буреинской низменности, тяготея к Благовещенску — центру хлебной торговли и мукомолья края. Это в настоящее время единственный земледельческий район Дальневосточного края, который имеет возможность работать на широкий рынок и вывозит свои излишки. Иначе говоря, это важнейший центр товарного земледелия не только Приамурья, но и всего края. Некоторые из земледельческих районов, расположенных ниже по Амуру, также имеют излишки но рыночное значение последних не может быть сравниваемо с рыночным значением хлебной продукции Зее-Буреинской низменности.

В Приморье земледелие сосредоточено, главным образом, в Приханкайской низменности и долинах р. Уссури и ее важнейших притоков; в соответствии с этим 80% посевной площади Приморья сосредоточено во Владивостокском округе, 19% — в Хабаровском и лишь 1% — в Николаевском.

Несмотря на разнообразие природных условий, в которых находятся отдельные районы, ряд важнейших естественно-географических и экономических факторов наложили на все сельское хозяйство Дальневосточного края общий отпечаток. Прежде всего можно отметить, что система земледельческого хозяйства всего края носит резко выраженный зерновой характер. Общую картину, конечно, не меняют небольшие посевы картофеля, предназначаемого для потребительских нужд самого населения, и зачаточные посевные площади под травами (преимущественно в Амурском округе). Под зерновыми культурами в довоенные годы находилось более 90% всей посевной площади Дальневосточного края. Такое направление хозяйства вызывалось, конечно, главным образом, природными условиями, которые лишь в отдельных, относительно неоольших районах благоприятствуют развитию посевов технических культур. Но и рыночные условия действовали в этом направлении: широкому и вполне

возможному развитию посевов трав препятствовало отсутствие рынков сбыта для продукции интенсивного скотоводства; это же отсутствие организационного спроса, с одной стороны, и косность населения, имевшего возможность на своих наделах прокормиться и при экстенсивных формах хозяйства,—с другой, препятствовали до самого последнего времени распространению посевов технических, а тем более огородных культур.

Вторым признаком, характерным для земледелия Дальневосточного края, является господство яровых посевов. В 1917 г. под озимыми было лишь 0,3% всей посевной площади, тогда как во всей европейской части СССР и большинстве районов Сибири под ним находится обычно $^1/_3$ всей посевной площади. Явление это объясняется исключительно климатическими условиями края: во время обычных здесь (см. гл. I) холодных и малоснежных зим промерзает почва на значительную глубину, что принуждает земледельцев отказываться от озимых посевов.

Относительное многоземелье, широкое распространение захватных форм землепользования и чрезвычайно незначительная сеть путей сообщения не создали до сих пор в Дальневосточном крае объективных предпосылок к интенсификации сельского хозяйства. Еще недавно господствующей системой полеводства являлась переложная в обеих ее формах: залежной и лесопольной; участок использовался до тех пор, пока не начинала иссякать его естественная производительность, после чего он и забрасывался. Эта система сохранилась и до сих пор в более отдаленных районах. По мере утеснения населения приходится все чаще возвращаться к использованным участкам, т. е. давать им меньший срок на восстановление производительных сил. Удобрение не применяется, а потому истощение участков происходит весьма быстро (максимум в 8 лет). Все это приводит, в конце концов, к необходимости введения более интенсивных систем полеводства. Впрочем, большая часть Дальневосточного края пока еще стоит на границе этого кризиса и лишь отдельные районы перешли или переходят этот предел. Кризис забайкальского земледелия стал намечаться еще с конца XIX века, что вызывало здесь даже сокращение посевных площадей в течение ряда лет. С тех пор начался продолжающийся до сих пор переход забайкальского земледелия через залежно-паровую систему полеводства (земля в периоды, когда она находится в обработке, не используется беспрерывно, а оставляется раз в три года под паром) к двуполью. В Амурском округе также в более густо населенных районах происходит переход к залежно-паровой системе, а в районе Благовещенска даже к двуполью и трехполью. Точно также не установилась еще система полеводства в Приморьи: господствующими здесь являются залежно-паровые и залежные системы, но, с другой стороны, местное корейское земледельческое население практикует весьма высоко интенсивное использование земли, с приложением удобрений, плодосмена, с включением в плодосмен интенсивной культуры, т. е. бобов, кукурузы и просовых. За последнее время

стал намечаться здесь и среди отдельных русских хозяйств переход к более интенсивным формам полеводства, в связи с введением в севооборот отдельных технических культур.

Весьма интересной особенностью дальневосточного, особенно амурского, земледелия является широкое применение им усовершенствованных, преимущественно уборочных, машин. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., на одну жатку приходилось в Амурской области 6 хозяйств и 40 *га* посева, тогда как в Тобольской губернии, обеспеченной сельскохозяйственными машинами лучше всех других сибирских губерний (а последние были лучше обеспечены, чем в среднем европейские губернии), на ту же жатку приходилось 34 хозяйства и 1440 *га* посева.[1] По той же переписи стоимость инвентаря на 1 *га* посева оценивалась в Забайкальской области в 17 руб., в Амурской в 23 руб. и в Приморской в 19 руб. Между тем, средняя стоимость инвентаря для всей РСФСР определяется для 1916 г. в 4 р. 50 коп. на 1 *га* посевной площади и даже в интенсивных помещичьих хозяйствах зернового типа (в Тульской губ.) не превышал тогда 13 руб. 50 коп. Таким образом, мы видим, что количество инвентаря в сельском хозяйстве Дальневосточного края было весьма значительно и близко подходило к инвентаризации сельского хозяйства в Сев. Америке (25 руб. на гектар посева в Штате Сев. Дакота).[2] В годы интервенции нормальное снабжение края сельскохозяйственным инвентарем было нарушено и восстановлено лишь с 1923 г. Но лишь с 1927 г. спрос на машины удовлетворяется полностью. Сельскохозяйственный инвентарь поступает теперь не только из других частей СССР и из-за границы, как раньше, но и с Хабаровского завода сельскохозяйственного машиностроения (см. гл. VIII). Должно быть также отмечено еще одно прогрессивное явление: за советский период в край впервые были ввезены тракторы, которые откроют новую эпоху в области развития коллективных форм сельского хозяйства на Дальнем Востоке.

Широкое распространение уборочных машин объясняется, главным образом, климатическими условиями: летние и осенние осадки (см. гл. I) оставляют очень короткое время на уборку полей, которая здесь к тому же совпадает с сенокосом; в это страдное время настолько подымается стоимость рабочих рук, которых в крае вообще мало, что становится выгодным применять машины.

Системы севооборота, принятые в сельском хозяйстве Дальнего Востока различны, в зависимости от района, климатических условий и принятой системы полеводства. В районах господства распространенной залежно-паровой системы наиболее часто встречается следующее чередование: в первый год сеется яровица (яровая рожь)[3]

---

[1] Ю. Поллянк. «Сельское хозяйство Дальневосточной республики» (журн. «Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1992 г., № 1).

[2] Л. Крылов. «Вопросы сельскохозяйственного машиностроения Дальнего Востока» (журн. «Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1924 г., № 6 (10).

[3] Как уже указано выше, озимые культуры на Дальнем Востоке почти не встречаются.

или пшеница, во второй — овес или ячмень, в третьем году земля оставляется под паром; после нескольких таких периодов земля забрасывается под залежь; зато на новых землях посевы нередко производятся в течение 3—4 лет под ряд, после чего уже начинает применяться описанная только-что система. Впрочем в большинстве случаев при производстве посевов каждое хозяйство руководится более своими экономическими соображениями и качеством пашни, чем какой-либо определенной системой севооборота.

Каждая часть края имела свой уклон в сторону того или иного вида зерновых культур. По климатическим условиям посевы ржи распространены, главным образом, в Забайкалии, где эта культура является господствующей (под ней находится здесь около 40% всей посевной площади). В Приамурьи и Приморьи под ней находится лишь самый ничтожный процент; впрочем в Приморьи, где за самые последние годы стали распространяться озимые посевы ржи, удельный вес этой культуры за последнее время сильно возрос.

Пшеница сеется в Приморьи и в Забайкалии, но центром производства пшеницы на Дальнем Востоке является Амурский округ: здесь в довоенные годы более 50% посевной площади было под этой культурой. Не останавливаясь на ячмене и гречихе,—обычных культурах крестьянского хозяйства, не имеющих большого рыночного значения и высеваемых обыкновенно для потребительских нужд самих хозяйств,— перейдем прямо к овсу.

Дальневосточный край, главным образом Приморье и особенно Амурский округ, поражают своим значительным процентом посевов овса: тогда как в довоенное время в Европейской части СССР под овсом было лишь около 18% всей посевной площади, в Приморьи в 1917 г. под ним было 32,6%, а в Амурском округе — 40%. Факт этот, помимо климатических условий, объясняется еще большими заготовками этого зерна, которые вело по поощрительным ценам интендантство для нужд расквартированных в крае кавалерийских воинских частей.

Рассмотрение распределения культур в составе посевных площадей отдельных частей края дает возможность сказать, что наиболее разносторонней по направлению ее земледелия является Приморье; здесь наравне с зерновыми распространены и кормовые и технические культуры; за ним можно поставить Забайкалье, несмотря на то, что зерновой характер продукции здесь выражен наиболее ярко: здесь все же посевная площадь распределяется более или менее равномерно между рожью, пшеницей, овсом и гречихой; наиболее односторонним нельзя не признать Амурский округ: в 1917 г. 93,3% всей его посевной площади находилось под пшеницей и овсом.

Несмотря на экстенсивную разработку земель, средний сбор с гектара выражается по Дальнему Востоку следующими цифрами: пшеница — около 8,5 квинталов, рожь — около 10 квинталов, овес — 9 квинталов, ячмень — 10 квинталов; итак, урожайность в Дальне-

восточном крае, несмотря на не вполне благоприятные для земледелия условия, почти равняется урожайности в европейской части СССР, что, конечно, следует всецело отнести за счет неистощенного даже хищнической эксплуатацией естественного плодородия обрабатываемых сравнительно недавно почв.

Из культур, занесенных в край корейцами, особый интерес представляют бобы и рис.

Бобы являются одной из основных культур корейского и китайского земледелия. На мировом рынке они появились впервые лишь в 1908 г., когда были экспортированы первые партии этого продукта из Северной Маньчжурии. С тех пор экспорт бобов из Маньчжурии рос гигантскими шагами: бобы становятся важнейшим продуктом товарного маньчжурского земледелия.

Бобы в Приморьи сеялись корейцами, в ничтожных, правда, размерах, еще в конце прошлого столетия, но лишь за самое последнее время площадь под ними стала расти. В Посьетском районе под бобами занято теперь уже 20% всей посевной площади; развивается также культура бобов в Приханкайской низменности: здесь особенно заразительно действует пример Маньчжурии, так как через этот край от пограничного пункта Турий Рог на ст. Мучная Уссурийской ж. д. провозятся гужом из соседних районов Маньчжурии возрастающие из года в год количества бобов, следующих этим путем на экспорт через Владивосток.

Дальнейшее широкое развитие культуры бобов в Приморьи весьма вероятно, так как опыты показали, что разведение их вполне возможно до 45′ 50′ сев. шир. Развитие этой культуры очень желательно, — она даст необходимое сырье для местной маслобойной промышленности, жмыхи же пойдут на корм для скота. К сожалению, в настоящее время жмыхи вывозятся за границу; вывозится за границу также значительная часть бобов в необработанном виде, несмотря на то, что край ввозит оттуда значительное количество бобового масла (конечно, по причине слабого развития маслобойной промышленности).

Рисосеяние стало бурно развиваться лишь начиная с 1917 г.[1] В этом году были сделаны посевы скороспелых сортов болотного риса в Гродековском районе (Владивостокский окр.), которые дали прекрасные результаты. С тех пор площадь под рисом непрерывно растет. Главными центрами рисосеяния являются Гродековский, Спуйфунский, Ханкайский и Посьетский районы Владивостокского округа, но посевы риса отмечаются также и в южных районах Хабаровского и Амурского округов. Раньше все потребное для местного корейского и китайского населения количество риса ввозилось из-за границы; в настоящее время приморский рис удовлетворяет уже целиком местную потребность и начинает даже вывозиться за гра-

---

[1] Большинство данных о культуре риса заимствовано из статьи Л. Крылова «Рисосеяние в Приморьи» «Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1924 г., № 4 (8).

ницу. Сама по себе культура риса весьма желательна для края, так как дает возможность использовать заболоченные, непригодные ни для каких других культур пространства, но требуют урегулирования применяемые корейцами примитивные способы ирригации: вода или застаивается и загнивает и образует рассадники малярии, каковой до сих пор край не знал, или течет слишком быстро и размывает нижележащие земли и заболачивает их. Площадь под рисом при рациональном использовании воды может быть увеличена во много раз против современной; без крупных гидротехнических сооружений могло бы быть уже теперь орошено под рис около 200 тыс. *га*; в дальнейшем, путь подъема воды из озера Ханка, площадь эта могла бы быть еще значительно повышена.

Из русских технических культур, которые начинают развиваться в крае, можно отметить лен, коноплю и подсолнух. Посевы льна и конопли встречаются во многих частях края, но промышленное значение начинают пока приобретать одни лишь посевы льна в Приморья. Здесь сеется исключительно лен-кудряш, но по климатическим условиям вполне возможна и культура льна-долгунца (на волокно). Льняное семя в Приморьи впервые поступило на рынок в 1910 г.; с тех пор поступление его на рынок в связи с ростом посевной площади под ним непрерывно растет; большая часть льняного семени, так же как и бобов, вследствие слабого развития местной маслобойной промышленности, вывозится в необработанном виде за границу.

Промышленная культура подсолнуха (масляного) начинает развиваться в Амурском округе.

Помимо этого, в южной части Приморья вполне возможна, и несомненно, рано или поздно, разовьется, культура табака, маслин, шелка и сахарной свекловицы (последняя также и в Амурском округе). Может также широко развиться огородничество для экспорта: уже в довоенные годы делались удачные попытки вывоза картофеля и капусты на острова Океании.

Весьма распространенным побочным промыслом земледельческого населения является пчеловодство. Начало ему было положено в Амурском округе еще в 1871 г., когда первые пионеры его, старообрядцы и молокане, обратив внимание на массу и разнообразие цветов на полях и липы в лесах и нуждаясь в меде и воске, ввезли с Алтая первые партии пчел. С тех пор пчеловодство перекинулось и в Приморье, а затем и в Забайкалье и стало быстро развиваться.

В предыдущих строках рассмотрено земледелие в Забайкалы, Приамурьи и Приморьи; этими частями края и ограничиваются обычно при изучении этой отрасли народного хозяйства в крае, так как в них сосредоточено более чем 99,5% общей посевной площади. Но для полноты картины остановимся в нескольких словах на земледелии Камчатки и острова Сахалина.

В XIX веке, когда эксплуатация рыбных богатств Камчатки еще не начиналась, а на пушнину, в связи с изобилием ее в других районах, не существовал еще интенсивный спрос, местное, оседлое

в районе р. Камчатки, западного побережья и Авачинской бухты, население старалось обеспечить себя необходимыми сельскохозяйственными продуктами и расширяло посевы хлебов (главным образом ячменя), занималось огородничеством (репа, брюква, картофель) и пыталось даже возделывать коноплю. По мере того как крепко завязываются связи Камчатки с внутренним и внешним рынками, становится возможным в обмен на местные богатства получать все необходимое извне; в связи с этим начинают отмирать наметившиеся было первые зачатки земледелия; процесс этот принял острые формы, особенно с начала XX века, когда быстро стала развиваться здесь рыбопромышленность. В настоящее время всю массу необходимых этому району зерновых продуктов и овощей он получает извне. Между тем, если по климатическим условиям возделывание здесь зерновых хлебов очень трудно и нерентабельно, то зато вполне возможно широкое развитие огородничества (преимущественно корнеплодов); на эту отрасль сельского хозяйства местное население рано или поздно должно будет обратить внимание в связи с наступившим уже истощением пушных и неизбежным в будущем истощением рыбных богатств.

На Сахалине земледелием занимается русское население, сосредоточенное в районе р.р. Тыми и Пороная; в долинах этих рек как климатические, так и почвенные условия делают земледелие вполне возможным, но борьба с наступающей на культурные земли тайгой требует от местных крестьян больших усилий. Размер посевных площадей не был устойчив, но все же проявлял тенденцию к дальнейшему росту: в 1896 г. освоенной земли было около 2,5 тыс. *га*, а в 1917 г. около 3,5 тыс. *га*; впрочем, из последних лишь 2,9 тыс. *га* были под посевом, а остальные под залежью и паром. Наиболее распространенными культурами являются овес и ячмень, считающиеся здесь самыми надежными; распространена также и яровая пшеница. Огородничество вполне возможно и было даже очень распространено, так как существовал обеспеченный сбыт продуктов огородничества воинским командам и тюрьмам. За годы японской оккупации сахалинские села, вследствие систематического спаивания и отсутствия агрономической помощи, понизили свою продуктивность более чем на 30%. Конечно, район возможного развития земледелия на острове весьма ограничен и возможные перспективы относительно ничтожны.

Будущее острова не в его сельском хозяйстве, а в разработке его горных и лесных богатств.

События гражданской войны, разорвавшие надолго Дальневосточный край на отдельные части и внесшие резкие перемены в его экономику, тяжело отразились на его сельском хозяйстве. Несмотря на то, что оно совершенно не знало продразверстки (ликвидация Дальневосточной республики произошла ведь после того, как в СССР начала проводиться новая экономическая политика) и все время находилось в условиях вольного рынка, посевная площадь сильно сократилась, и сократилась, главным образом, по следующим при-

чинам: 1) события гражданской войны оторвали значительную часть населения от производительного труда в партизанские отряды, да и вообще условия гражданской войны, частые смены властей, набеги «атаманов», неуверенность в завтрашнем дне действовали в направлении сокращения посевных площадей; 2) в этом же направлении действовали начавшиеся после революции частые столкновения между многоземельными и малоземельными поселениями и хозяйствами: наконец, третьей, едва ли не главной, по крайней мере для Амурского округа, причиной было нарушение событиями гражданской войны завязанных экономических связей: связь производящих районов с потребляющими нарушалась военными действиями и неисправной работой транспорта.

Под влиянием всех этих причин посевная площадь Дальневосточного края к 1922 г. сократилась до 689,1 тыс. *га*, т. е. почти вдвое против 1917 г.; особенно пострадала лишенная рынков житница края, Амурский округ, посевная площадь которого сократилась в $2^1/_2$ раза. С окончанием гражданской войны и формальным присоединением края к РСФСР начинается залечивание ран: начинает непрерывно расти посевная площадь; восстановительный процесс нарушается, правда, неурожаем 1923 г., отразившимся на посевной площади 1924 г., но в течение последующих лет хорошие урожаи не ставили никаких препятствий росту посевной площади в полном соответствии со спросом, предъявляемым быстро развивающимся хозяйством.

В 1927 г. посевная площадь Дальневосточного края, равняясь 1 133 *га*, весьма близко подошла к посевной площади 1917 г., составив 94% ее. За истекшие 10 лет никаких, конечно, коренных сдвигов в отношении русских зерновых культур и всех прочих культур произойти не могло; и сейчас еще под первыми занято около 90% всей посевной площади Дальневосточного края в целом. Но все же посевная площадь под русскими зерновыми хлебами возрастает в явно замедленном темпе по сравнению с посевной площадью под — занимающими правда лишь несколько процентов в общей посевной площади края, но концентрированными во Владивостокском округе — корейскими культурами (рис, бобы и т. д.), площадь под которыми в настоящее время в несколько раз выше довоенной.

Что касается русских зерновых культур, то в отношении их, поскольку господствующее их положение в общем составе посевной площади края уже оттенено выше, приходится лишь еще отметить серьезные сдвиги в соотношениях между имеющими в крестьянском хозяйстве потребительское значение культурами, с одной стороны, и культурами рыночными—с другой. Эти сдвиги, с одной стороны, являются неизжитыми еще последствиями годов разрухи, с другой же стороны,—отражают некоторые изменения, происшедшие за последнее десятилетие в хозяйстве края. Тогда как площадь под рожью, ячменем и гречихой в настоящее время превышает дореволюционный уровень, площадь под рыночными культурами — пшеницей и овсом — его еще не достигла.

Но поскольку край, как увидим ниже, нуждается и нуждался в довоенные годы в привозном хлебе, возвращение пшенице ее старого удельного веса в посевной площади является вопросом самых ближайших лет. Несколько иначе обстоит дело с овсом, гипертрофия посевов которого, вызывалась заготовительной политикой интендантства: поскольку этот спрос ныне отпал, посевы овса едва ли когда-нибудь смогут достигнуть довоенных размеров; рассчитывать на вывоз его в широких размерах на внешние рынки не приходится, так как в Японии и Китае,— странах, в которых животноводство вообще развито очень слабо, овсом кормят лишь городских и кавалерийских лошадей; емкость этих рынков, если бы даже вообще удалось завязать с ними прочные связи, чрезвычайно ограничена. Но сокращение посевов овса сверх определенного уровня также недопустимо как в интересах крестьян, так и потому, что для него вполне явственно намечается выход в значительном количестве на внутренний рынок: спрос этот неизбежно будет увеличиваться по мере развертывания эксплуатации лесных богатств края: обслуживающий лесную промышленность гужевой транспорт будет предъявлять растущий спрос на этот хлеб.

Несмотря на быстрое увеличение посевной площади, земледелие Дальневосточного края не могло полностью покрыть спрос на хлебные продукты, предъявлявшийся со стороны городского населения, промышленности, транспорта и т. д. Еще до начала XX столетия край кое-как сводил концы с концами. Но по мере того как стал быстро увеличиваться грузооборот Владивостока, как стали развивать свою деятельность крупные государственные, преимущественно железнодорожные, строительства, привлекавшие большие массы рабочих,— предложение зерновых продуктов стало все больше отставать от спроса на них. Поэтому требовался ежегодно ввоз этих продуктов извне. Спрос постоянно колебался, а потому и ввозились ежегодно разные количества хлеба, но в среднем хлебный дефицит области колебался между 1 и 1,2 млн квинталов в год, что составляло не менее $^1/_4$ всего потребления. Приморская область требовала ввоза извне около 550 тыс. квинталов, Забайкальская — 450 тыс. квинталов; правда, Амурская область давала в урожайные годы около 150 тыс. квинталов излишков, которыми могла покрываться часть потребности Приморской области. Забайкальская область частью снабжалась хлебом из Сибири, Приморье получало некоторую часть хлеба из Маньчжурии: но главный поток импортировавшегося хлеба направлялся на распределительные рынки Дальневосточного края из гор. Харбина в Маньчжурии по р. Сунгари; этим путем проходило около $^3/_4$ всего ввозимого хлеба. Вокруг вопроса о ввозе маньчжурского зерна на Дальний Восток происходила ожесточенная полемика между сторонниками и противниками этой меры: круги близкие к переселенческому управлению, желавшие во что бы то ни стало развить земледелие в крае, даже в ущерб другим отраслям народного хозяйства, принадлежали к последним; особенно же ярыми сторонниками ввоза были русские купцы в Харбине, наживавшие

громадные деньги на поставках дешевого маньчжурского зерна, и благовещенские мукомолы, крупные предприятия которых держались именно на этом, идущем из одного центра, хлебном потоке. Но, конечно, следует признать, что при тогдашних условиях точка зрения переселенческого управления была чрезвычайно односторонней; если бы она была проведена в жизнь, то зачахли бы и те ростки добывающей и обрабатывающей промышленности, которые существовали в крае.

В Дальневосточный край в настоящее время ввозится приблизительно такое же количество хлеба, как и до войны, но в интересах поддержания активного торгового баланса, а также и потому, что низкие цены на хлеб в Маньчжурии давно уже отошли в область преданий, начиная с 1923/24 г. с каждым годом все более сжимается ввоз хлеба из-за границы. В 1926/27 г. Дальневосточный край уже почти весь необходимый ему хлеб получил из Сибири.

Мелиорация дает возможность увеличить посевную площадь Дальневосточного края в несколько раз, а улучшение путей сообщения — повысить интенсивность земледелия. Увеличенная зерновая продукция найдет себе потребителя в лице рабочего населения, которое будет привлечено для разработки естественных богатств края. Однако, дальневосточный хлеб едва ли когда-нибудь сможет явиться объектом экспорта; производимые в более дешевых условиях (вследствие более благоприятного климата) маньчжурский [1] и канадский хлеба будут постоянно забивать его на рынках Дальнего Востока. Впрочем, потребность в экспорте ощущалась бы, если бы развитие производительных сил края продолжалось с тем неправильным уклоном исключительно в сторону земледелия, который наблюдался до революции; поскольку же будет обращено внимание на эксплуатацию прочих природных богатств, постольку может опять встать вопрос о хлебном дефиците, даже при увеличенной хлебной продукции.

Скотоводство. Скотоводство является коренной отраслью хозяйства в Дальневосточном крае. Как отмечено выше, те зачатки земледелия, которые первые русские засельщики застали в крае, представляли собою совершенно ничтожную величину. Иначе обстояло дело со скотоводством: оно служило основой примитивного, правда, хозяйства редкого местного населения. В Забайкалье русские поселенцы внедрялись в район экстенсивного скотоводства кочевого народа бурят; на Камчатке оленеводство служило основой хозяйства местных племен; оленеводами же являлись туземные племена, обитатели тайги Приамурья и Приморья. Это туземное скотоводство полностью сохраняет свое значение на Камчатке

[1] Сельскохозяйственная продукция Дальневосточного края по сравнению с продукцией соседней Маньчжурии, сельское хозяйство которой развилось лишь за последние два десятилетия, ничтожно: тогда как Маньчжурия производит около 80 млн квинталов, из которых выбрасывает на мировой рынок до 20 млн, Дальневосточный край производит лишь 6 млн квинталов, которых не хватает даже для внутреннего потребления.

и по сей день, в значительной степени также и в Забайкалье, где оно, кроме того, оказало решающее влияние на характер и направление хозяйства значительной части русских поселенцев.

По своему характеру современное скотоводство Дальневосточного края резко разбивается на две группы: к первой может быть отнесено скотоводство туземного населения палеазиатского и тунгусского происхождения; основа его — оленеводство, а на Камчатке также и собаководство. Во вторую группу входит скотоводство русского населения, основа его — рабочий и крупный рогатый скот; однако, в юго-восточной части Забайкалья оно не только по методам хозяйствования, но и по направлению своему (значительное развитие овцеводства) носит переходный характер к монгольскому скотоводству.

Промысел оленя[1] распространен почти по всей Камчатке и на севере Забайкалья, Приамурья и Приморья, т. е. повсюду там, где проживает местное туземное население; впрочем, олени в южных частях края насчитываются лишь сотнями и вся основная масса их сосредоточена на Камчатке. Оленеводство на Камчатке является основой существования местного кочевого населения. Занимающие большую часть округа моховые тундры, которые едва ли когда-нибудь смогут получить другое хозяйственное назначение, являются превосходным пастбищем для оленей. Кочевой образ жизни большей части населения Камчатки обусловливается основным его занятием — оленеводством: в поисках корма для своих оленей владелец их принужден перегонять свои табуны с места на место. Главными оленеводами являются коряки, которые иногда владеют табунами в 2—5 тыс. голов, и чукчи; у других населяющих край народностей табуны оленей совсем малы. За годы гражданской войны, вследствие усиленного убоя, число оленей сократилось на 10%. По данным Главного ветеринарного управления за 1923 г., при общем количестве в СССР 1 млн 622 тыс. домашних оленей, на Камчатку падало 687 тыс. голов, на Тобольскую губ. — 440 тыс., на Архангельскую губ. 429 тыс. и на Якутскую республику (Колымский край) — 49 тыс. Таким образом, Камчатка является крупнейшим центром оленеводства в СССР. Основная масса оленей сосредоточена в средних районах Камчатки.

Олень используется туземцами в трояком направлении: прежде всего на мясо, затем как средство передвижения и, наконец, важной статьей дохода является его шкура. Как средство передвижения в местных условиях он незаменим и во многих отношениях лучше распространенных в Петропавловском районе собак. Он проходит в день столько же, сколько последние, но зато пара оленей поднимает $^1/_4$ — $^1/_3$ *m* груза, для чего нужны две полные нарты собак (по 12 штук); он сам находит себе пищу, которую для собак при-

[1] В качестве основного материала при составлении очерка оленеводства была использована статья И. И. Гапановича «Промысел оленя и оленье хозяйство на Камчатке и в Приморье» («Эконом. жизнь Дальнего востока», 1924 г., № 6 (10).

ходится запасать. До самого последнего времени камчатское оленеводство имело лишь узко-местное значение: мировой рынок не предъявлял никакого спроса на его продукты и никто не брал на себя организацию этого спроса. В последнее время так называемые «пыжики» — нежные шкуры молодого оленя — стали находить сбыт на американском рынке. Несомненно, рано или поздно, должна развиться переработка оленьего мяса в консервы для экспорта, что дало бы могучий толчок развитию оленеводства; консервы эти имели бы обеспеченный сбыт в Аляске и японской части Сахалина.

Интересной отраслью оленеводства является также распространенное в Приморье разведение пятнистого оленя-изюбря. Он, так же как и маралы на Алтае, разводится исключительно ради его рогов, «пантов». Панты, цена на которые за хорошие экземпляры доходит до 1 500 руб., являются ценным объектом экспорта: они вывозятся в Китай, где из них по способу, составляющему тайну китайских фармацевтов, приготовляется весьма распространенное и высоко ценимое там лекарство. По сравнению с количеством оленей, используемых для этой цели на Алтае (около 6 тыс. голов), число их в Приморьи в дореволюционное время было невелико (около 500 голов). Вследствие развившегося в годы интервенции браконьерства число их за это время еще значительно сократилось. Начиная с 1923 г., важнейшие сохранившиеся питомники перешли в руки государства и ныне эксплуатируются последним.

Значительно менее культурной отраслью звероводства на Камчатке является собаководство. Полуоседлые племена Камчатского полуострова, главным образом, камчадалы, содержат громадное количество (в среднем около 20 голов на семью) собак, принадлежащих к знаменитой породе камчатских лаек. По природе своей они, конечно, могут быть использованы лишь для целей передвижения.

Первые русские засельщики в Забайкалье силою природных условий были поставлены на путь создания такого типа хозяйства, при котором зерновое хозяйство связывалось с содержанием значительного количества скота; по местным экономическим условиям в то время и техника скотоводства в существенных своих чертах была заимствована у аборигенов края, не исключая даже кочевки. Этот характер русское скотоводство, особенно в юго-восточной степной части Забайкалья, в значительной степени сохранило и по сей день: у местного многоземельного, бывшего казачьего, населения стада и в настоящее время кочуют круглый год, уходя нередко на зиму в Монголию.[1]

По мере развития земледелия и колонизации в Приамурьи и Приморьи скотоводство стало развиваться и здесь. В первую очередь

---

[1] См. Ю. Полляк. «Сельское хозяйство в Дальневосточной республике». «Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1922 г., № 2.

обращается внимание на лошадей, без которых не могла бы вообще начаться обработка земли: летом они служат главной рабочей силой при полевых работах, а зимой они используются для извозного промысла по доставке грузов на прииски, по подвозке дров и для почтовой гоньбы; коневодством со специальными целями занимаются расположенные в крае казачьи войска. Заводится также одна из основных принадлежностей русского крестьянского хозяйства, крупный рогатый скот, несмотря на то, что земледелие здесь, в отличие от европейской части СССР, не зависит от его наличия: удобрение полей только теперь начинает прививаться. Но крупный рогатый скот разводится для других целей: он удовлетворяет потребительские нужды крестьянского хозяйства и, что самое важное, имеет обеспеченный сбыт в быстро растущих городских центрах. Местное скотоводство не может даже полностью удовлетворить потребность их в мясных продуктах, вследствие чего приходится прибегать к ввозу извне. Тот же спрос на мясные продукты обеспечил развитие свиноводства во всех земледельческих округах края.

В результате, к 1917 г. край имел довольно развитое скотоводство. Доходы от животноводства, даже без учета доходов от коневодства, составляли 23,3% от общего дохода сельского хозяйства края. Наибольшее значение животноводство имело, конечно, для Забайкалья, где доход от него составлял 44,6% общего дохода сельского хозяйства.[1] Преобладающую роль Забайкалья в скотоводстве края, а скотоводства Забайкалья в сельском хозяйстве последней, доказывают и следующие цифры: в 1917 г. в переводе на крупный рогатый скот[2] Забайкальская область имела 984 тыс., Приморская 330,3 тыс., а Амурская 269,4 тыс. голов; в Забайкалье было, следовательно, сосредоточено более $^2/_3$ всего стада Дальневосточного края. В расчете на одно хозяйство Забайкалье также более обеспечено: на одно хозяйство приходилось в Забайкалье 15,3 голов, в Приамурье 7,4 голов, в Приморье 5,4 голов скота (в переводе на крупный рогатый); итак, хозяйства Приморья в отношении обеспеченности скотом приближались к нормам европейской части СССР, амурские хозяйства были обеспечены примерно так же, как хозяйства Сибири; Забайкалье же по своей обеспеченности скотом, так же как и по направлению хозяйства, напоминало соседнюю Монголию. Здесь норма была высока не только у бурят и казаков, но и у крестьян, стада которых, однако, не достигали таких размеров, как у первых.

В отношении направления скотоводства каждая часть края имела свои особенности. Наиболее экстенсивно ведется оно в Забайкалье. Полукочевой характер здешнего скотоводства отмечался уже выше: скот пасется круглый год на подножном корму, сначала на зелени, а зимой на ветоши (что вполне возможно в виду малоснежности

[1] А. Эггенберг. «К вопросу изучения животноводства Дальневосточной области» («Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1925 г., № 6).

[2] 1 голова крупного рогатого скота = $^2/_3$ лошади = 4 свиньям = 10 козам или овцам.

зим). Естественно, что при таком способе содержания падеж скота при снежных зимах или при гололедице принимает, как и в соседней Монголии, громадные размеры. Эти же условия сильно истощают скот к весне и делают его необычайно легковесным и маломолочным: живой вес коровы не более 200—250 *кг*, убойный 100—125 *кг*, удойность $1^1/_2$—2 *л* в день. Скотоводство носит почти исключительно мясной характер, так как молочные продукты до самого последнего времени не имели сбыта; в последнее время, правда, стало развиваться маслоделие для удовлетворения потребностей местных городских центров, но значение его пока ничтожно. В таком же малокультурном состоянии находится и овцеводство и козоводство. Выход шерсти с овцы или козы не превышает монгольских норм, т. е. около 1 *кг*. Овцеводство и козоводство удовлетворяет почти исключительно одни местные потребности; остаток, который может поступить на более широкий рынок, «настолько незначителен, что почти никакого самостоятельного интереса в настоящее время представлять собой не может».[1] Центром скотоводства в Забайкалье является его степная юго западная часть, в частности Борзинский район; последний является районом, где скотоводческое хозяйство преобладает над остальными отраслями хозяйства; в нем сосредоточены наибольшие стада крупного рогатого скота, табуны лошадей и отары овец. Помимо того, это центр развивающегося маслоделия Забайкалья.

В хозяйстве земледельческого Приамурья скотоводство имеет в общем и целом подсобный характер, как дополнительный доход к основному доходу от земледелия. Удельный вес скотоводства в крестьянском хозяйстве увеличивается по мере удаления от центра (если принять за таковой Благовещенск) к периферии. Амурское скотоводство уже резко отличается от Забайкальского относительно большой культурностью: скот не кочует и вообще содержится, примерно, в таких же условиях, как и в большинстве крестьянских хозяйств Европейской части СССР, но за отсутствием избытков пастбищ и сенокосов в его корме значительно большее, чем там, значение имеют овес и ячмень. Основное направление скотоводства здесь, также как и в Забайкалье, — мясное.

В наиболее культурных условиях находится скотоводство в Приморье с его относительно близко от скотоводческих районов расположенными крупными городскими рынками. Здесь уже вполне определенно намечается уклон в сторону молочного скотоводства. Большое значение в общей экономике сельского хозяйства имеет животноводство в западных частях Владивостокского округа; эти районы являются центром наибольшего развития маслоделия во всем Дальневосточном крае. Большим препятствием развитию скотоводства в ряде районов является обилие разного рода мошкары и комаров, нередко прямо выгоняющих скот с пастбищ.

---

[1] Л. Пинхасик. «Овцеводство Забайкалья и Прибайкалья» «Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1924 г. № 5 (9)).

На Сахалине скотоводство имеет большое значение в сельском хозяйстве: обеспеченность скотом населения уже сейчас превосходит среднюю обеспеченность в Приморьи. Хорошая растительность восточной части острова, по климатическим условиям для земледелия непригодной, обеспечивает возможность широкого развития здесь в будущем животноводства. Такие же условия имеются и на морском побережьи Приморья. Богатство покосов в южных частях Камчатского полуострова и подходящие климатические условия делают скотоводство и здесь вполне возможным. С 1908 г. переселенческое управление делало здесь опыты насаждения скотоводческих хозяйств; однако, вследствие того, что как раз тогда происходил здесь расцвет рыбопромышленности, эти опыты успеха не имели.

За годы революции в животноводстве края замечаются довольно резкие перемены. Сокращается число лошадей в Забайкалии и Приамурьи как вследствие того, что, в связи с сокращением посевной площади, сокращается потребность в рабочем скоте, так и потому, что значительное количество скота перегоняется из Забайкалья от мобилизаций и т. п. в Монголию. В Приморьи число лошадей увеличивается, что объясняют сосредоточением здесь к концу военных действий большей части мобилизованных в свое время лошадей. В Забайкалии наблюдается резкое сокращение не только лошадей, но и остальных видов скота. Зато увеличивается в Приамурьи и Приморьи число голов крупного рогатого скота, а также овец и коз, первых вследствие того, что на расширение животноводства обращаются потерявшие рынки и по инерции культивируемые в чрезмерных количествах овес и ячмень, вторых — вследствие развития кустарной выработки тканей в районах, отрезанных военными действиями от снабжавших их раньше мануфактурой промышленных центров. В общем, в переводе на головы крупного рогатого скота, сильно пострадало одно лишь Забайкалье: подобно тому как в области земледелия более всего пострадало Приамурье, в котором оно имело наиболее рыночный характер, в области скотоводства сильнее всех пострадало Забайкалье. Здесь, более чем где-нибудь в крае, скотоводство зависело от рынка, а рыночные условия сложились за годы интервенции наименее благоприятно. В Приамурьи в общем и целом животноводство осталось без изменений, а в Приморьи проявило заметную тенденцию к дальнейшему росту, что объясняется, главным образом, отмеченным выше употреблением не находивших себе сбыта зерновых культур на расширение его.

Итак, скотоводство в крае за годы революции пострадало значительно менее, чем земледелие: тогда как посевная площадь была в 1924 г. еще почти на 50% меньше посевной площади в 1917 г., общее количество скота в крае было тогда лишь на 10% меньше, чем в указанном году; общей причиной этого является то обстоятельство, что в годы интервенции ввоз хлеба извне был менее затруднен, чем ввоз скота: тогда как основная масса хлеба могла

попрежнему ввозиться по Сунгари, ввоз скота через Владивосток, на продолжительное время отрезанный от края, был невозможен, а он был одним из основных пунктов, через которые обычно импортируется скот в край.

За последние годы скотоводство в крае не только прошло последние этапы восстановления, но и перешагнуло довоенный уровень: в 1927 г. количество лошадей в крае составляло уже 104%, свиней — 109,8%, крупного рогатого скота — 113,1%, а овец даже 157,1% от количества в 1917 г.

Как уже отмечалось, местное животноводство не могло удовлетворить потребности городов, армии, приисков, каменноугольных копей и лесозаготовок в мясных продуктах. Мясной баланс складывался в среднем за ряд лет следующим образом (в тыс. тонн):

	Потребление	Продукция	Избыток +, недостат. —
Забайкалье	37,0	43,1	+ 6,1
Приамурье	14,9	7,0	— 7,9
Приморье и Камчатка . . .	21,4	11,0	— 13.4
Весь край	76,3	61,1	— 15,2

Итак, край производил сам лишь $^1/_5$ того количества мясных продуктов, которые он потреблял; недостаток покрывался ввозом из-за границы; количество ввозимых в пределы края мясных продуктов, конечно, колебалось из года в год, в зависимости от потребности. В последние довоенные годы, в связи с расцветом хозяйственной жизни края и постройкой Амурской ж. д., ввоз значительно превосходил отмеченную выше среднюю норму. За годы войны и интервенции ввоз скота сильно сократился, отчасти вследствие сокращения спроса, главным же образом вследствие расстройства торговых путей и связей, что и дало возможность развиться скотоводству в Приморьи.

Главным поставщиком мяса (почти исключительно в виде живого скота) на рынки Дальневосточного края является Монголия; даже тот скот, который прибывает из Маньчжурии и Китая, является фактически монгольским скотом. Это близкое соседство с Монголией не давало до сих пор возможности животноводству края, в частности Забайкалья, перейти к более интенсивным формам: дешевый пагульный монгольский скот давил на цены и не давал возможности вести более интенсивное хозяйство, требующее более высоких затрат. Но, с другой стороны, пагульное скотоводство в Забайкалье вступало в противоречие с развивающимися производительными силами края: пагульное скотоводство отживало здесь свой век. Этим объясняется тот глубокий кризис, который переживало Забайкальское скотоводство в последние довоенные годы: не только уменьшались количественно стада, но ухудшались и без того невысокие его качества.

Интенсификация дальневосточного животноводства является в настоящее время задачей, требующей срочного разрешения. Интенсификация эта, конечно, должна будет происходить в разных формах в зависимости от местных особенностей: в Забайкалье большим уже

достижением будет вытеснение кочевого хозяйства хозяйством оседлым, замена нагуливания скота откормом его. В Приамурьи на фоне травопольного севооборота, который явится прекрасным средством для борьбы с засоренностью полей и для быстрого восстановления плодородия почвы, должно развиться интенсивное животноводство с мясо-молочным уклоном. Особенно благоприятные условия для развития интенсивного животноводства с молочно-мясным уклоном имеются в Приморьи: здесь не только имеются близкие крупные потребительские центры, но и неизбежно должны, в связи с развитием маслобойной промышленности, появиться на рынке дешевые жмыхи, — прекрасный корм для скота.

Задумываться о том, сможет ли область полностью обеспечить свою потребность в продуктах скотоводства за счет местного животноводства, пока еще преждевременно; все, конечно, будет зависеть от направления, которое примет дальнейшая колонизация. В настоящее время перед регулирующими органами должны стоять более повседневные задачи: расширение площади под лугами и покосами путем осушения заболоченных пространств, рациональная организация сбыта продуктов животноводства, улучшение путем подбора и прилива новой крови местного, весьма невысокого качества, скота и, наконец, борьба, путем широко поставленной ветеринарной помощи, с легко проникающими в край из Монголии эпизоотиями.

ГЛАВА IV.

ЛЕСНОЕ ДЕЛО.

Леса являются едва ли не самым главным богатством края: под ними находится 900 тыс. *кв. км.* Средняя лесистость края, включая Камчатку с ее громадным северным тундровым пространством, составляет 34%, без Камчатки же — 63%. Таким образом, леса занимают около $^2/_3$ площади важнейших в экономическом отношении частей края.

Лесная площадь края равна лесной площади севера и северо-запада Европейской части РСФСР.

Конечно, не вся лесная площадь является удобной, что видно из следующей таблицы (в тыс. *кв. км*, (в прежних административных границах): [1]

Губернии	Лесная площадь	Удобная лесная площадь	% %
Приморская	352	214	60,8
Сахалин.	27	17	63,0
Амурская	232	123	53,0
Забайкальская	231	116	50,0
Камчатская	58	39	50,0
Весь край	900	499	55,5

[1] «Концессионные объекты Дальнего Востока» часть I, «Лесные концессии».

Указанные данные, само собой разумеется, не претендуют на абсолютную точность, так как из всей лесной площади устроено: в Приморьи — 2%, в Приамурьи — 4%, в Забайкалы — 4%, а исследовано: в Приморьи — 18%, в Приамурьи — 13%, в Забайкалы — 12%; *вся остальная лесная площадь совершенно не исследована.*[1]

Итак, лишь около 36% лесной площади признается удобной, вся же остальная неудобна, отчасти по естественным (заболоченность и т. д.), отчасти по экономическим (отдаленность лесных массивов от сплавных рек и т. д.) условиям. В отдаленном будущем мелиоративными работами и постройкой подъездных путей значительная часть неудобной лесной площади, несомненно, будет превращена в удобную. Но задачей ближайших десятилетий является экономический охват хотя бы всей удобной площади в 500 *тыс. кв. км*: она одна могла бы при рациональном использовании всего годового прироста давать исчисляемую сотнями миллионов сумму ежегодного дохода.

Основной причиной слабого, как увидим ниже, развития лесного дела в Дальневосточном крае является ничтожная по сравнению с имеющимися запасами емкость потребительских рынков.

Возможная (исходя из ежегодного прироста) ежегодная лесная продукция с одной лишь удобной лесной площади составляет в

Забайкалы	17,6	млн	*куб. м*
Приамурьи.	18,7	»	»
Приморьи	32,2	»	»
на Сахалине.	2.6	»	»
» Камчатке.	4,5	»	»

а всего в Дальневосточном крае 75,6 млн *куб. м*. Если даже отбросить 40 млн *куб. м* на возможное развитие местного потребления (эта цифра в семь раз превышает современное потребление древесины в Дальневосточном крае), то и тогда оставалось бы для экспорта 35 млн *куб. м*; между тем, все тихоокеанские рынки, на которые только и может рассчитывать дальневосточная лесопромышленность, предъявляют даже в настоящее время при нормальной конъюнктуре спрос максимум на 5 млн *куб. м*, причем и этот спрос удовлетворяется, главным образом, лесной промышленностью Соединенных Штатов и Канады, вытеснение которых с захваченных ими рынков сбыта представляет собою чрезвычайно трудную задачу.

Но, конечно, не указанная ограниченность рынков сбыта явилась причиной того, что экспорт Дальневосточного края в довоенные годы не превышал в среднем 40 тыс. *куб. м*; ведь по отношению к реально существовавшему спросу со стороны тихоокеанских рынков это составляло не более 1%, тогда как при равном развитии лесной промышленности Соединенных Штатов, Канады и Дальне

[1] В Европейской России в 1914 г. были устроены 61% всех казенных лесов и даже в Азиатской России в целом 12%.

восточного края последний по его природным возможностям должен был бы давать не менее 50%.

Слабое развитие лесной промышленности края в довоенные годы объясняется, конечно, также и неумением администрации создать благоприятные для нее условия: не предпринималось никаких мер к мелиорации лесных районов, что дало бы возможность колонизовать их и предоставить лесной промышленности столь необходимую для нее оседлую рабочую силу; неблагоустроенность Николаевского-на-Амуре порта, который мог бы сделаться центром лесоэкспорта огромного района, лишала естественного выхода на внешние рынки леса всего Амурского бассейна; наконец, отрицательное отношение к привлечению иностранных промышленников и отсутствие в крае крупных капиталов препятствовало созданию мощных деревообделочных предприятий; отсутствие же последних, в свою очередь, не давало развиться экспорту, так как большинство тихоокеанских рынков, не имевших еще своей лесопильной промышленности, предъявляло тогда спрос преимущественно на обработанные материалы.

Все эти причины привели к тому, что в среднем по краю отпускалось не более 2 *куб. м* с 1 *кв. км* лесной площади, тогда как из лесов Архангельской губ., тоже еще мало использованных, все же отпускалось 8—10 *куб. м* с 1 *кв. км*.

Существовавший в крае лесной промысел и лесная промышленность ориентировались почти исключительно на внутренний рынок (удовлетворение потребностей местного населения, городов, железных дорог, водного транспорта, военного ведомства и т. д.). Удовлетворение внутреннего рынка необработанным лесом и дровами производилось преимущественно мелкими промышленниками и крестьянами и только после начала постройки Амурской ж. д. начались заготовки в более крупном масштабе. Местная лесопильная промышленность была представлена

в Забайкальской обл.	10	заводами	с 23	рамами,	
» Амурской	» 11	»	» 19	»	
» Приморской	» 45	»	» 81	» [1]	

следовательно, лесопильное производство было сильнее всего развито в Приморской области, где предъявлялся большой спрос со стороны местного рынка и где, как увидим ниже, концентрировался начинающийся экспорт. Лесопильные заводы Приморья занимали около 14 тыс. человек рабочих. Все они, за исключением пяти казенных, находились в частных руках. Совершенно другая картина представляется в Забайкальской, а особенно в Амурской области; здесь казна принимала более активное участие в постройке лесопильных заводов. Казенные лесопильные заводы имели целью снабжать лесоматериалами государственное строительство, железные дороги и т. д.: так, в связи с постройкой Амурской ж. д. министерством земледелия были в Приамурье поставлены Суражевский, Сивакский и Малинов-

[1] «Концессионные объекты Дальнего Востока», часть I.

ский заводы, являющиеся и посейчас одними из самых больших лесопильных заводов края.

Отчасти вследствие казенного строительства, отчасти же вследствие более концентрированного спроса средние размеры лесопильных заводов Забайкалья и Приамурья были больше, чем средние размеры заводов Приморья. Так, средняя возможная годовая производительность заводов Забайкалья составляла 73 тыс. бревен, Приамурья — 51 тыс., а Приморья - 28 тыс. бревен. Конечно, и в Приморье были относительно весьма крупные лесопильные заводы, принадлежавшие частным лицам, но они терялись в общей массе более мелких. Действительная нагрузка существовавших в крае заводов была, главным образом вследствие непланомерного казенного строительства, весьма невелика: она в среднем не превышала 50% возможной.

Лесопромышленность Приамурья и Забайкалья работала исключительно на местный внутренний рынок, если не считать ничтожных партий леса, вывозившихся из Забайкалья в Маньчжурию. Наиболее благоприятные условия для развития экспорта были в Приморье с его покрытым лесом морским побережьем, с удобными естественными гаванями и удобным портом Владивостоком. Попытки экспорта производились с 70-х годов прошлого столетия, но регулярный экспорт в сколько-нибудь заметных размерах начался лишь с 1907 г., когда отдельным, частью русским, частью иностранным промышленникам были предоставлены небольшие концессии в Ольгинском районе на Приморском побережьи и на Сахалине и когда стали завязываться первые связи лесопромышленных предприятий вдоль Уссурийской ж. д. с иностранными рынками. Но, по отмеченным выше причинам, экспорт держался на крайне низком уровне: в 1911 г. было вывезено максимальное количество — 74,5 тыс. *куб. м*; размеры экспорта колебались из года в год, в среднем же за десятилетие 1908 — 1917 гг. вывозилось 40 тыс. *куб. м*[1] в год, из них около 70% через Владивосток. Вывозились преимущественно наиболее ценные сорта леса: дуб и кедр, а также осиновая чурка для спичечного производства. Главными потребителями были Япония и Китай, некоторый спрос предъявляла Англия и случайные партии отправлялись в Австралию, Индию, Германию и др. страны. Более $^2/_3$ всего леса вывозилось в совершенно необработанном виде.

С начала мировой войны на тихоокеанских лесных рынках намечается заметное оживление, вызванное быстрым промышленным развитием Японии. До этого Япония довольствовалась собственным лесом и лесом, ввозившимся в нее из Приморья в количестве в среднем 30 тыс. *куб. м* в год. В 1914 г. на японском рынке появляется американский лес, сбыт которого уже к 1916 г. достигает размеров довоенного русского импорта, а в дальнейшем растущими ежегодно скачками обгоняет этот уровень во много раз. Но и спрос на рус-

[1] Это составляло лишь 10% от ежегодного отпуска из лесов Приморья; следовательно, и лесопромышленность Приморья работала преимущественно на внутренний рынок.

ский лес не ослабевает: Япония употребляет ввозимый американский лес для нужд развивающегося строительства, а русский лес использует как базу для расширения собственной лесопильной промышленности и продукцией последней начинает конкурировать на китайском рынке с американскими лесными трестами, которые до этого по ввозу мягких пород почти безраздельно господствовали здесь.

Усилению вывоза из Приморья, помимо сложившейся рыночной конъюнктуры, особенно благоприятствовали начавшиеся события гражданской войны, благодаря которым был сильно облегчен хищнический вывоз почти исключительно одного необработанного леса: белогвардейские приморские правительства находились ведь в сильной зависимости от Японии. Японские капиталисты предпочитали выступать не самолично, а через подставных лиц из местных уроженцев, которых они финансировали и через которых они авансировали местных крестьян под заготовленный лес; но так как крестьян на Приморском побережьи мало, то массами завозились японские рабочие, которые и работали на возникших уже с 1919 г. концессиях. В дальнейшем число последних увеличивается и охватывает районы большинства наиболее удобных бухт Приморского побережья, из которых вывоз был наиболее удобен и где почти не было партизанских отрядов. Наконец, осенью 1921 г. сдаются здесь в долгосрочную эксплуатацию лесные площади, с которых обеспечивался сбыт всех пород в количестве 500 тыс. *куб. м* ежегодно.

Под влиянием всех этих причин вывоз леса из Приморья резко увеличивается: уже в 1918 и 1919 гг. экспортируется более 90 тыс. *куб. м*, что более чем вдвое превышает средний ежегодный вывоз в дореволюционное время. В 1920 г. происходит, правда, некоторая заминка, так как в этом году власть находилась в руках правительства Приморской земской управы, критически относившегося к хищническому хозяйничанию японцев: но зато уже в 1921 г. вывозится 143 тыс. *куб. м*, а в 1922 г. 411,5 тыс. *куб. м*, т. е. в 10 раз больше, чем в довоенное время. Так как основные лесозаготовки были сосредоточены на побережьи, то относительное значение Владивостока по экспорту леса, несмотря на то, что в абсолютных цифрах вывоз через него возрос, сильно сократилось: через него прошло в 1922 г. не 70% всего вывоза, как в довоенное время, а лишь около 25%. За все эти годы лес почти никуда, кроме Японии, не вывозился. Японцы вывозили почти исключительно один круглый лес; лесопильные заводы или стояли все эти пять лет, или работали с перебоями для снабжения сократившегося внутреннего рынка. Но вся эта хищническая эксплуатация имела одну хорошую сторону: благодаря ей иностранные рынки ближе познакомились с русским лесом и стали даже предъявлять спрос на такие породы, как ель и пихта, раньше совершенно не требовавшиеся.

Сразу по установлении Советской власти были приняты меры к тому, чтобы положить предел этому хищничеству; заключенные ранее концессионные договоры были объявлены недействительными,

и лесопромышленникам было предложено заключить новые договоры на новых условиях, более обеспечивающих общегосударственные интересы. Японские лесопромышленники, которым эта перемена политики была невыгодна, надеясь на уступки, пытались объявить бойкот советскому лесу. Но твердая линия, взятая развивающейся государственной промышленностью, заставила их изменить свою позицию: в конце концов, они перешли к заготовке леса по краткосрочным договорам, заключавшимся на один или два года: в виду переходного периода такая форма эксплуатации была для Советской России наиболее приемлема. Лесные площади, как и раньше, арендовались русскими предпринимателями, за спиной которых фактически стояли финансировавшие их японские капиталисты. В дальнейшем, в связи с распространением в 1923 г. монополии внешней торговли на Дальневосточную область, все более сокращается участие частных предпринимателей в лесоэкспорте.

В еще более хищнических формах, чем в Приморьи, эксплуатировались японцами наши леса на Сахалине; сознавая, что оккупация острова не сможет долго продолжаться, они пытались вывезти с острова столько, сколько только возможно. Сколько было вывезено леса с Сахалина в Японию в эти годы, в точности неизвестно: во всяком случае, в 1922 г. вывезено не менее того, сколько было вывезено в этом году из всего Приморья; в 1923 г., а особенно в 1924 г., после землетрясения в Японии, этот вывоз еще более возрос: считают,[1] что в 1924 г. с Сахалина было вывезено около 1,9 млн *куб. м*, т. е. почти в пять раз более вывоза из Приморья в 1922 г.: во всяком случае, быстрое восстановление разрушений в Японии после землетрясения в значительной степени обязано сахалинскому лесу.

С 1925 г., в связи с эвакуацией острова, заготовка леса японцами уже не производилась.

Еще правительство Дальневосточной республики принимало меры к урегулированию эксплуатации лесных богатств края; однако, больших практических результатов ему добиться не удалось, так как важнейшие в экспортном отношении районы находились тогда вне сферы его влияния. Лишь после советизации края стала возможна плодотворная работа. Сохраняя временно частных лесопромышленников, но вводя их деятельность в определенные рамки, краевая власть все свое внимание обращает на создание государственной лесной промышленности. Для эксплуатации лесных богатств края еще правительством Дальневосточной республики был создан трест «Эксплолес», который, однако, по отмеченным причинам, в своей деятельности принужден был ограничиваться пределами одних За-

[1] С. И. Бонишко. «Перспективы лесоотпусков и извлечения лесных доходов в Дальневосточной области в 1924-25 г.» («Эконом. жизнь Дальнего Востока, 1924, № 6 (10)).

байкальской и Амурской губ.; только после присоединения Приморья и советизации края создались более благоприятные условия для развития деятельности Экеплолеса, переименованного тогда в «Дальлес».

Дальлес в настоящее время играет руководящую роль на внутренних лесных рынках нашего Дальневосточного края. Но главной его задачей является развитие лесоэкспорта.

Частные лесоэкспортеры, на долю которых еще в 1924 г. приходилось 33% лесоэкспорта, за последние годы все более сокращали свою работу и в настоящее время никакой серьезной роли не играют; концессионеры (о них ниже) лишь с 1928 г. начинают свою работу; таким образом, всю тяжесть работы по развитию лесоэкспорта за последние годы фактически вынес один Дальлес.

В 1923 и 1924 гг., когда начинал свою работу Дальлес, создалась, как раз в связи с землетрясением в Японии, необычайно благоприятная конъюнктура для вывоза леса из Приморья на тихоокеанские рынки. Благодаря этому вывозилось даже больше, чем при японцах: в 1923 г. — 437 тыс. *куб. м*, а в 1924 г. даже 637 тыс. *куб. м*; в 1925 г., в связи с ухудшением конъюнктуры на тихоокеанских рынках, экспорт сократился до 487 тыс. *куб. м*, но уже в 1926 г. вновь удалось вывезти 754 тыс. *куб. м*, а в 1927 г. — 628 тыс. *куб. м*.

Таким образом, лесоэкспорт Дальневосточного края, несмотря на отдельные неизбежные конъюнктурные колебания, планомерно развивается и в настоящее время в пятнадцать раз превышает средний экспорт довоенных лет. В связи с этим он не только удовлетворяет значительно бóльшую часть потребности тихоокеанских рынков, чем до войны, но и занял солидное место в лесоэкспортном балансе СССР; в настоящее время Дальневосточный край является третьим по своему значению лесоэкспортным районом СССР, и на его долю приходится около 12% нашего лесоэкспорта.

Но нельзя и недооценивать трудности, стоящие на пути дальнейшего развития лесоэкспорта из Дальневосточного края.

Прежде всего, серьезнейшим препятствием является почти полное отсутствие у нас собственного, удовлетворяющего современным требованиям, морского тоннажа. Зависимость от иностранных судоходных компаний ставит нашу лесопромышленность в крайне трудное положение и очень затрудняет ей борьбу с конкурентами на иностранных рынках; так, наш серьезнейший конкурент на тихоокеанских рынках — американский лесной трест «Орегонский Комбинат», обладающий собственными пароходами, может доставлять лес на расстоянии 8 тыс. миль за ту же цену, за какую мы имеем возможность доставлять его на 500 миль.[1] По этой причине нельзя надеяться на завоевание в ближайшем будущем рынков Австралии, Африки, Индо-Китая и Британской Индии; на этих рынках издавна завязаны крепкие связи американскими и даже скандинавскими лесоимпорте

[1] «2 года советской власти в Приморьи».

рами, о вытеснении которых с их позиций пока мечтать не приходится. Трудна будет также борьба в Китае, где тоже весьма крепкие позиции занимают американские лесные тресты; широкая механизация всех работ, обеспечивающая низкую себестоимость лесоматериалов, дешевый тоннаж и наличие больших оборотных средств так, капитал «Орегонского Комбината» равняется 400 млн долларов ставит последние в весьма выгодное положение.

Единственное, но, конечно, очень важное наше преимущество перед американцами заключается в наличии громадных пространств незатронутых еще даже лесных массивов, тогда как эксплуатация лесных богатств тихоокеанского побережья Америки уже подходит к своему пределу. Важнейшим потребителем русского леса, несомненно, надолго останется Япония, но здесь придется вести упорную борьбу за право существования нашей лесопильной промышленности: японские лесопромышленники, развившие за счет хищнически вырубавшихся ими в Приморьи и на Сахалине лесов собственное лесопильное производство, добились от своего правительства в 1924 г. введения высоких пошлин на пиленый лес, рассчитывая, что они попрежнему будут переработанным ими нашим лесом снабжать китайские рынки.

Отмеченные обстоятельства в значительной степени объясняют состав Дальневосточного лесоэкспорта, который далеко не может быть признан удовлетворительным.

Как известно, в вывозе наших основных лесоэкспортных районов (Северный и Ленинградский) сырье и до сих пор играет очень серьезную роль. Но все же там на долю обработанных материалов (пиломатериалы, тесаный лес, шпалы, фанера, клепка и т. д.) приходится около 50%. В экспорте же Дальневосточного края на их долю (почти исключительно пиломатериалы) приходится только около 5%, а весь остальной лес (и притом в подавляющем большинстве своем лишь весьма ценные кедровые бревна и осиновая чурка) вывозится в сыром виде.

Основной задачей, следовательно, является увеличение доли вывозимых в переработанном виде лесоматериалов. В значительной степени это зависит от активной политики Дальлеса на внешних рынках, но не меньшее значение имеет и развитие в крае деревообрабатывающей промышленности. Для этого Дальлес не только сосредоточил в своих руках все наиболее мощные из имеющихся в крае лесопильные заводы, но и построил на ст. Уссури (в 350 *км* от Владивостока) новый завод, оборудованный по последнему слову техники. В течение ближайших лет он предполагает не только развернуть дальнейшее развертывание постройки не только лесопильных заводов, но и фанерных и спичечных фабрик, а также фабрик по химической переработке дерева.

Не менее важен и вопрос о рабочей силе. В главе II отмечена та тесная связь, которая существует между колонизацией края и возможностью дальнейшего развития лесопромышленности; ей должно быть обеспечено не только вполне достаточное количество оседлой

в районах заготовок рабгуженлы, но и рабочих на лесопильных заводах, опытных рабочих по сплаву и нагрузке леса в морские суда и т. д. Колонизация и развитие лесного дела должны итти об-руку: органы Наркомзема, ведающие колонизацией, должны для своих целей полностью использовать те широкие возможности, которые заложены здесь.

Наконец, не может не быть отмечена еще одна не менее важная задача, это — подготовка новых районов, откуда бы черпался лес для экспортных операций. В настоящее время весь экспорт сосредоточен (если не считать Забайкалья, откуда лес в ничтожных количествах вывозится в Маньчжурию) в Приморьи и притом только в двух его районах: на побережьи, откуда лес вывозится за отсутствием лесопильных заводов исключительно в необработанном виде, и вдоль Уссурийской ж. д., пересекающей значительные сплавные реки: Уссури, Иман, Бикин и Хор; последний район — центр лесопильной промышленности края.

Эти два важнейших района быстрыми шагами приближаются к пределу возможной их эксплуатации. Дальнейшее развитие лесного дела будет уже возможно лишь в случае открытия для эксплуатации новых районов. Здесь сама собою напрашивается мысль об Амурском бассейне. Открытие его путем ли устройства удобного порта в Николаевске-на-Амуре, или проложением, как это мыслит Дальлес, железнодорожной ветки длиною в 28 *км* от озера Кизи до бухты де-Кастри, или соединением указанных озера и бухты каналом открыло бы выход на внешние рынки лесным массивам Приамурья, Забайкалья, Николаевского и значительной части Хабаровского округов и обогатило бы лесными породами Даурской и Охотско-Камчатской флоры ассортимент, который может наша лесопромышленность предлагать на внешних рынках.

Лесные богатства Дальневосточного края настолько велики, что объять их промышленной эксплуатацией за счет наших собственных ресурсов в короткий срок представляется совершенно невозможным. Поэтому вполне рациональным является привлечение в это дело иностранного капитала.

Советское правительство наметило пятьдесят один участок общей площадью около 25 млн *га* с ежегодным сметным отпуском до 5,5 млн *куб. м*, которые оно готово было бы сдать в концессию, конечно, на условиях рациональной эксплуатации. Расположены они частью по побережью Татарского пролива, Охотского и Японского морей, частью в бассейнах р.р. Амура и Уссури, частью в пределах Приамурья и Забайкалья.

В 1927 г. была предоставлена концессия крупному японскому синдикату «Рорио Рингио Кумиай» на разработку значительных лесных массивов в районе Советской гавани. Согласно договора этот синдикат обязан с 1928 г. вывозить не менее 215 тыс. *куб. м* в год.

Если этот первый опыт окажется удачным, то к эксплуатации лесных богатств Дальневосточного края будут привлечены и другие

концессионеры; притом, несомненно, будет учтено, что иностранный капитал нам нужен не для хищнической вырубки и вывоза круглого леса, а для создания на месте лесопильной и деревообделочной промышленности, для развития каковой имеются богатейшие возможности; выработанные в пределах края спички, древесная масса, бумага и т. д. могли бы найти широкий сбыт на рынках Китая и Японии.

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что лесному делу в Дальневосточном крае предстоит большое будущее, и что оно несомненно явится основой хозяйства целого ряда районов.

ГЛАВА V.

ОХОТА И ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ.

Сказочные еще не так давно пушные богатства Дальневосточного края теперь, в связи с хищническим истреблением пушного зверя, производившимся в последние десятилетия, значительно поредели, но все же и по сей день звероловство и охота являются главнейшим занятием для многих туземцев северных окраин и доставляют значительный побочный доход русскому населению в ряде районов.

Звероловством ради мяса, а также отчасти ради шкур, в качестве побочного заработка, занимается значительная часть русского населения Приморья и Приамурья. Фауна лесов, особенно в южных частях их, весьма разнообразна и, несмотря на истребление, еще довольно богата. Охотники промышляют коз, кабаргу, кабанов, лосей, оленей и даже встречающихся в Приморьи тигров. Очень ценимым охотниками зверем являются олени, в виду их вкусного мяса, а особенно разновидность их—пятнистый олень изюбрь, рога которого, панты, высоко ценятся. Этот зверь, как уже указывалось выше, разводится в настоящее время в неволе, но и встречается еще — правда, очень редко — и в лесах. Если не будут приняты меры, в ближайшие годы можно ожидать полного истребления этого ценного представителя местной фауны; поэтому предположено организовать в районе р. Бикин в Приморьи заповедник для охраны его.

Но мясное звероловство удовлетворяет почти исключительно потребительские нужды крестьянских и туземных хозяйств; продукты его на рынок поступают редко, а потому оно не представляет интереса при изучении экономики края.

Совершенно иначе обстоит дело с пушным промыслом. Пушнина является валютой охотников-туземцев, в обмен на которую они приобретают все необходимое. Хотя русское население промышляет пушнину, все же можно считать, что пушной промысел является по преимуществу занятием туземцев. По крайней мере, наиболее ценные виды пушного зверя промышляются исключительно тузем-

цами, так как для этого нужно теперь, когда пушные богатства края сильно истощены, а тайга вследствие палов и лесных пожаров на далекие расстояния потеряла свой девственный характер, удаляться в тайгу на сотни километров от населенных пунктов по тропам, известным одним лишь охотникам-туземцам. В поисках за зверем они подымаются обычно в районы малодоступных другим верховьев третьестепенных притоков, притоков более крупных рек края.

В более густо населенном и давно заселяемом Забайкалии пушной промысел имеет меньшее значение, чем в Приамурьи и Приморьи. Но и в последних, по отмеченной выше причине, пушнина промышляется лишь в северных таежных пространствах. Важнейшим же промысловым районом является Камчатка. Пушной промысел и рыболовство являются здесь основой существования значительной части населения. На Камчатке промышляется значительно больше, чем в других частях края, всех (за исключением белки) пушных зверей, встречающихся по всему краю; исключительно здесь встречается белый песец и белый медведь (в Чукотском крае). О промысле же голубого песца, морского котика и морского бобра, имеющем мировое значение, мы еще будем иметь случай говорить ниже. Камчатский соболь по своему качеству значительно выше соболя из Приамурья и Приморья; на Камчатке же чаще встречается чернобурая лисица, уже почти истребленная в других частях края.

В дореволюционные годы сбор пушнины у охотников производился преимущественно в самой тайге мелкими скупщиками, снабжавшими их в обмен всем необходимым. Туземцы-охотники очень эксплуатировались скупщиками, и поэтому повышение цен на мировом рынке не увеличивало их благосостояния, что, конечно, объясняется и сокращением количества добываемого ценного пушного зверя. Значительное количество пушнины попадало также в так называемые «резиденции», склады продовольствия — центры золотой амбаропромышленности (см. ниже). Собранная в более крупные партии пушнина отправлялась на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, а оттуда, обычно, на Лейпцигскую ярмарку в Германии, центр мирового пушного рынка. На Камчатке работали две крупные фирмы: Чурин и К° и американская компания Гибард Свенсон и К°, которая одна получила исключительное право торговать по побережью на своей шхуне; работу свою они, конечно, тоже вели через сеть скупщиков.

В годы интервенции наблюдалось особенное нездоровое оживление пушного промысла на Дальнем Востоке; в эти годы были сметены немногие, существовавшие ранее охранительные правила, а через открытую, фактически, границу в край нахлынули массами китайские скупщики, рассыпавшиеся по тайге. Лишенная выхода на запад пушнина устремлялась через Китай в Америку, где тогда, в связи с военными сверхприбылями, предъявлялся высокий спрос на пушнину; Америка в те годы заменила блокированную Германию в роли мирового центра меховой торговли. Благовещенск — центр

местной меховой торговли, принужден был в эти годы уступить свое место расположенному на противоположной стороне Амура китайскому городу Сахаляну. Еще бо́льшая вакханалия вокруг пушнины наблюдается на Камчатке: здесь без чьего бы то ни было, конечно, разрешения появляются и ведут заготовки несколько крупных японских и американских фирм, в том числе известная компания Гудзонова Залива.[1] Все эти причины привели к тому, что в Дальневосточной области не наблюдалось в эти годы падения сбора пушнины, оказавшего столь благотворное влияние на пушное хозяйство многих других районов страны (естественный запуск; здесь, наоборот, пушные богатства эксплуатировались более интенсивно, чем когда бы то ни было, что не могло, конечно, не отразиться самым неблагоприятным образом на добыче последующих лет.

С 1923 г. начинается урегулирование пушного рынка, направленное, главным образом, на рациональное, с народно-хозяйственной точки зрения, использование этого ценного экспортного товара. К заготовкам привлекаются кооперация и госорганы, которые постепенно охватывают пушной рынок. Кооперируется охотничье население; этим оно привлекается к осуществлению мер охраны охотничьих промыслов, поднимается его культурный уровень, а также улучшается материальное положение его; в 1927 г. Дальохотсоюз (областная ячейка Всекохотсоюза) объединял уже 75% всей массы охотников Дальневосточного края.

В весьма своеобразных условиях государственные органы овладевали пушным рынком Камчатки. В 1923/24 г., когда удалось фактически организовать здесь советское управление, госорганы не могли еще охватить этот рынок, а потому в этом году Внешторгом было предоставлено право монопольной заготовки пушнины в Охотско-Камчатском районе фирме Гудзон-Бэй. Последняя обязалась завезти в этот край все необходимые товары и 50% своей чистой прибыли отчислить Внешторгу. В кампанию 1924/25 г. это дело было уже поручено государственному органу «Окаро» (о нем подробно см. в следующей главе), а также Госторгу; последний работал в тесном контакте с упомянутым выше Свенсоном. Свенсон дал в кредит Госторгу товары и передал в его распоряжение на сезон свою шхуну, взамен чего получил собранную в этом районе пушнину; операция велась от лица Госторга и аппаратом Госторга. С 1925/26 г. Госторг ведет здесь работу уже монопольно и самостоятельно.

«Урожай» пушнины в Дальневосточном крае, как и во всей стране, никогда не поддавался точному учету. К причинам этого, общим всем пушным районам (ведение учета лишь по количеству

[1] Компания Гудзонова Залива (Гудзон-Бэй, основана в 1670 г. по хартии английского короля Карла II. Эта хартия предоставила Генри Гудзону, открывшему на с.-в. берегу Америки бухту, названную его именем, монопольное право на эксплуатацию пушных богатств Канады вместе с правом владения обширными территориями. Эта компания состояла в оживленных торговых сношениях с нашей Российско-Американской компанией, поставляя ей из Сан-Франциско товары. Она и до сих пор занимает доминирующее положение на лондонском пушном рынке.

пушнины, поступающей на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, по внутренней торговле, а по внешней учет в пудах, а не штуках, вывозимой «мягкой рухляди», на Дальнем Востоке присоединяется еще широко развитый контрабандный вывоз через китайскую и морскую (особенно на Камчатке) границы.

Б. С. Дивов [1] считает, что в 1913 г. в пределах Дальневосточного края было заготовлено: 3 тыс. штук белок, лисиц (разных) — 50 тыс., соболя — 9,5 тыс., колонка — 140 тыс., голубого песца — 2 тыс., белого песца — 15 тыс., бурых медведей — 4,5 тыс., горностая — 125 тыс., хорька — 120 тыс. и т. д., а всего на сумму 4 761 тыс. довоенных рублей. Кроме того контрабандный вывоз, широко распространенный и в довоенные годы, оценивается в 30%; в таком случае валовая продукция пушного промысла Дальневосточного края для 1913 г. может быть оценена в 6 800 тыс. дов. рублей.

В настоящее время условия для контрабандного вывоза, естественно, еще более благоприятны, чем в довоенные годы, хотя бы из-за резкого расхождения рыночных и синдицированных цен, по которым производят свои заготовки государственные и кооперативные организации. Так, например, по данным «контрольных цифр народного хозяйства Дальневосточного края на 1927/28 г.» рыночная цена белки дошла до 3 руб., тогда как синдицированная на нее цена составляет 1 руб. 40 коп.; за колонка же рынок платит до 13 руб. при синдицированной цене в 4 рубля.

По этим причинам контрабандный вывоз должен быть в настоящее время оценен минимально в 33% от валовой продукции. Поскольку государственные и кооперативные организации в течение последних лет заготовляют в год в среднем на 2 млн рублей по довоенным ценам, валовая продукция пушного хозяйства Дальневосточного края в настоящее время может быть оценена в 3 млн руб. или менее, чем в 50% довоенной.

При всей условности приведенных расчетов они все же показывают, что пушной промысел Дальневосточного края в настоящее время находится в сильном упадке. Упадок этот наметился уже в довоенные годы и был усугублен хищнической эксплуатацией годов интервенции.

Единственный выход из кризиса для пушного промысла Дальневосточного края — постепенный переход к разведению пушных зверей в неволе. Но прежде чем говорить об этом, мы должны познакомиться с островным пушным хозяйством Дальневосточного края.

В 250 *км* к востоку от Камчатки расположены так называемые Командорские острова; два из них, остров Беринга и остров Медный, замечательны тем, что на них сохранились еще три ценнейших породы пушных зверей: голубой песец, морские котики и морские бобры. Голубой песец еще теперь ловится здесь сот-

[1] Б. С. Дивов. «Охотничье хозяйство» («Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1926 г., № 10—11).

нями, тогда как даже на Камчатке он встречается лишь единицами; котики на всем земном шаре добываются только здесь и на Прибыловых островах у Аляски; морские же бобры также ловятся лишь у Командорских островов и у мыса Лопатки (южная оконечность Камчатки).

Командорские острова были открыты в 1741 г. известным путешественником Берингом. Когда команда его судна вступила на берег, ей буквально пришлось отбиваться от голубых песцов: так много их тогда здесь было. Сведения о пушных богатствах этих островов быстро распространились, и уже через четыре года после открытия эксплуатация их производилась в усиленном темпе. Когда была образована Русско-Американская Компания, ей были также переданы в эксплуатацию и эти острова; когда она в 1868 г. прекратила свое существование, они были переданы в аренду одной смешанной русско-американской фирме (Хютчинсон и Филипеус), с 1892 до 1900 гг. их эксплуатировало «Русское Товарищество Котиковых Промыслов» (Гривальд и др.); с 1900—1911 гг. их арендовало «Камчатское Торгово-Промышленное Общество», а с 1912—1916 гг.—Торговый Дом Чурина. Эта частая смена фактических хозяев, в связи с отсутствием до самого последнего времени каких бы то ни было норм, регулирующих промысел, а также непрерывный рост цен на добываемые меха неизбежно должны были рано или поздно привести к полному истреблению этих ценных зверей. Добыча критически понижалась из десятилетия в десятилетие: так, еще в первое двадцатилетие XIX века Русско-Американская Компания добывала здесь ежегодно 54 тыс. штук котиков, в 1820—1840 гг. добывалось около 23 тыс. в 1840—1870 гг.—около 17 тыс.; в 70-х годах, когда острова перешли в руки нового хозяина, не чувствовавшего здесь себя, очевидно, очень прочно, начинается хищническое истребление: с 1870—1890 гг. истребляется по 38 тыс. котиков в год, т. е. в два раза больше, чем в последние годы существования Русско-Американской Компании. Дальнейшие арендаторы продолжали работу в этом направлении; в результате, уже в первое десятилетие XX века добывалось котиков меньше тысячи штук в год. В 1911 г. была заключена так называемая «Вашингтонская конвенция по международной охране котиков», которой был вообще запрещен бой котиков на определенный срок. Точно также и на голубых песцов, тоже сильно истребленных, объявлялся в последние дореволюционные годы запуск через год. Но печальнее всего обстоит дело с морским бобром: в 1745 г. было добыто 1 600 бобровых шкур, в 1748 г.—1 350; еще в начале XX века их добывалось около 350 штук в год, а уже через 10—15 лет—не более 3-4 десятков, включая и добычу на мысе Лопатка: морской бобер был уже почти совсем истреблен.

В годы интервенции, когда на островах отсутствовала какая бы то ни было власть, были, конечно, сметены все введенные за последние дореволюционные годы ограничения. Пушной зверь истреблялся

не только японскими и американскими хищниками, но и, главным образом, местным населением, алеутами, поселенными здесь в свое время для охраны пушных промыслов; алеуты эти, будучи только рабочими, фактически стипендиатами государства, пользующимися большими льготами, пытались еще обосновать свои права на местные пушные богатства[1].

В 1919 г. острова перешли в ведение государственного органа, подчиненного тогда Приморским правительствам «Дальрыбохоты», и с тех пор эксплуатируются государством; но до 1923 г. сюда проникали японцы, скупавшие пушнину у алеутов. Лишь в последние годы удалось приступить к восстановлению островного хозяйства, которое в настоящее время дает около 800 котиковых шкур ежегодно, причем само стадо достигло 19 тыс. штук (вместо 1 300 тыс. штук когда-то приплывавших на лежбища островов и 700 тыс. штук и сейчас еще имеющихся на Прибыловых островах). Песцовое хозяйство чрезвычайно пострадало в годы интервенции (сейчас голубых песцов на острове насчитывается 3 тыс. штук) и в настоящее время дает около 1 тыс. шкурок в год. Наконец, запасы морского бобра истощены настолько (все стадо не превышает 450 голов), что эксплуатация, по крайней мере в ближайшие пять лет, невозможна. Во всяком случае, лишь сохранение этих ценных промыслов в государственной эксплуатации, при которой мотив доходности должен в ближайшее, по крайней мере, десятилетие отступить на задний план перед мотивом восстановления, может в конечном итоге вновь восстановить природные ресурсы Командорских островов и сделать их имеющим общегосударственное значение питомником ценнейших пушных зверей.

Административное регулирование охоты в дальневосточных условиях при ничтожной плотности населения и разбросанности промысловых районов можно считать почти неосуществимым. Едва ли возможно также многого добиться культурно-просветительными мерами. Зверь хищнически истребляется не потому, что на пушнине охотники зарабатывают большие деньги (средний заработок промышленника-охотника не превышает самого скромного прожиточного минимума), а потому, что пушной промысел является основой существования значительной части населения; почти каждый охотник знает, что каждым лишним пойманным зверем он подрубает основу своего собственного существования, но все же он не останавливается ни перед чем, зная, что если не он, то зверя поймает другой. Поэтому, насколько хорошие результаты могут дать запуски в изолированных, ограниченных по пространству и охраняемых районах (например, Командорские острова), настолько трудно ожидать их от таких мер, как объявленный в 1925 г. на Камчатке на два года запуск на соболя.

Значительно более рациональным мероприятием можно признать

---

[1] См. В. К. Арсеньев, «Командорские острова», в сборнике «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока».

устройство заповедников, т. е. объявление тех или иных относительно небольших районов, в которых природные условия особенно благоприятны для размножения пушного зверя, запрещенными для промысла и, конечно, соответствующая охрана их: такие заповедники существуют уже на Камчатке: Кроноцкий, к югу от р. Камчатки по восточному побережью, площадью 12,5 тыс. *кв. км*, рассчитанный на соболя, и заповедник на мысе Лопатка — на морского бобра. Правда, в годы интервенции они сильно пострадали (так, на мысе Лопатка были почти добиты морские бобры, добываемые здесь уже единицами) и лишь теперь восстанавливаются: создание сети таких заповедников и в других районах на всей территории края может оказать в настоящее время существенную помощь пушному промыслу.

Но и заповедники являются лишь паллиативом; они, может быть, и сохранят единичные экземпляры пушного зверя, но, в конце концов, промысловая добыча его все же сойдет на-нет. «Ни один вид птицы, зверя, пресмыкающегося и рыбы не может выдержать промышленной эксплуатации их человеком» — формулирует уже давно осознанное всеми положение аксиома известного американского естествоиспытателя В. Хорандея. [1] Между тем, сохранение этого доходного и весьма ценного в народном хозяйстве промысла желательно. Сама собой напрашивается мысль превратить пушных зверей в домашних животных, как в свое время были превращены в таковые лошадь, верблюд, олень, кошка и др.

Первые попытки разведения пушных зверей в неволе произведены в 1890 г. жителями острова Принца-Эдуарда в Канаде; попытки эти после неизбежных в первое время неудач дали блестящие результаты. Пушное звероловство стало как в Канаде, так и в Сев. Америке развиваться, и организовано теперь там на широкую ногу, нередко в виде больших капиталистических предприятий. Легче всего дается разведение лисиц; разводят также в большом количестве песцов, скунса, норку, куницу, енота; разведение соболя не выходит пока из стадии опытов. Число звероводных ферм быстро растет: так, в 1924 г. в Соединенных Штатах было их 374, а в 1925 г. уже 939, в том числе 419 по разведению серебристой лисицы. В 1913 г. в Канаде насчитывалось 277 питомников для одних только лисиц. В 1923 г. там было уже 1 240 зооферм, из коих 1 179 разводили лисиц; все эти фермы имели свыше 40 тыс. пушного зверя; в частности, количество лисиц равнялось 27 тыс., из коих 25 тыс. — чернобурых. Капитал, вложенный в разведение пушного зверя, уже тогда достигал $8^1/_2$ млн долларов. [2]

На путь *промышленного звероводства несомненно*, рано или поздно, должен встать и Дальневосточный край, где имеются для

---

[1] Цит. у И. Добровольского: «Звероловство как отрасль промышленности, и условия создания его на Дальнем Востоке» («Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1924 г., № 5 (9)).

[2] Г. Бургин. «Питомники для разведения пушного зверя в Америке». Ст. в газ. «Экономическая жизнь» от 22 июля 1925 г.

этого не только благоприятные природные условия, но и контингент опытных охотников-туземцев, хорошо изучивших условия существования пушных зверей на свободе, а потому и могущих оказать неоценимые услуги промышленному звероловству. Помимо этого «здесь, на ряду с разведением зверя в клетках, возможно в огромных размерах так называемое оптовое звероводство, при котором забота человека по отношению к завезенным и выпущенным на волю зверям должна сводиться лишь к охране их от браконьеров и в некоторых случаях к регулярной подкормке, особенно в зимнее время». [1] Прототип такого хозяйства имеется уже на Командорских островах, но для него пригодны не они одни; вполне возможна организация рационально поставленных звероводческих хозяйств и на других островах, расположенных в водах Дальневосточного края, в частности, на лежащих в юго-западном углу Охотского моря Шантарских островах; здесь Дальгосторгом в 1923 г. положено начало такому хозяйству; зимой в 1924/25 г. на этих островах работала экспедиция Дальгосторга и Дальрыбы, которая изучила все местные ресурсы. Несмотря на то, что сюда проникали с побережья охотники-тунгузы, здесь еще в больших количествах сохранился соболь и другие ценные пушные звери. Летом 1925 г. сюда завезены с Командорских островов голубые песцы, которые найдут здесь подходящие для себя условия и быстро расплодятся. Острова теперь, конечно, охраняются от проникновения охотников, и все хозяйство ведется на научных началах Дальгосторгом. Надо надеяться, что за этим первым начинанием последуют другие, не только на островах, но и на севере Приморской губ., и край покроется сетью звероводных хозяйств, которые пушной промысел выведут из кризиса.

ГЛАВА VI.

РЫБОПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Основные районы и эксплуатация их русским и японским капиталом до войны.

Рыбные богатства морей, омывающих берега Дальневосточного края, неоценимы. Хотя Охотское море в отношении температуры находится почти в одинаковых условиях с Северным Ледовитым океаном, и льды в нем держатся сплошь и рядом до июля, однако, это море непосредственно связано с Тихим океаном, животная жизнь которого очень богата. [2] Население вод Дальнего Востока далеко превосходит по своему разнообразию водное население соответствующих по широте районов Северного Атлантиче-

[1] И. Добровольский. «Звероловство на Дальнем Востоке» («Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1925 г., № 6).

[2] И. Шмидт. «Виды рыб и рыбные промыслы в Сибири» («Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1922 г., № 5—7).

ского океана. Так, например, Берингово море насчитывает 165 видов морской ихтиофауны, тогда как в водах северной Норвегии и даже в более теплых водах южной Норвегии насчитывается не более 95 отдельных видов рыб.[1] Главное богатство дальневосточных вод составляют лососевые (кета, горбуша, красная, кижуч, чавыча, сима), обитающие обычно в морских глубинах, но поднимающиеся в определенные периоды, летом и осенью, вверх по Амуру и рекам Камчатки для метания икры; в эти периоды они и являются в реках, и преимущественно в устьях последних и предустьевых пространствах, объектом рыболовного промысла. Кроме рыб, мечущих икру в реках, моря Дальневосточного края изобилуют настоящими морскими рыбами (главным образом, сельдью, треской, палтусом, камбалой, скумбрией, навагой), а также целым рядом других имеющих промысловое значение представителей морской фауны и флоры, как-то: крабы, киты, кашалоты, белухи, дельфины, нерпы, акибы, сивучи, трепанги, морская капуста и т. д. Наконец, по количеству видов своих пресноводных рыб р. Амур из всех рек земного шара уступает одной Миссисипи.

В 60-х годах XIX века, когда русские впервые появились на Амуре, ловлей рыбы занимались одни лишь туземные племена для личного потребления. В частности, рыбная ловля составляла и составляет до сих пор основу существования туземного населения низовий Амура, гиляков. Рыбой же жили возникшие с начала колонизации русские крестьянские поселки в этом районе. Но из-за отсутствия рынков сбыта промысел долгое время носил лишь потребительский характер.

По договору 1875 г. японцам было предоставлено право в продолжение 10 лет производить рыбную ловлю в русских водах. Хотя это соглашение в дальнейшем возобновлено не было, японские рыболовы продолжали свою работу полулегально в районах Татарского пролива и южного Сахалина. С 1889 г. в устье Амура появляются японские шхуны для скупа рыбы, выловленной и приготовленной местным населением. Рыбный промысел в низовьях Амура стал особенно развиваться с 1900 г., когда японским промышленникам было разрешено скупать рыбу у населения в свежем виде и перерабатывать ее на месте с помощью иностранных рабочих. К этому времени и относится возникновение здесь рыбопромысловых предприятий капиталистического типа. Однако, решающее значение для всего дальнейшего развития дальневосточной рыбопромышленности имела рыболовная конвенция между Россией и Японией от 15 (28) июля 1907 г., заключение которой было выговорено японцами в Портсмутском мирном договоре. По этой конвенции японцы были допущены на всем побережьи к рыбному промыслу на равных правах с русскими. Японские промышленники получили право весь лов производить при помощи завезен-

[1] «Рыбное хозяйство Дальнего Востока», статья Ф. Андрианова в № 6 — 7 «Бюллетеней рыбного хозяйства» за 1924 г.

ных ими японских рабочих и беспошлинно ввозить на арендуемые ими рыболовные участки все необходимое промысловое оборудование; в изъятие правил о каботажном судоходстве японские шхуны получили право обслуживать японские участки. В «конвенционные воды» вошло все морское побережье, за исключением 34 заливов, а также внутренних вод, оставленных для эксплуатации исключительно русским населением. Но для амурского лимана были сохранены в силе правила 1900 г.; здесь японские рыбопромышленники сохранили право, не производя самого лова, скупать рыбу и засаливать ее с помощью иностранных рабочих. Впрочем, эти японские засольни в лимане Амура сохранили свое значение лишь в первые годы после заключения конвенции. По мере того как рос спрос на амурскую рыбу, на внутренних русских рынках росла и цена ее на месте, вследствие чего японские заготовители все больше сокращали здесь свою работу и переносили ее в чисто конвенционные районы, где они могли сами производить самый лов и где они не были стеснены разными другими правилами, ограничивавшими их деятельность в Амурском лимане.

Сразу после заключения конвенции японцы принялись за усиленную эксплуатацию рыбных богатств Дальневосточного края. Уже в 1910 г. в конвенционных водах японцами арендовывалось 137 рыболовных участков, тогда как русскими подданными лишь 34; к 1914 г. число японских участков увеличилось до 231, тогда как число русских участков увеличилось лишь на 3. Фактически же удельный вес японской промышленности был еще больше, так как среднее японское рыболовное предприятие было значительно крупнее, чем среднее русское.

Центром рыболовства в конвенционных водах сразу сделалась Камчатка, прибрежные воды которой вообще богаты рыбой и, в частности, рыбой лососевых пород (красная, горбуша, кета, чавыча и др.), на которую, в сущности, только и предъявлялся спрос со стороны японских рыбопромышленников. В пятилетие 1910—1914 гг. Камчатка давала 93% всего улова в конвенционных водах,[1] причем на долю западного побережья ее падало почти в три раза больше, чем на долю восточного. Здесь, на Камчатке, была главная база японской рыбопромышленности, сюда завозилось ежегодно около 15 тыс. японских рабочих.

В виду того, что арендная плата за рыболовные участки устанавливалась на торгах и не зависела от улова, точно установить, какая доля общего улова в районе Камчатки падала на русские предприятия, не представляется возможным; во всяком случае, она едва ли в конвенционных водах превышала 20%; к ним нужно еще прибавить около 10%, вылавливавшихся во внеконвенционных водах, преимущественно местным населением. На долю японцев приходи-

[1] Весь приводимый ниже цифровой материал об уловах в дальневосточных водах за 1907—1922 гг. основывается на статистических таблицах, приводимых М. С Алексеевым в его статье «Положение рыбопромышленности на Дальнем Востоке» («Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока»).

лось, следовательно, около 70% всего улова в Камчатском районе. В связи с развитием японского промысла на Камчатке быстро рос удельный вес ее в общей продукции края. Еще в 1909 г. Камчатка дала в четыре раза меньше, чем Амурский район, а уже начиная с 1914 г., как увидим ниже, она далеко обгоняет последний. В среднем же за 1910—1914 гг. Камчатка в общем улове дальневосточных вод участвовала в размере 46,5%.

На Охотском районе (западное побережье Охотского моря) можно подробно не останавливаться: на долю этого района, который стал развиваться лишь после 1914 г., приходилось лишь 2,5% всего улова в дальневосточных водах. Здесь, даже более чем в Камчатском районе, господствовали японцы.

Едва ли не больший интерес, чем Камчатский, представляет район Амурский. В отличие от первого, еще только быстро развивавшегося, он в последние довоенные годы давал максимум того, что он мог дать. В связи с усиленной эксплуатацией здесь уже ясно давало себя знать истощение рыбных богатств. В среднем за 1910—1914 гг. этот район давал столько же, сколько Камчатский (15,6% общей рыбной продукции края). Рыболовной конвенцией японцы не были допущены к эксплуатации здешних рыбных богатств и поэтому весь район находился в русских руках. Район амурского рыболовства включает в себя всю систему р. Амура от Хабаровска вниз по течению до Амурского лимана, ограничиваемого на севере мысом Петровского, а на юге мысом Лазарева. Сахалинские промыслы также обычно относят к этому району. От Хабаровска до села Циммермановка сосредоточивался мелкий крестьянский промысел (значение которого в общей продукции района совершенно ничтожно); ниже, на ряду с крестьянским, появляется мелкий предпринимательский, по преимуществу обрабатывающий, промысел и только в водах г. Николаевска-на-Амуре и ниже, в устье и лимане, преобладал крупный капиталистический промысел. Этот участок ниже г. Николаевска и являлся центром района, дававшим более 80% всего улова в Амурском районе. Здесь в последнее до войны десятилетие возникли крупные капиталистические предприятия, арендовавшие лучшие участки и на них самостоятельно промышлявшие с применением в широком масштабе наемного труда (около 9 500 человек пришлых рабочих). Предприятия эти в большинстве случаев были хорошо оборудованы (общая стоимость всех их хозяйственных ценностей исчислялась в то время в 12 млн. руб.), имели рефрижераторные устройства и т. д. Не ограничиваясь собственным уловом, они в широком масштабе скупали для переработки рыбу у местного ловецкого населения. В последние довоенные годы капиталистический промысел сильно развился: на его долю приходилось в 1910—1914 гг. 66% общего улова Амурского района; из остальных 34% значительная часть также поступала от ловецкого населения в его распоряжение. Основой промысла здесь, так же как и на Камчатке, являлись рыбы лососевых пород (горбуша и кета), проходящие в определенные периоды с моря

вверх по реке на нерестилища; в конце июня идет горбуша, с начала июля — летняя кета, а с конца августа — осенняя кета. Промысел носит ударный характер, так как основная масса рыбы проходит в течение всего нескольких дней густой массой. Рыбы осетровых пород (осетр и калуга), уже раньше сильно истребленные, в последние довоенные годы серьезного промышленного значения не имели.

Четвертым промысловым районом, на который, впрочем, в 1910—1914 гг. падало лишь 5,4% общего улова в дальневосточных водах, является район юго-западный, т. е. все южное побережье Приморья. Здесь отчасти также работали японцы, ловившие сельдь и горбушу в Татарском проливе, но главное значение имел залив Петра Великого, не входивший в состав конвенционных вод. Здесь работали почти исключительно мелкие предприятия, преимущественно местные крестьянские артели. Главным объектом промысла являлась сельдь; кроме нее ловились разные другие рыбы для нужд Владивостока, а также трепанги, крабы, креветки, ракушки; некоторое значение имел также и промысел морской капусты.

Связь с рынками и роль Японии.

Размеры улова колебались, конечно, из года в год в зависимости от хода рыбы, но в общей перспективе может быть подмечен неуклонный рост добычи. Тогда как в 1907—1908 гг. дальневосточные воды давали в среднем в год 62 тыс. *т* рыбы, в 1910—1914 гг. они уже давали 121 тыс. *т*. Дальневосточный район был по своему улову вторым после Волго-Каспийского рыболовным районом России; однако, продукция Волго-Каспийского района в пять раз превышала его продукцию. Это доказывает, насколько еще мало использовались рыбные богатства нашего Тихоокеанского побережья. Вся рыбопромышленность как в конвенционных, так и в неконвенционных водах ограничивалась, в сущности, одним лишь семейством лососевых, на долю которых в двух важнейших районах приходилось: в Камчатском 97%, а в Амурском 100% всего улова.[1]

Выше уже отмечалась та роль, которую играл каждый район в общем улове края. Если учесть эти данные и характер каждого из этих районов, то можно признать, что общий улов делился почти поровну между русскими и японскими рыбопромышленниками с некоторым лишь перевесом в пользу первых. Но этим не ограничивалась роль японцев в дальневосточной рыбопромышленности. В Японию отправлялась не только вся выловленная японцами, но и подавляющая часть выловленной русскими рыбы.

Рыбопромышленность Дальневосточного края развилась в условиях полной оторванности от русских рынков сбыта; еще и посейчас, после проведения сибирских и дальневосточных железных дорог, центр ее — Николаевск-на-Амуре — отстоит от ближайшей станции железной дороги на расстоянии около 630 *км* и связан

[1] Лов осетровых, уже раньше сильно истребленных, в довоенные годы сколько нибудь заметного промыслового значения не имел и даже специально не учитывался.

с наиболее густо населенной частью края лишь замерзающим на семь месяцев водным путем; кроме того, Сибирь, вследствие ее малонаселенности и обеспеченности рыбой местных водоемов, не могла стать крупным потребителем, не говоря уже о камчатской, даже и амурской рыбы.

В совершенно ином положении находилась рыбопромышленность края по отношению к Японии, с которой она связана кратким, удобным и прямым морским путем. Рыба, наравне с рисом, является главным продуктом питания японского населения. Какое огромное значение имеет рыба в общей экономике этой страны, доказывает тот факт, что еще совсем недавно курс биржи определялся там степенью улова рыбы. В связи с ростом благосостояния этой страны, вызывавшим усиленное потребление, предъявлялся все больший спрос на рыбные товары, который не могли удовлетворить японские водоемы, к тому же бедные высокоценимыми лососевыми породами. Все это и обеспечило тот интерес, который издавна проявляли японцы к рыбным богатствам нашего Дальнего Востока. Не удовлетворяясь снабжением собственного рынка, они, после того как с заключением рыболовной конвенции, получили широкий доступ на русский Дальний Восток, в широких размерах, за счет вылавливаемой и скупаемой в наших водах рыбы, стали развивать экспорт ее в Китай. Туда в последние годы они вывозят около $^1/_{10}$ своего улова в наших водах.

О значении, которое для дальневосточной рыбопромышленности имел японский рынок, лучше всего можно судить по способу, которым приготовлялась выловленная рыба. Засол, к которому привыкли азиатские рынки, совершенно не похож на бочечный засол, обычный на европейских, в том числе и русских, рынках. Японский способ засола значительно более примитивен: неочищенная рыба просто складывается в штабеля, как дрова, и посыпается солью, чем и ограничивается вся обработка. Естественно, что полученный путем этого «сухого» засола продукт крайне малоценен, низкого качества и рассчитан исключительно на дешевый азиатский рынок. Этим-то способом и обрабатывалось 85% всей вылавливавшейся на Камчатке рыбы.[1] Японским засолом приготовлялась не только вся вылавливавшаяся японцами рыба лососевых пород, но и подавляющая часть улова местных русских рыбопромышленников. Что же касается сельди, вылавливавшейся в конвенционных водах в относительно, правда, небольших количествах, то вся она отправлялась в Японию, где перерабатывалась на удобрительный тук. Несколько иначе обстояло дело в Амурском районе. Здесь еще в 1909 г. сдавалось японцами более 70% улова; но в течение последующих лет быстро растет сбыт на русские внутренние рынки, вследствие чего с каждым годом все более сокращается отправление на японский рынок из этого района; в 1914 г. туда отпра-

[1] По данным, приводимым в статье И. Иванова «Необходимый советский торговый флот в морях Дальнего Востока» («Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1925 г., № 3—4).

вялось лишь 11% всего улова; процесс этот продолжался и в годы мировой войны; к 1917 г. амурская рыбопромышленность почти совершенно освободилась от зависимости от японского рынка.[1] Главная часть улова размещалась на внутриобластном рынке среди интенсивно растущего населения; часть же проникала в Сибирь и даже, в виде семги и кетовой икры, на рынки европейской части страны. Селедочный промысел залива Петра Великого также сумел найти потребителей внутри страны: сельдь с этих промыслов удовлетворяла потребность всей Восточной Сибири в этом продукте.

Военные годы (1914 — 1917) почти совершенно не отразились на рыбопромышленности края, но зато годы интервенции открыли для нее совершенно новую эпоху. В 1919 г. истек срок рыболовной конвенции 1907 г. В виду того что она никем возобновлена не была, японцы должны были бы, в сущности, прекратить свою работу в наших водах. Но вместо этого, воспользовавшись оккупацией края (которая в значительной степени может быть именно объяснена желанием обеспечить интересы японских рыбопромышленников), они попросту объявили в наших водах «свободный лов» и стали охранять своих рыбопромышленников военным флотом. Началась хищническая эксплуатация рыбных богатств края; японские рыбопромышленники перестали считаться с установленными в свое время для них правилами и, конечно, не вносили никому следуемой с них арендной платы. Японское военное командование пошло даже дальше и начало от себя сдавать в аренду наши рыбалки[2] во внутренних водах, не входивших раньше в состав конвенционных. Николаевские события 1920 г. уничтожили большинство капиталистических рыбалок в низовьях Амура; оборудование их оценивалось в 1921 г. в 1 млн. руб. вместо 12 млн. руб., как раньше. Лишенные капиталов, внутренних рынков сбыта и притесняемые японским командованием, русские рыбопромышленники принуждены были войти в тесный контакт с японскими, финансировавшими их; вследствие этих причин в низовьях Амура в 1922 г. 85% общего количества промыслов находилось формально или фактически в японских руках. На Камчатке же японским рыбопромышленникам, господствовавшим здесь и раньше, удалось подчинить себе почти всю местную рыбопромышленность.

Эксплуатация рыбных богатств в эпоху интервенции.

В годы интервенции наблюдается дальнейшее увеличение улова в областном масштабе: в среднем, за 1919 — 1922 гг. он составлял 132 тыс. *m* в год, что дает увеличение на 10%, против периода 1910—1914 гг. Однако, эта скромная цифра лишь маскирует происшедшие в годы интервенции изменения: общий улов увеличился незначительно, но зато резко изменился удельный вес отдельных районов, что видно из следующей таблицы:

[1] «Современное состояние рыбопромышл. в Никол.-на-Амуре районе». По материалам РКИ («Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1924 г., № 5 (9)).

[2] Так называются отдельные промысловые хозяйства.

Районы (воды конвенционные и неконвенционные)	Средний улов в 1910—14 гг.		Средний улов в 1918—22 гг.	
	Тыс. *т*	%%	Тыс. *т*	%%
Юго-Западный	6,5	5,4	9,6	7,3
Охотский	3,0	2,3	10,2	7,7
Камчатский	56,3	46,5	92,4	70,0
Амурский	55,2	45,6	19,8	15,0
Всего	121,0	100,0	132,0	100,0

Итак, улов растет во всех районах, за исключением Амурского, где он дает резкое понижение. Больше всего повышается улов в Камчатском и Охотском, основных районах японского рыболовства: эти два района дают уже более 75% общего улова, тогда как раньше на них падало лишь около 50%. Усиленная эксплуатация не имела здесь, впрочем, роковых последствий: рыбные богатства этих районов настолько велики, что, несмотря на чрезмерную эксплуатацию не был достигнут предел, после которого неизбежно начинается сокращение уловов. Иначе обстояло дело в Амурском районе; здесь хищническая эксплуатация в годы интервенции лишь необычайно ускорила тот процесс сокращения рыбных богатств, который намечался уже давно и впервые резко сказался в 1913 г., когда улов горбуши дал неожиданное понижение почти в десять раз против предыдущих лет и резко сократился улов летней кеты. С этого года наблюдается интересное явление: тогда как по четным годам горбуша идет в таких же количествах, как и раньше, в нечетные годы она ловится в быстро сокращающихся и ничтожных количествах. Причины этого явления еще в точности не выяснены, но, во всяком случае, они коренятся в усиленной эксплуатации в предыдущие годы. Вместо решительных мер к сокращению уловов, которые только и могли предотвратить надвигавшийся кризис местной рыбопромышленности, в годы интервенции вылавливалось все, что было только возможно. Несмотря на это, средний улов в Амурском районе в годы интервенции был почти в три раза меньше, чем в довоенные годы. Конечно, эта хищническая эксплуатация не смогла, несмотря на принятые впоследствии меры (см. ниже), не сказаться на уловах 1925—1928 г.[1]

В связи с тем, что в годы интервенции почти весь улов производился японцами, японский рынок приобретает для рыбопромышленности края еще большее значение, чем в довоенные годы. В Камчатском районе, где японский рынок господствовал и раньше, это усиление удельного веса его не так бросается в глаза. Но зато в Амурском районе, который к 1917 г. уже почти всю свою продукцию отправлял на внутренние рынки, оно сказывается необычайно резко: в 1922 г. более 90% улова его пошло на японский рынок.

[1] Рыбы лососевых пород достигают половой зрелости лишь на шестом году своей жизни; поэтому потомство рыб, метавших икру в Амуре в 1919—1922 гг., должно было пройти в Амур для этой цели лишь в указанные годы.

Организация рыболовства Советской властью.

Лишь в 1923 г., когда установилась Советская власть на Дальнем Востоке, был положен предел работе хищников. 2 марта 1923 г. декретирован порядок эксплуатации рыбных промыслов в наших тихоокеанских водах. Все договоры и контракты на производство рыбной ловли, заключенные до 14 ноября 1922 г., т. е. до дня формального присоединения края к РСФСР, были объявлены аннулированными. Тихоокеанские воды вновь были разделены на внешние, в которых могут производить лов иностранцы, и на внутренние, доступные лишь для граждан СССР. Восстановлен был также порядок сдачи рыболовных участков с торгов, причем было установлено, что при прочих равных условиях предпочтение должно отдаваться гражданам тех государств, с которыми СССР будет иметь к моменту торгов особое соглашение о рыбных и морских промыслах. Декрет сохранил за иностранцами все те же права в отношении привоза иностранных рабочих, каботажного судоходства и засольных участков, которыми пользовались японцы по рыболовной конвенции. Но, с другой стороны, было установлено, что иностранные граждане подчиняются всем как действующим в настоящее время, так и могущим последовать в будущем законам и распоряжениям относительно рыболовства. В основных чертах был, следовательно, сохранен тот порядок, который был установлен в свое время рыболовной конвенцией для японцев, которые и ныне фактически остаются единственными иностранными арендаторами наших рыболовных участков на Тихоокеанском побережьи.

23 января 1928 г. после трехлетних переговоров была подписана советско-японская рыболовная конвенция, разрешившая ряд сложных проблем японо-советского рыболовства. Заключена она на 8 лет и уточняет права и обязанности японских рыбопромышленников в отношении порядка морских сообщений между рыболовными участками и Японией, порядка ввоза необходимого для рыболовных участков инвентаря и вывоза добытого японскими подданными улова, порядка въезда японских подданных на рыболовные участки, мер охраны рыбных запасов в союзных дальневосточных водах, регулирования труда японских рабочих, порядка аренды и эксплуатации рыболовных участков, прекращения беспошлинности экспорта японского улова и импорта в Японию рыбы, происходящей из вод СССР и т. п.[1]

С момента установления Советской власти на Дальнем Востоке началась также работа по организации советской рыбопромышленности.

С 1923 г. государственная рыбопромышленность прошла через ряд организационных форм.

Для заведывания государственной рыбной промышленностью был в 1923 г. образован специальный орган «Дальгосрыбпром». Само-

[1] Полный текст Рыболовной конвенции и дополняющих ее протоколов напечатан в журнале «Русско-Японское Экономическое Обозрение» за 1928 г., №№ 5—9.

стоятельно он эксплуатировал лишь селедочные и крабовые промысла в районе залива Петра Великого, но в качестве крупного акционера он участвовал в двух, имевших большое значение для дальнейшего развития государственной рыбопромышленности, предприятиях: «Дальморепродукте» и «Окаро».

«Дальморепродукт» («Акционерное о-во по эксплуатации морских рыбных и звериных промыслов Дальнего Востока»), было основано 31 мая 1923 г., и являлось смешанным акционерным обществом; 50% акций его принадлежало Госрыбпрому и 50% М. М. Люри, самому крупному раньше местному рыбопромышленнику. Общество имело свои промысла и консервные заводы в Амурском лимане, на Камчатке и в Охотском районе; центром его деятельности являлся Амурский лиман, в котором оно арендовало самые богатые промысла: Пуир, Петах, Озерных и М. Вассен. Благодаря учреждению этого о-ва Госрыбпром сделался совладельцем крупного и хорошо оборудованного предприятия.

В мае 1924 г. Дальгосрыбпромом, Дальгосторгом и Дальцентросоюзом было учреждено на паритетных началах «Охотско-Камчатское Акционерное Рыбопромышленное о-во» («Окаро») для эксплуатации рыбных промыслов Охотско-Камчатского побережья и Чукотско-Анадырского района.

Своеобразная, оправдывавшаяся местными условиями, форма крупного смешанного акционерного общества с русским предпринимателем, в виде «Дальморепродукта» была необходима лишь в первый, организационный период государственной рыбопромышленности. В 1925/26 г. государство сочло своевременным отказаться от сотрудничества с частником. Поэтому о-во «Дальморепродукт» было тогда ликвидировано и на его основе стал работать «Дальгосрыбтрест», включивший в свой состав и «Дальгосрыбпром».

Таким образом, государственная рыбная промышленность представлена здесь в настоящее время «Дальгосрыбтрестом», работающим в Николаевском-на-Амуре и Владивостокском районах, и «Окаро», работающим в Охотско-Камчатском районе.

Кооперация в советской рыбопромышленности представлена Далькрайсоюзом, работающим в низовьях Амура, и низовой промысловой кооперацией, объединяемой в низовьях Амура и его лимане Союзом Усть-Амурских кооперативов, на Приморском побережьи — Союзом Приморских рыбаков и несколькими артелями в Охотско-Камчатском районе.

Кроме того, серьезную роль в советской рыбопромышленности играет (особенно на Камчатке), как увидим, частная рыбопромышленность. Поскольку советской рыбопромышленности приходится выдерживать ожесточенную конкуренцию со стороны японской, использовать здесь опыт частных предпринимателей представляется вполне целесообразным. К сожалению, однако, значительная часть этих предпринимателей находится в финансовой зависимости от японцев.

Что касается организационных форм японской рыбопромышлен-

ности, то в отношении их приходится отметить происшедшую за последнее 15-летие чрезвычайную концентрацию японского капитала, работающего в наших водах.

Уже во время империалистической войны почти вся японская рыбопромышленность в наших водах слилась в четыре крупных объединения. В 1921 г. три из них слились в крупнейшее акционерное общество «Ничиро-Гиогио Кабусики Кайша». В настоящее время это общество эксплуатирует 45% японских участков, концентрирует у себя 64% японских рабочих, 74% японской валовой продукции, 90% японских консервных заводов (о них ниже) и 98% японского производства консервов в наших водах. Валовая продукция этой фирмы по меньшей мере в полтора раза превышает продукцию всех видов советской рыбопромышленности вместе взятых, а по производству консервов превышает нашу рыбопромышленность в двадцать пять раз.

Современное[1] рыболовство.

Всего добывается в настоящее время в наших тихоокеанских водах в среднем около 130—140 тыс. тонн рыбы в год, т. е., примерно, столько же, сколько в годы интервенции, с тенденцией к дальнейшему росту за счет Камчатского и Охотского районов. Последние, вследствие истощения рыбных богатств Амура и введенной там нормировки лова, сохраняют за собою то первенствующее место, которое они заняли в годы гражданской войны.

По отдельным годам уловы сильно колеблются; по четным годам они значительно выше, чем по нечетным, когда сказываются отмеченные выше явления в Амурском районе и когда в Западно-Камчатском районе обычно больше чем на 50% падают, по тем же причинам, что и в Амуре уловы горбуши.

Центром японской рыбопромышленности попрежнему является Охотско-Камчатский район; государственная и кооперативная рыбопромышленность сильны в Амурском и Владивостокском районах, а на Камчатке они пока, особенно по сравнению с японской рыбопромышленностью, весьма слабы.

Относительная слабость государственной и кооперативной рыбопромышленности подчеркивается, прежде всего, тем, что сырье, концентрирующееся в руках советской рыбопромышленности, распределяется почти поровну между государственной и кооперативной рыбопромышленностью, с одной стороны, и русской частной рыбопромышленностью, с другой. Притом не все это сырье — собственного улова. В операциях советской рыбопромышленности серьезное значение имеет скупка рыбы, выловленной неорганизованной

[1] При составлении настоящего раздела, главным образом, использованы: статья «Перспективы рыбного хозяйства ДВК на предстоящее десятилетие» («Эконом. жизнь Дальнего Востока» 1927 г., № 3) и статья Дьяконова «Рыбопромышленность ДВК в 1926 г.» («Статистическое обозрение» 1928 г., № 2). Поскольку более поздних материалов пока не опубликовано и поскольку к тому же 1927 г. (нечетный) не мог быть особенно характерным, постольку большинство приводимых данных относится к 1926 г.

еще пока кооперацией частью местного прибрежного населения. Эта рыба составляет около 23% сырья, концентрирующегося у частника, и около 30% — у государственных и кооперативных организаций.

Опять таки не все сырье, концентрирующееся в руках советской рыбопромышленности, ею же и перерабатывается: около 10% его из-за слабого пока развития нашей рыбоконсервной промышленности передается для переработки японцам. В сырьевом балансе последних эта рыба играет заметную роль (около 7%), тем более, что передаются, главным образом, лишь самые ценные сорта лососевых (так, например, красная в количестве около 88%, а кижуч — около 54% всего русского улова).

В общем итоге около 60% сырья сосредоточивается для дальнейшей переработки в руках японцев и около 40% в руках всей советской рыбопромышленности. Но эти цифры не дают еще вполне наглядного представления о реальном соотношении этих двух секторов. Важна конечная стоимость выпущенной продукции. Общая стоимость изготовленных в наших дальневосточных водах (без японской контрабанды, о которой ниже) рыбопродуктов оценивалась в 43,4 млн. руб.; из них 13,7 млн. руб. или 31,5% приходились на долю советской рыбопромышленности и 29,7 млн руб. или 68,5% на долю японцев. Если сравнить эти процентные соотношения с приведенными выше, то видно, что единица советской продукции оценивается дешевле, чем единица продукции японской.

Поскольку в довоенные годы наблюдалось обратное соотношение, постольку этот факт заслуживает более внимательного анализа. Ниже следующая таблица, в которой отдельно для японской и советской рыбопромышленности даны процентные соотношения отдельных видов обработки к общему итогу продукции как по весу, так и по стоимости, даст объяснение отмеченному явлению:

Способы обработки	По весу		По стоимости	
	сов.	японск.	сов.	японск.
Улучшенные:				
Мороженая и свежая рыба	28,0	1,3	12,9	1,4
Консервы	1,1	22,4	5,3	61,3
Русская икра	2,3	0,6	17,1	2,6
Русский засол	26,9	1,2	32,1	1,1
Арамаки (улучшенный японск. способ обработки)	5,4	17,7	5,9	12,1
Примитивные:				
Японская россыпь	26,9	52,3	17,6	18,6
» икра	0,1	2,1	0,2	2,0
Прочие	9,3	1,9	8,9	0,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

На первый взгляд может показаться, что советская рыбопромышленность по способам обработки стоит выше японской, поскольку

она дает целых 28% одной свежей и обработанной рыбы. Но на самом деле, это, в подавляющем своем большинстве, сельдь Владивостокского района, уловы которой в последние годы сильно возросли и которая, в виду близости расстояния, в свежем виде перевозится в Японию, где перерабатывается на удобрительный тук. Ценность ее естественно невелика. Около 30% по весу и около 50% по стоимости составляют русский засол и русская икра; это пока самая ценная часть продукции советской рыбопромышленности, которая однако еще не достигла довоенных своих размеров. Но зато на долю примитивных способов обработки падает около 35% продукции, а консервное производство находится еще в зачаточном состоянии. Из изложенного видно, что, как в довоенные годы, так и теперь, наша рыбопромышленность находится в сильной зависимости от примитивного японского рынка.

Более 50% продукции японской рыбопромышленности падает на примитивную японскую россыпь. Но зато 22% продукции составляют дорого стоющие консервы. Именно за счет консервов единица продукции японской рыбопромышленности оценивается дороже, чем единица продукции рыбопромышленности советской.

Японская рыбоконсервная промышленность на Камчатке явление относительно новое. В 1910 г. здесь был только один завод, приготовлявший 10 тыс. ящиков консервов. В последующие годы, особенно после 1917 г., число их непрерывно растет. В 1926 г. японцами было уже изготовлено на Камчатке 896 тыс. ящиков рыбных консервов, на что пошло 74% всего выловленного в наших водах кижуча и 87% — красной рыбы, т. е. почти весь улов наших самых ценных пород лососевых. Таким образом, рыбоконсервная промышленность японцев в наших водах весьма значительна, но для сравнения нельзя не указать, что на Тихоокеанском побережьи Сев. Америки (гл. обр. в Аляске) изготовляется в настоящее время около 8 млн. ящиков лососевых консервов, т. е. в девять раз больше, чем японцами у нас на Камчатке.

На ряду с производством лососевых консервов, получила также широкое развитие японская крабоконсервная промышленность. В 1926 г. ею было на Камчатке изготовлено 60 тыс. ящиков крабовых консервов. Но гораздо больше по имеющимся сведениям производство крабовых консервов на японских плавучих крабовых заводах, хищничающих в наших водах. Ими по японским полуофициальным данным было в 1926 г. изготовлено 229 тыс. ящиков на 10 млн. рублей.

По сравнению с японским советское консервное производство в 1926 г. было еще ничтожным: было изготовлено 29 тыс. ящиков лососевых и 10 тыс. ящиков крабовых консервов. Первым серьезным шагом на пути развертывания советской консервной промышленности было лишь открытие в 1927 г. Дальгосрыбтрестом в Усть-Камчатске нового рыбоконсервного завода, оборудованного по последнему слову американской техники производительностью в 100 тыс. ящиков.

Предохранение рыбных богатств края от истощения.

В заключение остановимся на нескольких вопросах, имеющих огромное значение для дальнейших судеб нашей дальневосточной рыбопромышленности и, прежде всего, на проблеме Амура.

Начало истощения рыбных богатств Амура наблюдалось, как отмечено выше, уже и в довоенные годы. В связи с этим уже тогда проявлялось, с каждым годом сильнее, неприязненное отношение ловецкого населения, проживающего выше Николаевска-на-Амуре до Хабаровска, и мелких предпринимателей, работавших здесь, к возникшей в устье Амура и его лимане крупной капиталистической промышленности, пользовавшейся для улавливания рыбы так называемым «русско-японским заездком», представляющим собою сооружение, преграждающее течение реки в части ее, где проходит основная масса рыбы. Озлобленные тем, что появились новые, более сильные конкуренты, которые не дают им возможности полностью использовать складывавшуюся на рынках выгодную конъюнктуру, эти рыбопромышленники верховий доказывали, что истощение рыбных богатств Амура происходит исключительно вследствие пользования предприятиями низовий «заездком», якобы совершенно преграждающим проход рыбы на нерестилища. Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что это могучее орудие улова использовалось нередко ненадлежащим образом: рыба ловилась иногда в таком количестве, какое невозможно было обработать, вследствие чего приходилось значительные количества испорченной рыбы выбрасывать в фарватер. Но, с другой стороны, в истощении рыбных богатств повинно и население верховий, которое вылавливало рыбу на нерестилищах, т. е. как раз тогда, когда бережное отношение к ней наиболее необходимо; если низовые рыбопромышленники иногда выбрасывали выловленную ими в чрезмерном количестве рыбу, то эксплуатация в верховьях носила еще более хищнический характер: здесь рыба систематически вылавливалась ради одной икры, которая только и использовалась. Во всяком случае, не вдаваясь в поиски главнейшего виновника, можно сейчас констатировать определенный факт: совершенно пал промысел летней кеты, сошла на-нет добыча горбуши по нечетным годам и более чем вдвое, в среднем, уменьшился лов осенней кеты.

В виду этого в настоящее время принимаются решительные меры к прекращению дальнейшего истощения рыбных запасов и даже к их восстановлению. В первую очередь было обращено внимание на рыбы осетровых пород, уже почти истребленные. Постановлением Дальревкома от 6 февраля 1923 г. запрещен лов рыбы этой породы во всем бассейне р. Амура на семилетний срок, с 1 января 1923 г. по 1 января 1930 г.[1] Этим же постановлением воспрещен бессрочно лов рыбы всяких пород в ряде рек Амурского бассейна, в которые рыба заходит для икрометания.

[1] Это постановление вызвало недовольство со стороны населения Приамурья, указывавшего, что постановление для пограничных китайцев (на правом берегу Амура необязательно; лов ими продолжается, таким образом, постано-

В 1924 г. нормировался не только весь промысловый лов, но частично и лов местного населения; в 1925 г. нормировался уже весь лов по всем промыслам в отношении всех лососевых. Нормировка выражается в том, что для каждого промысла устанавливается максимальное количество, которое он имеет право выловить. Но, конечно, радикальной мерой является лишь объявленный в 1925 г. полный запрет лова летней кеты на пять лет и лова горбуши по нечетным годам на восемь лет.

Хороших результатов можно также ожидать от искусственного рыборазведения. Для этой цели взимается с 1924 г. пятипроцентный сбор с арендной платы за рыболовные угодья. В настоящее время уже организовано несколько рыбоводных пунктов.

Проблема переработки и сбыта.

Не менее важным, чем вопрос о сохранении рыбных богатств от истощения, является вопрос о рынках сбыта для нашей рыбопромышленности.

Несомненно, что по мере восстановления народного хозяйства и увеличения путем колонизации количества населения края, явится вновь возможность, как в последние дореволюционные годы, большую часть продукции Амурского и Юго-Западного районов направлять на внутренние рынки. Продукция же Охотско-Камчатского района едва ли может в предвидимом будущем рассчитывать на широкую связь с ними; экспорт имеет и будет иметь здесь громадное значение; но в возможности выгодно реализовать свою продукцию на внешних рынках будут, по крайней мере в ближайшие годы, заинтересованы и указанные выше два района.

Весьма большое значение для нашей рыбопромышленности имеет вопрос о соли, которую она в настоящее время потребляет в количестве около 20 тыс. *т* в год и которая является одним из основных элементов себестоимости продукции ее. Дальневосточный край своей соли не имеет и не может, по климатическим условиям, выпарпвать ее, как Япония, из морской воды. В виду этого еще царское правительство вынуждено было, во избежание создания более тяжелых условий для русских промышленников, по сравнению с японскими, допустить беспошлинный и безакцизный ввоз иностранной соли на русские промыслa. В довоенные годы здесь, поэтому, господствовала иностранная соль (преимущественно германская); русская (крымская) соль ввозилась в ничтожном количестве лишь для приготовления икры. После начала мировой войны соль привозилась преимущественно из Порт-Саида. В 1923 г. началась доставка крымской соли, которой, начиная с 1924 г., исключительно и снабжается вся русская рыбопромышленность. Несмотря на принимаемые Солесиндикатом меры к снижению продажных цен, к возможному сокращению накладных расходов, крымская соль все же оказывается значительно дороже иностранной, от чего терпит убытки рыбопро-

вление цели не достигает, и терпит убытки русское население левого берега Амура. Но эти возражения едва ли особенно серьезны, так как подавляющая часть рыбы осетровых пород вылавливается между Хабаровском и Николаевском-на-Амуре, т. е. там, где оба берега Амура находятся в нашем владении.

мышленность. Несомненно, что в результате расширения работы и накопления опыта удастся довести цены до приемлемого уровня, но радикальное разрешение соляного вопроса в области будет возможно лишь после открытия выхода на рынок для соли с богатейших Вилюйских (Кэмпендейских) месторождений (р. Вилюй — приток р. Лены в Якутской АССР).

Кроме соли, рыбопромышленность нуждается в дешевых предметах промыслового инвентаря. До 1924 г. предметы эти ввозились беспошлинно, а с 1925 г. они могут ввозиться лишь в лицензионном порядке. Впрочем, в этом отношении постановлением Дальревкома от 29 мая 1925 г. предоставлен рыбным промыслам на Камчатке целый ряд льгот: предприятия эти освобождены от уплаты лицензионного сбора, фрахтовому бюро во Владивостоке предложено особо внимательно относиться к обеспечению тоннажем русской рыбопромышленности, сильно облегчены таможенные обрядности и т. д.

Для успешной конкуренции необходимо также улучшение оборудования наших рыбопромысловых предприятий, которые в этом отношении сильно отстали от японских.

Для крайне желательного освобождения от полной зависимости от японского рынка необходимо нащупывание рынков сбыта в соседних странах, в частности, в Китае: здесь необходимо приспособиться к потребностям этой страны, завязать необходимые торговые связи и т. д. Ведущаяся в настоящее время в этом направлении работа должна дать хорошие результаты. Но рынок этот, требующий, как и Япония, рыбу, засоленную примитивным сухим способом, не столь интересен, как европейские и американские рынки, куда можно было бы сбывать более выгодные в коммерческом отношении консервы; но для этого нужно, конечно, в первую очередь построить консервные заводы, насчитываемые в наших руках лишь единицами.

Ближайшие задачи организации рыболовства.

По рыночным условиям дальневосточная рыбопромышленность получила, как мы видели, крайне односторонее развитие: из всех встречающихся в наших тихоокеанских водах рыб серьезно эксплуатируются лишь наиболее ценные, лососевые. За истощением запасов их в Амурском районе, несомненно, в недалеком будущем последует и истощение запасов на Камчатке. Поэтому уже теперь должно быть обращено серьезное внимание на развитие эксплуатации прочих видов, что, конечно, требует в первую очередь создания рынка для них. Вторым условием является создание кадра русских ловцов, знающих не только речной, как теперь, но и морской рыбный промысел.

В первую очередь необходимо обратить внимание на сельдь, встречающуюся в больших количествах на всей береговой линии области, но имеющую в настоящее время промышленное значение лишь в районе Японского моря (главным образом в заливе Петра Великого). Вылавливается она теперь исключительно в периоды, когда заходит в залив для икрометания, т. е. тогда, когда качества ее наиболее низки. Лишь переход к морскому рыболовству улуч-

шит качество сельдяных товаров и позволит им завоевывать новые рынки.

Широко могут также развиться промысла морской капусты и трепангов (голотурий), имеющих обеспеченный сбыт в Китае и Корее. Вопросом более отдаленного будущего является широкое развитие промыслов трески, камбалы, скумбрии и тунца, запасы которых превосходят запасы эксплуатируемых в настоящее время лососевых.

Во всяком случае, хищническому истреблению лососевых должен быть положен предел. Употребление этой ценной породы для примитивного японского засола не может не быть признано варварством. Уже в ближайшее время необходимо будет запретить использование лососевых пород иначе как для консервного производства.

Несмотря на усиление государственной и кооперативной рыбопромышленности, все же японцы в предвидимом будущем будут играть значительную роль в нашей дальневосточной рыбопромышленности, особенно на Камчатке. Японский рынок останется все же нашим важнейшим иностранным рынком, а вытеснение японских рыбопромышленников будет возможно лишь в результате постепенной, многолетней и упорной работы над развитием нашей госрыбопромышленности, тем более, что они получили определенные права на эксплуатацию наших рыболовных угодий.

Но при дальнейшем уточнении взаимоотношений с японскими рыбопромышленниками все же нельзя будет не иметь в виду, что характер японского рыболовства в наших тихоокеанских водах со времени заключения рыболовной конвенции 1907 г. сильно изменился: тогда японский промысел носил потребительский характер и имел исключительную цель удовлетворять потребность японского населения в белковой пище, которой ему не хватало. В настоящее время японский промысел является капиталистическим предприятием, эксплуатирующим в свою пользу естественные богатства соседнего государства; не менее 50% продукции японской рыбопромышленности в наших водах идет не на внутренний японский, а на внешний рынок; в частности подавляющая часть продукции японской консервной промышленности идет на английский и американский рынки.

Уже одно это изменение характера японского рыболовства оправдывало бы в будущем изменение условий аренды; та относительно небольшая арендная плата, которая уплачивается ныне японскими рыбопромышленниками, извлекающими из эксплуатации наших рыбопромысловых угодий огромные прибыли, нас, конечно, мало удовлетворяет. Должны быть найдены какие-то другие формы компенсации, которые не только дали бы государству увеличенные доходы, но и обеспечили дальнейшее развитие нашей собственной рыбопромышленности.

ГЛАВА VII.

ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Добыча серебра. В отличие от многих других отраслей народного хозяйства (лесопромышленность, рыбопромышленность), горная промышленность в крае, в частности в Забайкалье, имеет свою долгую историю.

Месторождения серебро-свинцовых руд были открыты в Забайкалье в первые же годы после его присоединения к России. Уже в 1704 г. начал действовать первый в крае Нерчинский сереброплавильный завод. Однако, в первые 40 лет своего существования он давал в среднем всего около 100 *кг* серебра в год. Лишь когда были открыты новые богатые месторождения, сереброплавильное производство стало быстро развиваться, и вторая половина XVIII века является периодом его расцвета. В это время в юго-восточной части Забайкалья работал целый ряд рудников, поставлявших серебро-свинцовую руду на Нерчинский, Кутомарский и ряд других возникших тогда заводов. Почти все производство как на рудниках, так и на заводах велось хозяйственным способом Нерчинским горным округом кабинета императора, в распоряжении которого вплоть до революции 1917 г. находились все недра губернии и все земли северо-западной ее части. Добытое серебро поступало в распоряжение казны, побочный же продукт, свинец, шел на горные заводы Алтайского округа, которые, вследствие специфических свойств разрабатывавшихся там руд, нуждались для заводского процесса в привозном свинце.

Резко увеличиваясь с 1745 г., добыча уже в 1774 г. достигает своего максимума: в этом году было добыто серебра более 10 тыс. *кг*. Но после этого начинается медленное, но неуклонное умирание сереброплавильного производства. Богатые и легко доступные месторождения были скоро истощены, и поэтому в первой половине XIX века продукция не превышала 5 тыс. *кг*. Но окончательный упадок наступает уже в первые же годы второй половины XIX века. Дело в том, что все забайкальское серебро-свинцовое производство строилось с самого начала на чисто крепостнических началах. Кабинет императора избегал каких бы то ни было капитальных затрат и все свои расчеты строил на бесплатном труде приписанных к заводам крестьян.

Но и после отмены крепостного права производство все же заброшено не было. Система эксплуатации принудительно привлеченного труда была сохранена, и приписных крестьян после реформы заменили каторжане. Вместо рабочих поселков на рудниках строятся каторжные тюрьмы. Производство концентрируется на нескольких наиболее богатых рудниках и на одном заводе, Кутомарском. В связи с истощением доступных без капитальных затрат верхних горизонтов рудников, продукция с 50-х годов держится на чрезвычайно низком уровне: в лучшие годы не добывается больше 80 *кг*. Про-

изводство уже с 1881 г. считается убыточным и сохраняется только по настоянию тюремного ведомства. Лишь в 1907 г. ликвидируются здесь каторжные тюрьмы, с которыми у нас связывается столько мрачных воспоминаний из этой эпохи темной реакции. С закрытием их совершенно замирает и жизнь серебро-свинцовых рудников Забайкалья, которые с тех пор и не эксплуатируются.

Весьма вероятно, что это производство когда-нибудь вновь удастся возродить здесь, если привлеченный капитал будет рационально использован для восстановления старых рудников, которые использованы лишь в верхних горизонтах, для новых разведок, от которых можно ждать хороших результатов, и для постройки оборудованных по последнему слову техники сереброплавильных предприятий. Однако, в настоящий момент, когда едва только начинает развертываться эксплуатация гораздо более богатых серебро-свинцовых руд в других частях СССР, думать об этом преждевременно.

Единственным на Дальнем Востоке, имеющим уже в настоящее время серьезное промышленное значение, месторождением серебро-свинцовых руд является месторождение «Тетюхэ» в Приморьи. Расположено оно на восточном склоне хребта Сихота-Алинь в верховьях речки «Тетюхэ», впадающей в бухту Японского моря того же наименования и расположенной в 500 *км*, к северу от Владивостока. Эксплуатировалось оно лишь с 1907 г., когда для этого открывшим его еще в 1897 г. предпринимателем Бринером было учреждено специальное общество, работавшее на немецкие капиталы. По запасам и богатству руд месторождение это не на много уступает известному Риддерскому предприятию в Казакстане. Общество своих металлосплавных предприятий не имело, и экспортировало лишь руду в сыром и обработанном виде на заграничные рынки (главным образом в Англию). Работа здесь была приостановлена в 1918 г., и до 1925 г. предприятие находилось в консервации. В 1925 г. Советское правительство предоставило это предприятие в концессию его бывшему владельцу, за которым теперь стоят английские капиталисты.

С момента возникновения и до 1 сентября 1930 г. окончательным продуктом концессии является выпуск цинковых и свинцовых концентратов, т. е. производство полуфабрикатов, которые в дальнейшем поступают в плавку. По договору концессия обязана производить не менее 20 тыс. *т* цинковых концентратов и 10 тыс. *т* свинцовых. Однако уже в настоящее время эти нормы значительно превышены, и в ближайшее время концессия предполагает увеличить добычу концентратов до 44 тыс. *т* (в том числе 32 тыс. *т* цинковых и 12 тыс. *т* свинцовых). Эти концентраты пока в виду отсутствия плавильного завода в значительной части вывозятся за границу, за исключением той части, которая передается правительству СССР в форме долевого отчисления и осуществления права преимущественной покупки.

О-во «Тетюхэ» в 1926/27 г. экспортировало свыше 54 тыс. *т* руды и принимало меры к дальнейшему развитию предприятия, значительно превосходящему договорные обязательства общества.

В ближайшее время концессия приступает к постройке свинцово-плавильного завода, который, согласно условий концессионного договора, должен быть пущен в ход не позже 1 сент. 1930 г. Годовую производительность завода предположено довести до 10 тыс. *т* выплавленного свинца и до 25—30 *т* серебра.

Золотопромышленность.

В 30-х годах прошлого столетия в Забайкалье были открыты первые месторождения золота. Сразу после присоединения Амурской и Приморской областей были произведены геологические изыскания, подтвердившие предположения о наличии золота в недрах их северных таежных частей. С тех пор почти беспрерывно открывались новые, нередко весьма богатые, месторождения, и область периодически переживала эпохи золотой горячки.

За исключением отчасти Забайкалья, где кабинет императора в широких размерах производил добычу золота хозяйственным образом, золотопромышленность в крае находилась все время в частных руках, эксплуатировавших открывавшиеся в северных частях Забайкалья, Приамурья и Приморья месторождения. Лишь в Забайкалье имела некоторое значение добыча рудного золота, в Приамурье же и Приморье добывалось почти исключительно золото россыпное.

Особенное оживление золотопромышленности в крае наблюдалось в семидесятых, восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия, когда одно за другим открывались новые богатые месторождения в Приамурье и Приморье.

К этому же времени относится расцвет предпринимательской золотопромышленности. Образуется ряд крупных компаний, которые, затрачивая минимальные средства на оборудование, привлекая громадные массы оплачивавшихся сдельно или поденно наемных рабочих и хищнически перерывая девственные массы земли, извлекали громадные прибыли. Уже и в те времена существовали, конечно, мелкие «золотничники»-старатели, но львиная доля добычи попадала в руки указанных компаний. Так, в Амурской области из общей добычи за 1870—1900 гг. на долю семи наиболее крупных компаний падает 87%.[1]

Но существование работавших на таких началах крупных предприятий было возможно лишь до тех пор, пока находились прииски, дававшие до 16 *г* золота в одной тонне песка. Но чем реже встречались такие богатые прииски, тем при стационарной технике разработка хозяйственным способом становилась все менее доходной и все более рискованной. Для улучшения же техники почти не было объективных оснований: попытки проникновения крупного иностранного капитала в золотопромышленность, так же как и в прочие отрасли хозяйства края, встречали отпор со стороны правительства; при недостатке капиталов в стране солидный русский капитал находил себе применение в других, более близких к центру, районах, а на Дальний Восток шел лишь хищнический русский капитал,

[1] «Материалы по районированию Дальневосточной области», вып. II.

которого только и привлекала возможность получения громадных барышей при ничтожной затрате средств на поверхностную и экстенсивную разработку.

По этим причинам, начиная с конца девяностых годов, хозяйский способ разработки все более вытесняется золотничным, каковым уже в 1911—1913 гг. было получено около 75% всего добытого в области золота. Крупные компании исчезают и на их место становится быстро растущая «амбаропромышленность». Вместо того чтобы пускать в производство значительные средства на наем рабочих и хотя бы примитивное оборудование предприятия, не имея при этом уверенности, что произведенные затраты будут покрыты соответствующей добычей, предприниматели предпочитают использовать закрепленные за ними прииски для извлечения исключительно торговых прибылей. Отдельные участки сдаются ими под разработку мелким золотничникам, которые обязываются за это вносить им определенное количество золота, «положение», вне зависимости от фактической добычи, и все необходимые им товары забирать из складов, «резиденций», устраивавшихся промышленниками в тайге. Таким образом золотопромышленник был гарантирован от случайностей, неизбежных при самостоятельной разработке, и получал, не говоря уже о «положении», двусторонний доход: в виде высокой прибыли на продаваемый монопольный товар и на сдаваемое в обмен на него золото, принимавшееся по более низкой против его действительной стоимости цене. Вследствие тяжелых условий, назначавшихся амбаропромышленниками, а главным образом, из-за ничтожного дохода, который давали примитивные золотничные работы на все более истощавшихся приисках, русские рабочие не выдерживали конкуренции с желтыми и все более вытеснялись ими: еще в 1902 г. русские составляли 95% общего числа занятых на приисках лиц, в 1906 — 32%, в 1913 г. — 10%, а в 1916—1917 гг. лишь около 7%. Всю остальную массу рабочих составляли китайцы (около 75 — 80% всех рабочих) и корейцы.

Техника разработки приисков при таком положении дел естественно оставалась крайне примитивной: еще в 1900 г. все золото добывалось исключительно одним мускульным трудом. Первая дражная установка появилась лишь в 1910 г., а в 1914 г. лишь 3 — 4% золота было добыто машинным способом.

В середине прошлого века центром золотопромышленности в крае было Забайкалье, но почти с первых же лет, как стали разрабатываться прииски в Приамурье, Забайкалье принуждено было впервое по добыче место уступить ему. В Приамурье вплоть до революции добывалось в среднем в два раза больше золота, чем в Забайкалии. В Приморье же добывалось даже значительно меньше, чем в последнем.

Точный учет общего количества добытого золота никогда не был возможен, так как значительная часть его уплывала за границу. Официально (по данным золотоплавочных лабораторий) регистрировалось не более 60% добычи, а иногда и значительно меньше, осо-

бенно в годы, когда официальная приемная цена не соответствовала ценам мирового рынка и когда, в связи с вздорожанием товаров, падала покупательная способность золота внутри страны. Несмотря на истощение богатых месторождений, общая добыча, вследствие значительного увеличения числа занятых в золотопромышленности рабочих, в десятилетие до войны значительно превышала среднюю добычу в последние десятилетия XIX века. В последние перед войной годы официально регистрировалось, в среднем, около 20 тыс. *кг* добытого золота; поэтому фактическая добыча исчислялась в 30 тыс. *кг* ежегодно, что составляло около 15% добычи золота во всей стране.[1]

Годы интервенции и гражданской войны отразились на золотопромышленности более, чем на всех других промыслах Дальневосточного края. «С началом революции все приисковые работы были захвачены приисковыми рабочими. Золотничники захватили в свои руки лучшие предприятия, обеспеченные запасами товаров, и жили беспечно до того момента, пока не иссякли запасы продуктов, захваченных в складах. Общегосударственные интересы были им чужды, налогов они никому не платили, золото («положение») никому не сдавали».[2]

Но и в настоящее время золотопромышленность Дальневосточного края находится в чрезвычайно тяжелом состоянии. Валовая продукция золота за последние годы даже не увеличивается, а сокращается и для 1926/27 г. оценивается «контрольными цифрами народного хозяйства Дальневосточного края на 1927/28 г.» в 5645,7 *кг*. Таким, образом современная добыча золота в Дальневосточном крае в шесть раз меньше, чем до войны, по меньшей мере на 20% меньше, чем на Алдане в 1925/26 г. и на 40% меньше, чем на английской концессии «Лена-Гольдфильдс» в 1926/27 г. Причины этого явления многообразны, но важнейшие из них сводятся к отсутствию серьезных разведок на золото в течение истекшего десятилетия, отливу золотоискателей отчасти на Алдан, отчасти в Маньчжурию, где были открыты месторождения золота и, наконец, к значительному повышению из-за современных высоких цен на товары, издержек производства: в то время как в дореволюционные годы для безубыточной, при господствовавшей примитивной технике, эксплуатации прииска требовалось содержание в одной тонне песку не менее 0,8 *г* золота,[3] в настоящее время разработка может считаться экономически рациональной лишь при содержании не менее 1,4 *г*.

Выше уже отмечено, что валовая продукция золота в 1926/27 г. «оценивается» (а не равняется) в 5645,7 *кг*. Объясняется это,

---

[1] В мировой добыче золота в 1913 г. России принадлежит лишь 5%; Австралия добывала в два, Сев. Америка — в четыре, а Трансвааль — в семь раз больше ее.

[2] Л. Неизвестный. «Состояние народного хозяйства Дальнего Востока прежде и теперь» («Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1922, № 2).

[3] В Австралии разрабатываются даже прииски, содержание лишь 0,09 *г* золота в одной тонне песку.

конечно, в первую очередь тем, что теперь, как и в довоенные годы, значительная часть (не менее 40%) золота уплывает контрабандными путями за границу; сейчас к тому же условия для такой контрабандной утечки из-за изменения курсов на валютном рынке еще более благоприятны: если современная приемная цена Н. К. Ф. составляет 1 руб. 29 коп. за грамм чистого золота, то черная биржа в Благовещенске платит за него 1 руб. 60 коп., а Сахалян (китайский город напротив Благовещенска) — почти 2 рубля.[1]

Кроме того, далеко не все золото, оставшееся внутри страны, попадает в дальневосточные золотосплавочные лаборатории: часть его тезаврируется, а часть сдается в золотосплавочные лаборатории других частей страны; с другой стороны, в золотосплавочные лаборатории Дальневосточного края в известных количествах сдается золото, добытое на Алдане.

Подавляющая часть золота добывается, как и раньше, мускульным трудом мелких старателей-золотничников, в значительной своей части, как уже отмечалось в главе II, — китайцев. На долю старателей-золотничников падает вероятно не менее 90% фактической добычи. Часть их организована в артели и работает на приисках, предоставленных в их распоряжение непосредственно горным управлением; однако, эта форма эксплуатации наименее выгодна для государства, так как вызывает необходимость существования громоздкого контрольного аппарата; поэтому, как только представляется возможность, прииск сдается арендатору, который уже сам имеет дело с отдельными старателями. Вследствие этого приходится даже временно мириться с существованием частной амбаропромышленности, которая, конечно, не вяжется с существующим у нас экономическим строем и вообще не может считаться прогрессивной формой золотопромышленности.

Роль «амбаропромышленника» играет и государственный трест «Дальзолото». Хозяйственная разработка в его операциях играет ничтожную роль по сравнению со скупкой у старателей.

То небольшое количество золота, которое добывается механизированным путем, распределяется между несколькими частно-арендаторскими предприятиями, двумя установленными в 1925/26 г. драгами «Дальзолота» (предприятие Колчанское в низовьях Амура и Харгинское в верховьях Селемджи) и небольшой концессией американского гражданина Винта на притоке р. Селемджи, реке Семертак.

Помимо указанного концессионера имеются в настоящее время еще три других, ограничивающихся, однако, пока одними разведками; наиболее серьезно они поставлены у японской «Аянской корпорации», производящей разведки в Охотском районе.

Таким образом, современное состояние золотопромышленности Дальневосточного края едва ли может быть признано удовлетвори-

---

[1] «Практика таможенного дела» под ред. А. И. Винокура. Изд. И. К. Т. 1927.

тельным. Но, несомненно, не может в ближайшем же будущем не наметиться выход из этого положения.

Не могут лежать втуне громадные богатства, которые могли бы найти себе более соответствующее потребностям народного хозяйства применение. Запасы золота в недрах одного Приамурья, из всех частей края, разведанного наиболее тщательно, определяются в 3,9 тыс. *т*; запасы же всего края исчисляются геологом Э. Э. Анерт в 6,1 тыс. *т*, что составляет 60% запасов, таящихся в недрах всего СССР, и представляет собою ценность в 75 млрд. руб.

Изложенное выше уже намечает пути возрождения золотопромышленности нашего Дальнего Востока: усиление разведок, дальнейшее улучшение снабжения наших золотопромышленных районов и целый ряд льгот, уже предоставленных нашей золотопромышленности (освобождение от ряда налогов, уменьшение на 50 — 75% поденной платы на лесные материалы, отпускаемые для нужд предприятий, ограничение долевого отчисления тремя процентами, а для государственных и некоторых частных предприятий даже полное его сложение, тогда как еще недавно оно составляло с хозяйского золота 8%, а со старательского даже 12%: наконец, сокращение взносов в страхкассу) несомненно помогут ей увеличить свою продукцию. Параллельно этому будет производиться коренная реконструкция ее.

Время кустарной старательской разработки проходит: она становится не только все более невыгодной с частно-хозяйственной, но и является с самого начала невыгодной с народно-хозяйственной точки зрения: примитивными способами разработки извлекается лишь часть золота, содержащегося в песках. Поэтому основной задачей, стоящей сейчас перед золотопромышленностью Дальневосточного края, является улучшение техники разработки, обеспечивающее рациональное, с народно-хозяйственной точки зрения, использование природных богатств. Задача эта, конечно, может быть решена лишь при вложении серьезных капиталов. Лишь при применении для добычи россыпного золота современных электрических драг, а для добычи рудного золота сложных химических оборудований, может быть не только значительно увеличена общая добыча, но и, что самое главное, разработаны прииски, эксплуатация коих примитивными способами нерентабельна. Но для возникновения таких предприятий необходимо в первую очередь построить мало-мальски пригодные для движения дороги, по которым могло бы подвозиться необходимое оборудование.

Помимо общегосударственного, золотопромышленность может иметь серьезное значение для самой области, так как развитие ее неразрывно связано с колонизацией тайговых районов.

Каменноугольная промышленность. Месторождения угля встречаются во многих местах Дальневосточного края. Забайкальский, так же как и Амурский уголь, — бурый, теплотворная способность его не превышает 4 900 калорий, он слаб и не выдерживает долгого хранения. В Приморьи встречается как бурый, так и ка-

менный уголь высокого качества. Хотя не все запасы разведаны, все же ясно, что углепромышленность материковой части края может иметь лишь узко-местное значение. Запасы угля здесь, и притом, главным образом, бурого, исчисляются в 523 млн. *т*, тогда как запасы одного Кузнецкого бассейна составляют 250 млрд. *т*.

С момента открытия Уссурийской ж. д. в южной части Приморья стали постепенно возникать частные предприятия, разрабатывавшие месторождения бурого и каменного углей и вывозившие свою продукцию во Владивосток. Несмотря на то, что владивостокские торговый и военный порты уже давно ощущали острую потребность в каменном угле, который приходилось ввозить из-за границы, к эксплуатации серьезнейшего в губернии каменноугольного месторождения, Сучанского, долгое время не приступали, так как не находилось частных лиц, которые согласились бы на производство довольно серьезных, необходимых для этого, затрат (постройка железнодорожной ветки Кангауз—Угольная и узкоколейной железной дороги с подъемниками и бремсбергами). В конце концов, казна сама взялась за эксплуатацию их, и в 1907 г. эти копи начали правильно функционировать. Быстрый рост спроса со стороны Владивостока и Уссурийской ж. д. обеспечивал хороший сбыт, и производство копей Приморья, непрерывно расширяясь, достигло в 1917 г. максимальной цифры — 611 тыс. *т*, из коих 216 тыс. *т* бурого, добывавшегося на частных копях, и 395 тыс. *т* каменного; 75% последнего было добыто на казенных Сучанских копях. Но местная добыча не могла покрыть всего спроса и потому ежегодно ввозилось некоторое количество иностранного (главным образом, японского) угля в размере от 5—15% общей потребности.

С постройкой железных дорог в Забайкалье и там стали возникать предприятия для разработки месторождений бурого угля. В дореволюционное время все они находились в частных руках. В 1917 г. здесь было добыто 703 тыс. *т* бурого угля, шедшего почти исключительно для удовлетворения потребностей железной дороги и г. Читы.

В Приамурье каменноугольная промышленность возникла лишь после постройки Амурской ж. д. и находится до сих пор в зачаточном состоянии.

За годы интервенции угольная промышленность Приморья не выявляла тенденций к значительному сокращению производства. Продукция ее, конечно, не достигала размеров 1917 г., когда, в связи с усиленными транзитными перевозками через Владивосток, наблюдался усиленный спрос на уголь, но все же в самые тяжелые — 1919, 1920 и 1921 — годы она не падала ниже 460 тыс. *т*, что равняется продукции 1914 и 1915 гг. Переброска крупных иностранных армий и прилив беженцев обеспечивали значительный спрос. Но в связи с резким сокращением морских перевозок через Владивосток изменились отношения между спросом на каменный и бурый уголь, не в пользу первого: добыча его резко понизилась, тогда как добыча бурого повысилась.

Значительно хуже обстояло дело в Забайкалье—здесь железнодорожный транспорт почти совершенно замер, почему в два раза сократилась добыча угля.

В расчете на быстрое восстановление хозяйства края после советизации, угольные предприятия области, особенно Приморья, в 1923 г. сильно расширили свое производство. Однако, они все-таки переоценили возможную емкость рынка, и в результате, с осени 1923 г., стали ощущать острый кризис сбыта. Кризис этот с трудом выдерживало государственное Сучанское предприятие, развивая экспорт своей продукции; частные же, разрабатывавшие, главным образом, буро-угольные месторождения, лишенные поэтому возможности прибегнуть к тому же средству, принуждены были закрываться одно за другим. Кризис сбыта для частных предприятий усугублялся еще тем обстоятельством, что, в целях поддержания государственной каменноугольной промышленности, госпотребители обязывались приобретать уголь исключительно от госкопей. Кроме того, горный надзор предъявил тогда ряд технических требований к частным предприятиям, выполнить которые эти, в большинстве случаев мелкие, хищнические кустарные копи не всегда могли и желали. В результате, к 1925 г. в руках государства сосредоточивается вся сколько-нибудь крупная каменноугольная промышленность края. В руках частных предпринимателей остаются лишь несколько кустарного типа предприятий в Приморье, не имеющих сколько-нибудь серьезного значения.

В целях рационализации производства и сокращения себестоимости по выявлении реальной потребности, начиная с 1924 г., производится жесткая концентрация производства на лучше всего оборудованных и имеющих солидные запасы предприятиях.

В Забайкалье единственным работающим предприятием остались Черновские копи, расположенные в 20 *км* к западу от Читы и снабжающие в настоящее вр мя углем как город Читу, так и Читинскую ж. д. на участке ее Мозгон — Карымская — Маньчжурия. По качеству черновский бурый уголь не является лучшим в Забайкалье, но наличие значительных разведанных запасов и легкость разработки открытыми работами заставили обратить все внимание на него.

В Приамурье единственным эксплуатируемым угольным месторождением были и остаются Ливдинские копи, поставляющие бурый уголь весьма низкого качества на пролегающий здесь участок Уссурийской ж. д.

В Приморье добыча концентрирована на двух предприятиях: на Сучане добывается каменный уголь, а на расположенных в центре обширного месторождения бурого угля в районе к востоку от станции Угольной, Уссурийской ж. д. Артемовских (бывших Зыбунных) копях — бурый.

В целях расширения сбыта, государственная угольная промышленность принимала решительные меры к сокращению себестоимости и достигла в этом направлении хороших результатов. Так,

себестоимость одной тонны черновского угля равнялась еще в начале 1924 г. 3,90 руб., а в 1925/26 г. она составляла уже лишь 2,44 руб.; аналогичные цифры для Артемовских копей составляют 4,82 руб. и 4,27 руб., а для Сучанских — 11,72 руб. и 8.14 руб. В 1925 г., в обход соединявшей Сучан с Кангаузом узкоколейной железной дороги с подъемниками и бремсбергами, была построена ширококолейная ветка, проектировавшаяся еще с самого основания копей; благодаря ее постройке стало возможным дальнейшее развитие производства, чему ограниченная пропускная способность узкоколейки ставила раньше жесткий предел; благодаря ей же сучанский уголь может следовать на потребительские рынки без перегрузки в Кангаузе; все это даст возможность еще более понизить себестоимость его.

В результате проведенной рационализации и общего хозяйственного подъема края отмеченный выше кризис был быстро изжит, и в настоящее время в крае добывается угля больше, чем в дореволюционные годы. Так уже в 1925/26 г. в важнейшем материковом каменноугольном районе края, Приморском, добыча достигла максимальной дореволюционной.

В Забайкалье, в связи с изменением топливного баланса (усиление роли дров и конкуренция Черемковского угля) этот уровень, правда, еще далеко не достигнут.

Как уже отмечалось выше, Дальневосточный край не мог в довоенные годы покрыть всю свою потребность в угле углем собственного производства, и ввозили его ежегодно в некоторых количествах из-за границы. Этот ввоз продолжался и в годы интервенции. Но в 1923 г., в связи с кризисом сбыта, ввоз угля из-за границы был прекращен, и край сам стал вывозить уголь. Вывозится, главным образом, приморский каменный уголь в Северную Маньчжурию для снабжения Китайско-Восточной ж. д. и города Харбина; в последние годы вывозится около 35 — 40% рыночной продукции Сучанских копей. На иностранном рынке особенно резко сказывалась высокая себестоимость нашего угля, так как там приходится конкурировать с углем из прекрасно оборудованных копей, как Фушун (в Южной Маньчжурии) и Мацюхэ (новое крупное каменноугольное предприятие, возникшее в начале 1925 г. в Северной Маньчжурии, в районе восточной части Китайско-Восточной железной дороги). Но понижение себестоимости и льготные железнодорожные тарифы вполне позволяют выдерживать конкуренцию в Северной Маньчжурии и даже подумать о завоевании новых рынков (например, Шанхай). Однако, несомненно, что экспорт приморского угля за границу является мерой временной, пока, в связи с развитием работы железнодорожного и морского транспорта, не восстановится нормальный спрос на него со стороны внутреннего рынка, удовлетворение потребностей которого и должно быть основным народно-хозяйственным назначением небогатых каменноугольных месторождений материковой части Дальневосточного края.

Горные богатства Сахалина.

Совершенно другие перспективы открываются перед каменноугольными богатствами северной части Сахалина. Здесь разведанные запасы прекрасного каменного угля с теплотворной способностью в 8 000 калорий и по качеству своему далеко превосходящего угли японские и сучанские, исчисляются в 2 млрд. *т*; кроме него, имеется еще 2 млрд. *т* бурого угля. Следовательно, запасы угля на Сахалине в простых весовых единицах превышают запасы материковых месторождений в восемь раз, а в переводе на единицы условного топлива — во много раз больше. Главные угленосные площади расположены в юго-западной части северной половины острова, но встречаются и на восточном побережьи.

Каменноугольные богатства Сахалина известны уже давно, но царское правительство, вместо того чтобы превратить остров в крупную угольную базу западной части Тихого океана, предпочло устроить здесь каторгу. Не принималось никаких мер к развитию эксплуатации этих богатств. Отсутствие подъездных путей и удобного закрытого порта делало вывоз угля затруднительным. Силами каторжан разрабатывались одно время Дуйские копи (в 14 *км* к югу от Александровска), исключительно для удовлетворения местных потребностей. В последние дореволюционные годы на острове появилось несколько фирм (Стахеев, Кунст и Альберс и др.), которые принялись за эксплуатацию каменноугольных копей. Они вывозили не более 20 тыс. *т* ежегодно в Приморье, Китай и Японию. В годы интервенции вся местная каменноугольная промышленность перешла в руки японской фирмы Мицу-Биши, часть паев которой принадлежала Стахееву. Фирма эта сосредоточила производство на двух копях: Дуйской и на Рогатом посу (22 *км* к югу от Александровска, принадлежал раньше Стахееву). На обеих этих копях было добыто в 1921 г. 35 тыс. *т*, в 1922 г. — 34 тыс. *т*, в 1923 г. — 86 тыс. *т*, в 1924 г. — 75 тыс. *т*, а в 1925 г. (с 1 января — 1 мая, для эвакуации) — 18 тыс. *т*. Следовательно, за годы интервенции японцы сильно развили эксплуатацию каменноугольных богатств острова.

Другим, едва ли не более важным, чем каменный уголь, ископаемым горючим богатством Сахалина является нефть. Месторождения ее находятся на восточном берегу острова. Запасы исчисляются в 100 млн *т*, т. е. равняются запасам румынских и галицийских месторождений.

С 1878 г. здесь делались сотни заявок на нефть, но лишь с 1910 г. производилось Стахеевым и некоторыми немецкими фирмами пробное бурение. В гораздо более широком масштабе бурение производилось японскими фирмами за годы интервенции. Ими же была начата эксплуатация нефтяных месторождений, построен также небольшой нефтепровод к берегу. В виду того, что нефть добывалась для нужд японского морского министерства, японцы количество добычи держат в строжайшем секрете, так же как они скрывают и наличие открытых ими запасов нефти.

Еще в годы интервенции Советское правительство предоставило американской компании «Синклер» концессию на разработку сахалинской нефти. Однако, она не приступила в обусловленный срок к производству работ, и потому в 1925 г. концессия эта была Советским правительством признана аннулированной.

По Советско-Японскому договору от 20 января 1925 г. Советское правительство согласилось предоставить часть нефтяных и каменноугольных месторождений Сахалина в эксплуатацию японским обществам по рекомендации японского правительства. В течение 1925 г. японским правительством согласно договора было организовано три мощных компании (одна — нефтепромышленная и две — углепромышленные), с которыми Главконцессеком 14 декабря 1925 г. и подписал концессионные договоры сроком на 45 лет. Японские нефтяные концессионные участки общей площадью в 2,4 тыс. *га* располагаются в шахматном порядке, так-что между ними остаются участки, которые могут быть использованы по усмотрению правительства СССР: Япония не получила монопольного права эксплуатации нефтеносных земель Сахалина. Договором предусмотрено, что те участки, которые эксплуатировались японцами в годы интервенции, обязательно входят в число концессионных. Кроме того, японцам предоставлено право разведки нефтеносных земель на площади в 1,1 тыс. *га* в течение 10 лет: обнаруженные в результате этой разведки промышленные участки наполовину переходят к концессионеру.

По угольным концессиям японцам передано для эксплуатации около 15% достоверных запасов угля. Концессионеры уплачивают в пользу СССР натурой 3 — 15% добытой на Сахалине нефти и 3 — 8% угля; отчисление растет с ростом добычи. Условия труда на предприятиях регулируются общими законами СССР и коллективными договорами концессионеров с профсоюзами. Количество иностранных рабочих, которое может привлекаться концессионерами, ограничено 50% для квалифицированных рабочих и служащих и 25% для остальных.

Деятельность японских концессионеров за истекшие годы развивалась вполне успешно. Так добыча каменноугольных концессий на западном берегу составила в 1926 27 г. около 65 тыс. тонн. Продукция же нефтяной достигла 68,5 *т*, т. е. приближается к продукции Майкопского района. Добытая концессией на Сахалине нефть удовлетворила в этом году около 9% потребности Японии в нефти.

В течение ближайшего пятилетия предположено организовать и советскую добычу угля на восточном берегу Сахалина, что впрочем для рентабельности коммерческой эксплуатации требует постройки на острове угольной гавани и подъездных путей к ней.

В 1928 г. приступлено к организации советской нефтяной промышленности на Сахалине, что имеет большое значение хотя бы уже потому, что сданные в концессию японцам нефтеносные участки расположены, как уже указывалось, в шахматном порядке, что создает опасения подсасывания наших участков концессионерами и, как результат этого, их обесценения. Но и помимо этого момента, не-

обходимость срочного приступа к эксплуатации нефтяных месторождений Сахалина вызывается соображениями индустриализации всей дальневосточной окраины, для которой нефть является важным козырем: ведь нефтяной баланс Тихоокеанского побережья дефицитен со всеми вытекающими из этого последствиями для соответствующих стран и территорий. Помимо этого не малую роль играют и политические моменты: опыт рыболовной конвенции 1907 г. должен быть учтен во всей его полноте.

Металлургическая промышленность.

Месторождения железных руд имеются и в Забайкалии (Балягинское) и в Приамурьи (Столбовское) и в Приморьи (Ольгинское), но единичные имеющиеся металлургические предприятия никоим образом не могут обобщаться под именем металлургической промышленности, так как таковой фактически нет. Единственным, относительно крупным, металлургическим предприятием Дальневосточного края может считаться Петровский завод, работающий на руде Балягинского месторождения. Он был построен в 1789 г. на р. Баляге, впадающей в р. Хилок в Забайкалии. Вплоть до проведения Сибирской ж. д. он фактически являлся монополистом по снабжению Забайкалья, а впоследствии и Амурской и Приморской областей чугуном и железом и изделиями из них. Оборудование его оставалось все это время почти таким же примитивным, каким оно было в конце XVIII века. Само собой разумеется, что и себестоимость его продукции была невероятно высокой и находила себе сбыт лишь благодаря монопольному его положению. Насколько велика была тогда стоимость железа в крае, можно судить по тому обстоятельству, что местами принято было к зиме перековывать сошники на топоры, а к весне, наоборот, приводить их в первоначальный вид.[1] Вследствие растущего спроса росла продукция завода и доходила в некоторые годы конца XIX века до 3 тыс. *т* в год. Но с открытием Сибирской ж. д. появилась конкуренция уральских горных заводов, заставившая резко сократить производство. Производство стало явно убыточным, и кабинет императора, которому завод принадлежал, пытался избавиться от него, сдав его в 1908 г. в аренду частному предпринимателю, но последний вернул его, за невыгодностью, уже в 1910 г. Начиная с 1905 г., здесь была совершенно прекращена выделка железа, и все заводское действие ограничивалось выплавкой чугуна и производством чугунного литья и изделий. В последние довоенные годы жизнь завода совершенно замерла. В годы войны, когда уральские горные заводы были отвлечены военными заказами, и в годы интервенции, когда связь области с Уралом была прервана, в деятельности завода намечается заметное оживление. Нужно, впрочем, признать, что победоносное проникновение уральского железа на Дальний Восток вызывалось не только плохим оборудованием Петровского завода, но и, в значительной степени, теми льготными

[1] «Нерчинский округ ведомства кабинета его императорского величества». 1913 г. Хабаровск.

железнодорожными тарифами, которых сумели добиться уральские горнопромышленники. В настоящее время признано желательным сохранение Петровского завода, хотя бы для снабжения Дальневосточного края чугуном и изделиями из него. Поэтому Гипромезом составляется проект коренного переоборудования Петровского завода. Фактически на месте старого предположено построить новый с тремя цехами: доменным, мартеновским и прокатным. Проектируемый завод будет тесно связан с рудниками, лесами и каменноугольными копями. Годовая продукция завода предположена в размере 24 тыс. *т*, т. е будет в несколько раз превышать максимальную довоенную.

Основным препятствием к развитию в Дальневосточном крае крупной металлургической промышленности является плохое качество и отдаленное от рудных месторождений расположение местных месторождений угля; неэкономна или даже невозможна была бы также доставка угля из Кузбасса или Сахалина. На древесном топливе, на каковом работает Петровский завод, крупная металлургическая промышленность возникнуть не может; кроме того, вообще не приходится думать о серьезной конкуренции на внешних рынках с развивающейся металлургией Китая, работающей в гораздо более благоприятных условиях.

В наиболее благоприятном положении находятся месторождения Ольгинского района (в Приморье), близко расположенные от сучанского и сахалинского угля: здесь могло бы возникнуть металлургическое предприятие, которое при рациональной организации могло бы выдержать иностранную конкуренцию.

Прочие отрасли горной промышленности.

Помимо рассмотренных выше важнейших отраслей и районов горной промышленности, в крае существуют зачатки и имеются возможности для развития и других отраслей ее как в основных округах так и на Камчатке.

Особого внимания заслуживает в этом отношении Забайкалье. Помимо отмеченных выше золота, серебро-свинцовых руд, угля и железа, здесь встречаются месторождения и других ископаемых, тоже имеющих серьезное промышленное значение.

Забайкалье является единственным в СССР местом, где имеются месторождения вольфрамовых и висмутовых руд промышленного значения; расположены они в Читинском округе. В 1915 г. здесь было оборудовано несколько рудников, давших с 1915 до 1919 г. 139 тыс. *кг* вольфрамового концентрата.

В 1924/25 г. эксплуатация их была возобновлена, и в 1925/26 г. здесь было добыто 27,8 тыс. *кг* вольфрамового концентрата.

В Забайкалье же имеются единственные в СССР месторождения молибденового блеска, расположенные в районе р. Чикой, в пограничной южной его части. В 1916 и 1917 гг. здесь было добыто 4 тыс. *кг* этого металла.

В настоящее время эти рудники включены в состав образованного в 1925 г. союзного треста «Редкие элементы», который предполагает вновь начать их эксплуатацию.

Большой интерес представляют также месторождения олова в районе р. Онон (тоже в южной части губернии). В виду открытия здесь за последние годы новых месторождений этого металла, Госпромцветмет предполагает организовать серьезные промышленные разведки в этом районе.

Известные уже давно богатейшие месторождения цепных цветных камней (горный хрусталь, топаз, аквамарин, аметисты, турмалины, бериллы и т. д.), а также мрамор никогда серьезно не эксплуатировались за отсутствием достаточного спроса (потребность страны в цветных камнях покрывалась почти целиком Уралом).

Серьезного внимания заслуживают также горные богатства Камчатки, в частности Чукотского полуострова. Золото промышляется здесь давно, преимущественно американскими хищниками, особенно прочно обосновавшимися здесь в годы интервенции. Сколько здесь добывается золота и каковы его запасы, никогда в точности установить не удавалось. Во всяком случае, золотые россыпи имеют серьезное промышленное значение, раз ими так интересуются американцы. Кроме золота, имеются также месторождения платины, серебро-свинцовых руд, железа, угля, графита, мрамора и драгоценных камней. Кроме того, за последние годы в районе Кроноцкого заповедника найдена нефть. Насколько серьезное промышленное значение имеют все эти месторождения, покажут дальнейшие разведки, но несомненно, что всяческой поддержки заслуживает организованное в 1924 г. энтузиастом Чукотского края А. Льготчиковым «Чукотское Горно-Промышленное Трудовое Товарищество на вере», которое ставит себе целью разработку горных богатств Чукотского края.

Итак, горные богатства Дальневосточного края таят в себе широкие возможности для приложения труда. Большим минусом является, конечно, невозможность развить здесь в широком масштабе металлургию, зато уже одна золотопромышленность и ископаемые богатства Сахалина ставят Дальневосточный край потенциально в число важнейших горнопромышленных районов СССР. Но и для хозяйства самого края развитие горной промышленности будет иметь огромное значение, привлекая население в районы, которые не могла бы охватить земледельческая колонизация.

ГЛАВА VIII.

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Условия развития обрабатывающей промышленности края.

Обрабатывающая промышленность в Дальневосточном крае не получила широкого развития. Если не считать кустарных предприятий, перерабатывающих доставляемое им из ближайших окрестностей сырье для того же ограниченного, узкоместного рынка (главным образом мукомольные) и обслуживающих нужды местного же населения (производство одежды, шитье обуви и т. д.), то остается, в сущности, лишь десяток-другой предприятий, выделяющихся или несколько большими своими размерами или своей работой на более широкий, но все же внутрикраевой рынок.

Основной причиной слабого развития обрабатывающей промышленности края является не столько ограниченность подходящих сырьевых ресурсов, сколько относительно высокая по природным условиям их себестоимость, не дававшая возможности продукции выйти на внекраевой рынок; внутрикраевой же рынок был крайне ограничен. Кроме того, царское правительство, как уже отмечалось выше, все свое внимание уделяло земледельческой колонизации, и в интересах последней долгие годы допускало широкий ввоз изделий промышленности в край из-за границы; после же отмены портофранко не прекращался контрабандный ввоз. И по этой причине не могла развиться обрабатывающая промышленность, которая не могла бы выдерживать конкуренцию с иностранной, работающей в более благоприятных в смысле снабжения сырьем условиях и притом на значительно более широкий рынок, чем тот, на который могла бы рассчитывать местная обрабатывающая промышленность. Наконец, царское правительство, блюдя интересы промышленников европейской части страны и имея в своих руках такое могучее орудие, как железнодорожные тарифы, делало возникновение целого ряда отраслей просто невозможным.

Поэтому те единичные предприятия, которые существовали в крае, или имели своей целью обслуживать нужды местных казенных учреждений, или перерабатывать такие продукты, ввозить извне которые было невозможно, или же возникали потому, что правительство по тем или иным причинам существование их признавало желательным и создавало благоприятную для развития их обстановку.

В дореволюционные годы большинство предприятий находилось в частных руках. После советизации края, происшедшей уже после провозглашения новой экономической политики, общей национализации промышленности произведено не было. Но все более крупные предприятия, в конце концов, перешли в руки государства — одни потому, что владельцы их эмигрировали, другие за долги и т. д. В частных руках остались лишь более мелкие, в большинстве случаев полукустарные и кустарные предприятия. Как характерную особенность последних в Приморьи, можно отметить серьезную роль, которую играет здесь китайский труд и капитал: почти все частное

производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков и вся промышленность, объединяемая обычно в группу «одежда и туалет», находятся в руках китайских граждан.

После этих общих предварительных замечаний рассмотрим важнейшие существующие в крае производства.

Пищевкусовая промышленность.

Важнейшей в крае отраслью является мукомольно-крупяная промышленность. Ее годовая продукция равняется в настоящее время 30% продукции всей обрабатывающей промышленности Дальневосточного края. Если принять во внимание, что мукомольное производство удовлетворяет лишь спрос относительно небольшого местного рынка, то этот высокий процент еще более оттеняет ничтожное развитие местной обрабатывающей промышленности.

Уже в конце XIX века интендантские закупки вызвали к жизни несколько крупных мукомольных предприятий. По мере роста ввоза в край хлебных продуктов из Маньчжурии, а особенно после установления в 1901 г., в целях поощрения местной мукомольной промышленности, пошлин на ввозимую из-за границы муку, создаются весьма благоприятные условия для возникновения и развития мукомольных предприятий промышленного типа. Быстро создаются и растут два центра товарного мукомолья — Благовещенск и Владивосток. Первый — наиболее важный и старый, перехватывает зерно, сплавляемое по Сунгари из Маньчжурии и по р. Зее, у устья которой он расположен, из Зейского района товарного земледелия. Второй, более молодой, преимущественно строит свои расчеты на зерне, ввозимом по Китайско-Восточной ж. д. Крупные интендантские заказы, а главным образом, отмеченная уже только-что возможность перехватки больших хлебных грузовых потоков, обеспечивали существование этих крупных по местному масштабу предприятий. Мукомольная промышленность Владивостока работала на южное Приморье, Приморское побережье, а также частично и на Камчатку. Благовещенская же мука шла в Забайкалье, золотопромышленные районы Приамурья и Николаевский и Хабаровский округа. По мере роста хлебной продукции края благовещенская мукомольная промышленность все большие количества необходимого ей сырья черпала из местных ресурсов (так, еще в 1911 г. 50,9% перемалывавшегося ею зерна было маньчжурского происхождения, а в 1914 г. на долю его приходилось лишь 34,4%).[1]

В настоящее время все важнейшие мукомольные предприятия края сосредоточены в руках государства. В связи с сокращением хлебной продукции Амурского края и прекращением, в связи с закрытием китайскими властями речной границы, ввоза хлеба по р. Сунгари, в сильном упадке находится благовещенская мукомольная промышленность.

Быстрое восстановление сельского хозяйства дает возможность рассчитывать, что в ближайшем будущем удастся окончательно восстановить и благовещенскую мукомольную промышленность.

[1] «Труды Переселенческого Управления» Вып. V. 1917 г.

Винокуренной промышленности принадлежит далеко не последнее место в обрабатывающей промышленности края. Помимо обычных бытовых условий, вызывающих спрос на ее продукцию, широкому сбыту последней способствовал усиленный спрос на нее со стороны золотопромышленных районов. Центр винокурения — Амурский округ с его хлебными излишками. Уже в 1905 г. вырабатывалось здесь 10,8 млн градусов спирта. В последние довоенные годы здесь существовало несколько казенных и частных заводов, выкуривавших 18 млн градусов. С началом мировой войны на Дальний Восток было распространено общее для всей страны запрещение продажи спиртных напитков; но в годы интервенции широкий доступ на местные рынки получил маньчжурский спирт, и раньше ввозившийся в больших количествах контрабандным путем. В 1923 г. винокурение в крае было возобновлено; но контрабандный ввоз спирта, несомненно, достигает громадных размеров. По данным китайских властей, в китайский пограничный город Сахалян было в 1923—1924 гг. привезено 18 млн градусов спирта.[1] Само собою разумеется, что этот небольшой китайский город не мог потребить такое громадное количество его и, конечно, переплавил большую часть через границу.

Конкуренция с маньчжурским спиртом, вырабатываемым из производимого в гораздо более благоприятных условиях, а потому более дешевого сырья, и не облагаемым таким высоким акцизом, как наш, конечно, очень трудна. Но улучшаемая с каждым годом охрана нашей государственной границы, несомненно, скоро избавит винокуренную промышленность края от этого опасного конкурента. К тому же расширение производства и улучшение оборудования позволят понизить отпускные цены. Еще более понизится себестоимость, когда винокуренная промышленность от переработки зернового сырья перейдет к картофелю, который теперь почти не применяется. Увеличение спроса на картофель со стороны винокуренной промышленности позволит крестьянам увеличить посевы его, что явится большим шагом вперед в деле интенсификации сельского хозяйства края.

В главе III уже отмечалось то ненормальное положение, которое складывается с бобами, посевная площадь под которыми быстро растет. Бобы вывозятся за границу в необработанном виде, тогда как в край в больших количествах ввозятся из-за границы жиры (в 1926/27 г. было привезено бобового масла технического и съедобного сала на общую сумму в 2 млн. руб.). Объясняется это, конечно, тем, что местная, почти исключительно кустарная, маслобойная промышленность не может переработать все предлагаемое на рынке сырье. Между тем, имеются весьма благоприятные условия для этого

[1] «Материалы по районированию Дальнего Востока». Вып. II.

производства, так как, помимо местного сырья, промышленность эта могла бы располагать еще сырьем, доставляемым через пограничный пункт Турий Рог из Маньчжурии для экспорта через Владивосток. Поэтому Дальплан проектирует постройку большого экспортного маслобойного завода, рассчитанного на переработку до 160 тыс. *т* бобов, что дало бы 16 тыс. *т* масла; существующие же в настоящее время в Приморьи маслобойные заводы вырабатывают лишь около 1 тыс. *т* его.

Кожевенная промышленность. Кожевенная промышленность в крае носит по преимуществу кустарный характер. Лишь в Забайкалии имеются два относительно крупных кожевенных завода да один во Владивостоке. Последний (б. Зильгалв) является самым мощным кожевенным заводом всего края. Рассчитан он на переработку того кожсырья, которое получается после убоя ввозимого в край, главным образом, через Владивосток, скота, идущего на покрытие мясного дефицита. Развивающееся в крае скотоводство, несомненно, создает благоприятные условия для дальнейшего роста кожевенной промышленности.

Металлообрабатывающая промышленность. Отмеченные отрасли производства, основывающиеся на обработке сельскохозяйственного сырья, составляют основное ядро обрабатывающей промышленности края. На их долю приходится по ценности около 85% всей продукции последней.

Можно не останавливаться на Приморской спичечной фабрике, едва выдерживающей конкуренцию с Вятским спичечным трестом, и на табачном, мыловаренном, парфюмерном, полиграфическом, швейном, стекольном, строительном и т. п. производствах, имеющих ничтожное, узко-местное значение. Остановимся лишь в нескольких словах на местной металлообрабатывающей промышленности.

Возникновение и развитие ее вызывалось почти исключительно нуждами военного и путейского ведомств и местных транспортных предприятий. Так, потребности последних вызвали к жизни вагонные мастерские Уссурийской ж. д. и судоремонтные мастерские Доброфлота во Владивостоке, а также несколько заводов и мастерских в Благовещенске, обслуживающих нужды Амурского флота: 56,3% общего числа амурских пароходов, 35% пароходных машин и 54,2% барж амурского флота, эксплуатировавшегося в 1914 г., были построены в России и подавляющая часть их — в Благовещенске.

Ничтожное значение имел существовавший в Чите металлообрабатывающий завод, но зато самыми крупными на Дальнем Востоке были и являются в настоящее время Дальневосточный судостроительный и судоремонтный завод во Владивостоке и Арсенал в Хабаровске. Первый был основан в 1885 г. казной, главным образом, для обслуживания военного порта; с 1919 г. он производит капитальный ремонт паровозов, железнодорожных мостов и судов, но страдает от недостаточной нагрузки.

Хабаровский Арсенал был рассчитан на широкое производство

военного оборудования и имеет солидные и мощные силовые установки.[1]

В настоящее время обращено внимание на то, что по своему оборудованию он вполне подходит для мирного машиностроения. Он переименован в Дальневосточный завод сельскохозяйственного машиностроения и перешел на изготовление по заказам Дальгоссельсклада сельскохозяйственных машин, играющих такую большую роль в сельском хозяйстве края.

Электрификация. Электричество играет пока ничтожную роль в хозяйстве Дальневосточного края. Правда, все более крупные города имеют свои электрические станции, но вследствие сильной устарелости их оборудования и слабой нагрузки себестоимость энергии чрезвычайно высока. Большая часть вырабатываемой на Дальнем Востоке электрической энергии идет для непроизводительного потребления (освещение и т. д.). Так для технических целей было в 1925/26 г. употреблено: во Владивостоке — 68,7%, Хабаровске — 26,5%, Благовещенске — 16,9%, Никольск-Уссурийском — 10,4%, а в Чите даже лишь 7,1% общего количества полезно отпущенной энергии.[2]

Между тем, природные ресурсы вполне обеспечивают возможность возникновения крупной электрификации. На месторождениях бурого угля может быть построен целый ряд электростанций, запасы же белого угля могли бы давать до 6 млн. лошадиных сил. Но, конечно, большинство этих ресурсов сможет быть использовано лишь в отдаленном будущем, когда выявится широкий спрос на электрическую энергию как со стороны сельского хозяйства, так и промышленности.

В настоящее время разбросанность населенных пунктов и промышленных районов, не говоря уже о ничтожном значении, которое они представляют в качестве возможных потребителей электрической энергии, не создают благоприятных условий для возникновения крупных районных электрических станций. Вопрос осложняется еще тем, что большинство пунктов, где можно использовать энергию воды, находится в отдаленных от населенных мест районах, главным образом в тайговой части края. Поэтому дешевой гидроэлектрической энергией, по всей вероятности, в первую очередь воспользуются золотопромышленные предприятия, которые поставят свои небольшие установки. Для удовлетворения же потребностей населения и прочих отраслей промышленности в качестве первоочередных выдвигаются два проекта, предполагающие использовать буроугольные богатства края: проект Южно-Приморской районной станции, работающей на угле Артемовских месторождений, и проект Зее-Буреинской районной станции, работающей на угле Кивдинских копей. Последний проект, основывающий свои расчеты на электри-

[1] Л. Крылов. «Вопросы с.-х. машиностроения Дальнего Востока» («Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1924 г., № 6 (10).

[2] А. А. Петров. «Силовое хозяйство Дальневосточного края» («Эконом. жизнь Дальнего Востока» 1927 г., № 5).

фикации сельского хозяйства Амурского округа, едва ли сможет быть осуществлен в предвидимом будущем; потребуется еще ряд лет, в течение которых будет происходить интенсификация сельского хозяйства и колонизация округа, прежде чем можно будет перенести этот проект из областей красивых перспектив на реальную почву. Гораздо легче осуществить проект Южно-Приморской станции, которой с самого начала обеспечен сбыт в крупный торгово-промышленный центр — Владивосток; к тому же мощность ее на первое десятилетие рассчитывается лишь в 8 тыс. киловатт, а стоимость ее не превысит 3,2 млн. руб.

Вообще же следует признать, что лишь после того как постройка новых небольших, местного значения, электрических станций выявит и создаст спрос на электрическую энергию, можно будет думать об осуществлении грандиозных проектов электрификации путем постройки районных станций.

ГЛАВА IX.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

История. Водные пути, прорезающие край, являлись до присоединения его к России единственными здесь путями сообщения.

После присоединения Приамурья и Приморья главный Сибирский тракт, тянувшийся через всю Сибирь, Читу, Нерчинск до Сретенска, был продолжен вдоль Амура до Хабаровска, а оттуда вдоль Уссури до Владивостока. По основной магистралью края все же остался Амур, по льду которого в зимнее время происходило гужевое движение и на котором с первых же лет начало развиваться судоходство. В 1872 г. на нем были установлены первые срочные рейсы, в семидесятые же годы золотопромышленными компаниями было положено начало судоходству на реках Зее и Селемдже; в 1895 г. амурский флот состоял уже из 56 пароходов мощностью в 12 тыс. индикаторных сил и 64 баржей с грузоподъемностью до 12 тыс. *т*.

Лишь через 20 лет после присоединения Приамурья и Приморья, с учреждением в 1878 г. Добровольного флота и открытием им рейсов Одесса — Владивосток, Дальневосточная окраина была соединена с Россией прямым морским путем. За первые шесть лет своего существования, т. е. до 1884 г., Доброфлотом совершалось около шести дальневосточных рейсов в год, но с увеличением грузооборота число рейсов росло и достигло своего максимума в 1901 г. (25 рейсов). Вследствие зачаточного состояния, в котором находилось хозяйство края, частные перевозки на Дальний Восток почти совсем отсутствовали. В качестве обратного груза важное значение имел китайский чай, составлявший до 1890 г. — 80%, в 1900 г. —

50% и даже еще в 1909 г. — 30% его. По основное значение имела, конечно, перевозка пассажиров: переселенцев, солдат и ссыльных.

В конце XIX века край получил первую свою железную дорогу: Приморье с севера на юг, от Хабаровска до Владивостока, параллельно р. Уссури, прорезала Уссурийская ж. д. Движение по южному участку ее до ст. Иман было открыто в 1893/94 г., а по северному, до Хабаровска, в 1900 г.

Вскоре, в 1900 г., и Забайкалье было с запада на восток прорезано Забайкальской ж. д., явившейся самым восточным участком законченного в это время постройкой Великого Сибирского пути. Конечным пунктом ее на востоке был г. Сретенск; кроме основной магистрали, тогда же было построено ответвление от ст. Карымская этой дороги до ст. «Маньчжурия» на китайской границе. Ветка эта соединила Китайско-Восточную ж. д. с сетью российских железных дорог.

Китайско-Восточная ж. д., оконченная постройкой в 1903 г., прорезав всю Северную Маньчжурию, соединила Владивосток прямым железнодорожным путем с Россией. Формально она считалась концессией Русско-Китайского (позже Русско-Азиатского) банка, но фактически являлась полной собственностью российской казны, затратившей около 600 млн. руб. на ее постройку и на приплаты на возмещение дефицитов, от которых эта дорога не могла избавиться до 1913 г. Вследствие неудачного исхода войны с Японией, Китайско-Восточная ж. д. не дала в политическом отношении тех результатов, которых от нее ждало русское правительство, построившее ее в империалистических целях; но она дала могучий толчок развитию производительных сил Северной Маньчжурии и сильно способствовала росту грузооборота Владивостокского порта.

Только после русско-японской войны, когда, в связи с неудачным исходом ее, сильно пошатнулось положение России в Маньчжурии, правительство признало необходимым соединить Владивосток и всю Приморскую окраину с остальной сетью дорог путем, идущим исключительно по русской территории. Для этого решено было соединить Хабаровск, — конечный пункт Уссурийской ж. д., — со Сретенском, — конечным пунктом Забайкальской дороги. Постройка Амурской ж. д. была начата уже в 1908 г. и велась, вследствие климатических условий и малонаселенности края, в необычайно тяжелых условиях. Лишь в 1914—1916 гг. по ней открылось движение, несмотря на то, что она была закончена лишь вчерне.

Мы рассмотрели в общей исторической перспективе развитие основных видов путей сообщения на Дальнем Востоке. Нам предстоит теперь более подробно ознакомиться с каждым из них и с теми изменениями, которые произошли с ними за последнее десятилетие.

Порты. По всему Тихоокеанскому побережью Дальневосточного края, особенно южной его части, на побережьи Приморья, разбросан целый ряд удобных естественных гаваней.

Однако, ничтожная населенность прибрежной полосы является хотя и главной, но не единственной причиной слабого развития каботажного судоходства и грузооборота гаваней нашего Тихоокеанского побережья. И при слабо заселенном побережьи гавани могут стягивать значительные количества грузов из тяготеющего к ним района. Но и в этом отношении они находились в неблагоприятных условиях: в пределах Приморья естественный район тяготения ограничивается близко подходящим к берегу горным хребтом Сихота-Алинь; в Охотско-Камчатском же крае, с его находящимся в зачаточном состоянии хозяйством, вообще не могло быть речи об имеющем сколько-нибудь серьезное значение районе тяготения. Даже быстрое после 1907 г. развитие рыболовства не могло дать резкого увеличения грузооборота гаваней, которого от него можно было ждать: сосредоточилось оно на Камчатке и находилось, по преимуществу, в японских руках: японские суда в гавани не заходили, а проходили прямо на промысла. Но все же по мере роста населения и под влиянием покровительственных развитию каботажного судоходства мероприятий правительства, грузооборот тихоокеанских гаваней, начиная с 1907 г., проявлял признаки медленного, но неуклонного роста. Рост этот для большинства гаваней, особенно Приморья, с побережья которого стал развиваться лесоэкспорт, не прекращался и в годы интервенции.

Единственным на Камчатке портом является Петропавловск. Расположен он в Авачинской губе, на восточном побережьи. Он невелик, но удобен для стоянки судов и почти не замерзает. Грузооборот его составляют, главным образом, рыба и пушнина. Он приобрел значение лишь с 1907 г., когда, в связи с развитием рыболовства на Камчатке стали развиваться ее торговые обороты. В 1908 г. его посетило лишь 3 судов, в 1913 — 33, а в 1923 — 50. В 1926 г. грузооборот его равнялся 14,6 тыс. *т*, главным образом рыбы, пушнины и предметов потребления, ввозимых на Камчатку.

На Охотском побережьи имеется два порта: Охотск и Аян. Первый не дает судам надежного убежища, второй же является лучшей естественной гаванью на Охотском побережьи, но по историческим условиям первый в настоящее время все же имеет большее значение. Он нестари (еще до присоединения Приамурья и Приморья) являлся административным центром Охотского побережья, и отсюда имеется налаженный путь на Якутск (по реке Охота, по тунгусской тропе через Джугджуры и далее по рекам Юдоме и Алдану); через него в последние годы стал быстро развиваться вывоз рыбы. В 1910 г. его посетило 4 судна, а в 1923 г. — 26. В 1926 г. грузооборот его равнялся 8,2 тыс. *т* (главным образом вывоз рыбы, а также ввоз продуктов потребления для Якутской республики). Значительно скромнее грузооборот Аяна, почти ничего не вывозящего и ввозящего почти на 100% чай для Якутской республики. В настоящее время доставку через Аян и Охотск выдерживают лишь относительно ценные и негромоздкие предметы, так как она обходится до 120 руб. с тонны. Но Аяну, несомненно, при-

надлежит большое будущее: он должен стать конечным пунктом тракта Аян — река Мая, с которой вниз по р. Алдану идет удобный водный путь на Якутск. Этот тракт, зачатки которого уже имеются в виде проложенной тунгусами через сравнительно пологий здесь перевал Яблонового хребта тропы, значительно облегчил бы сношения с Алданом и Якутском. Впрочем, для ближайшего времени считают устройство выхода с Алдана на Амурскую ж. д. более важным, так как он соединит Якутию с хлебородными районами СССР, тогда как через Аян будут по преимуществу ввозиться только заграничные товары.

Особенно богато удобными бухтами южное побережье Приморья, от Николаевска-на-Амуре до корейской границы. Важнейшими из них являются (с севера на юг): залив Де-Кастри, залив Советская (б. Императорская) гавань, заливы Тетюхэ, Ольга (б. св. Ольга), Владивосток и Посьет.

Залив Де-Кастри, хотя и глубок, но плохо защищен от ветров, кроме того, отмели и подводные камни мешают подходу к берегу. О значении, которое может иметь этот залив как выход из Амура, будет речь ниже.

Советская гавань гораздо более удобна для стоянки судов, чем залив Де-Кастри: берега ее глубоки и легко доступны. При ледоколах она может работать круглый год. Она является конечным пунктом проектируемой железной дороги Хабаровск — Советская гавань, которая тоже должна дать выход грузам из Амурского тупика; поэтому в этом отношении она является конкуренткой залива Де-Кастри.

Меньшее, узко-местное, значение могут иметь бухты Тетюхэ и Ольга. К тому же бухта Ольга малоудобна.

Грузооборот указанных четырех бухт, так же как и других более мелких бухт на Приморском побережьи, в главных своих чертах однороден: ввозятся необходимые продукты потребления для местного немногочисленного населения и рабочих на лесозаготовках. В последние годы стал сильно увеличиваться вывоз за счет экспорта леса. Особенно выделяется в этом отношении Советская гавань: в 1913 г. вывоз ее равнялся 15,3 тыс. *т*, а в 1923 г. — 156,6 тыс. *т*. По своему грузообороту Советская гавань является в настоящее время вторым по своему грузообороту портом на нашем Тихоокеанском побережьи. Бухта Тетюхэ, помимо вывоза леса, вывозить цинковые и свинцовые концентраты с концессии Бринера и имела в 1926 г. грузооборот в 27,1 тыс. *т*.

Почти у самой корейской границы расположена удобная бухта Посьет. В довоенные годы через нее развивался транзит бобов из расположенного недалеко от нее Хунчунского района Гиринской провинции Маньчжурии. Шли они в количестве до 4 тыс. *т* по тракту, связывавшему Хун-чун с Посьетом. За последние годы этот грузовой поток сошел на-нет в связи с разрушением указанного тракта и мерами, принимавшимися японцами в корейском порте Кенг-Шень к привлечению грузов. С ремонтом тракта может вновь наладиться экспортная работа Посьета.

Все рассмотренные выше порты, несмотря на то, что некоторым из них предстоит блестящее будущее, в настоящее время имеют все же лишь узкое местное значение.

Совершенно особое положение среди портов Приморья занимает Николаевск-на-Амуре, расположенный в 42 *км* от впадения Амура в Татарский пролив. По своему географическому положению у впадения амурской магистрали в тихоокеанские воды он мог бы получить крупнейшее, если не мировое, то краевое значение; однако, целый ряд причин не создавал благоприятных условий для его развития, что, в свою очередь, сильно тормозило хозяйственное развитие всего Приамурья. Прежде всего льды Охотского моря в течение $6^1/_2$ месяцев плотно забивают подход к нему, — Татарский пролив, — вследствие чего навигационный период продолжается лишь $5^1/_2$ мес. Но основной причиной, препятствовавшей его развитию, является мелководье подходов к нему — Татарского пролива и Амурского лимана. Глубина самого удобного северного фарватера не превышает в среднюю воду 3,4 — 4,6 *м*, тогда как порт, рассчитывающий на широкий международный оборот (а на это Николаевск при других условиях имел бы полное право), должен иметь проходную глубину до 8,5 *м*. К этому присоединялось еще примитивное оборудование Николаевского порта, заставлявшее нагрузку и выгрузку вести при помощи шаланд. Все эти причины повышали фрахты до Николаевска и заставляли транзитные грузы, которые выдерживали железнодорожную перевозку от Хабаровска до Владивостока (бакалейные и колониальные товары и т. д., шедшие для удовлетворения потребностей Приамурья), обходить его; эти же высокие фрахты не давали развиться лесному экспорту из района Амурского бассейна: лес не выдерживал ни железнодорожной перевозки до Владивостока, ни высоких фрахтов через Николаевский-на-Амуре порт. Поэтому морской и речной его грузообороты, даже вместе взятые, не превышали в 1913 г., когда был достигнут максимум, 203 тыс. *т*; такой грузооборот имел тогда и ряд второстепенных пристаней на Волге. Подавляющую часть прошедших грузов составляли грузы, так или иначе связанные с местной рыбопромышленностью: вывозилась рыба, а ввозилась соль, продовольствие и все прочее, необходимое для рыбопромышленности. Некоторое значение приобрели в последние дореволюционные годы маньчжурские бобы, сплавлявшиеся по Сунгари и Амуру.

Николаевские события 1920 г. тяжело отразились на портовом хозяйстве: почти все, и так недостаточные, портовые устройства были разрушены. Вследствие этого еще более затруднился работа Николаевского порта. Упадок рыбопромышленности отражается и на его грузообороте, который в 1927 г. не превышал 72 тыс. *т* (главным образом рыба, отчасти лес). Экспорт китайских бобов, — впрочем, и раньше ничтожный, — прекращенный в годы интервенции, не мог восстановиться как по причине современных, необычайно высоких накладных расходов в Николаевском-на-Амуре порту, так и, главным образом, потому, что с 1924 г. китайскими властями

совершенно закрыта граница по р. Сунгари и запрещено плавание русских судов и судов Китайско-Восточной ж. д. по этой реке.

Дальнейшие перспективы для Николаевского-на-Амуре порта определились к настоящему времени довольно ясно. Амурские грузы не найдут через него удобного выхода на мировые рынки, и он, в конечном итоге, должен стать портом исключительно одной местной рыбопромышленности, каковым он фактически и является в настоящее время. Для выхода же амурских грузов на мировые рынки должны быть — и несомненно рано или поздно будут — открыты другие пути. Такими путями могут быть или железная дорога Хабаровск — Советская гавань, или водный путь озеро Кизи — залив Де-Кастри. Последний проект предполагает направлять Амурские грузы от Мариинска в низовьях Амура через озеро Кизи и далее по прорытому через Сихота-Алинь каналу, длиною в 16,5 *км*, в бухту Де-Кастри. Как тот, так и другой вариант имеет свои преимущества недостатки. Путь через Де-Кастри не требует перегрузки, но зато эксплуатация канала, который потребует накачки воды и целого ряда шлюзов, обойдется очень дорого. Путь на Советскую гавань вызывает необходимость перегрузки в Хабаровске, но зато в пользу его говорят как отмеченные выше преимущества Советской гавани перед Де-Кастри, так и огромное его колонизационное значение. Детальные расчеты, которые ныне производятся дальневосточными планирующими центрами, позволят иметь ясное суждение по этому вопросу, когда станет возможным приступить к выведению амурского грузового потока из тупика.

Совершенно особое место в числе наших портов на Тихом океане занимает Владивосток. Благоприятные природные данные прекрасная бухта Золотой Рог и почти не замерзающий порт, в котором навигация в зимние месяцы при помощи ледоколов легко поддерживается без перерывов), а также удобное географическое положение (близость к Китаю и Японии) заставили обратить на него внимание уже вскоре после занятия края Россией (первое морское судно появилось здесь уже в 1861 г.). В 1872 г. сюда переносится из Николаевска-на-Амуре база русского военного флота на Тихом океане. Дальнейшее оживление вносит открытие дальневосточных рейсов Добровольного флота, но лишь с постройкой Уссурийской ж. д. грузооборот принимает определенную устойчивость. С 1896 г. начинаются работы по оборудованию порта, которые по мере надобности неоднократно производились и в дальнейшем, благодаря чему Владивосток стал лучшим русским портом на Тихоокеанском побережьи (фактически он был единственным удовлетворительно оборудованным портом Дальневосточного края). Но общегосударственное и даже отчасти мировое значение Владивосток стал приобретать лишь с 1903 г., когда было открыто движение по Китайско-Восточной ж. д.: он делается важным транзитным пунктом для северо-маньчжурских грузов. Общий грузооборот его растет весьма интенсивно: в 1908 г. он составлял еще лишь 406,2 тыс. *т*, в 1913 г. уже 1 479,8 тыс. *т*. Все основные направления грузовых потоков получают гармоничное

развитие: растет не только маньчжурский транзит, но и местное заграничное плавание, дальний и малый каботаж и местное сообщение. В нижеследующей таблице показан грузооборот Владивостока в 1911—1913 гг., с распределением на указанные основные сообщения (в процентах ко всему общему грузообороту): [1]

	Заграничное плавание		Дальний каботаж	Малый каботаж	Местное сообщение	Всего
	Маньчж. торг.	Русская торг.				
Ввоз	3,4	18,6	11,9	20,4	6,8	61,1
Вывоз	29,3	2,9	0,2	5,9	0,6	38,9
Общий грузооборот	32,7	21,5	12,1	26,3	7,4	100,0

Итак, в эти годы в общем грузообороте, наравне с маньчжурским транзитом, солидное место занимает малый каботаж и местное заграничное плавание; меньшее значение имеет дальний каботаж и местное сообщение. Но более подробный анализ этих основных направлений позволит нам полнее выявить значение Владивостока для народного хозяйства области.

На долю малого каботажа и местного сообщения, вместе взятых, приходилась $^1/_3$ всего грузооборота Владивостока. Оба они связывали Владивосток с другими нашими портами на Тихоокеанском побережьи, причем местное сообщение имеется лишь с портами, лежащими в ближайшем от него соседстве; район же малого каботажа простирался до устья р. Колымы в Северном Ледовитом океане. В обоих этих направлениях, особенно же в местном сообщении, ввоз во Владивосток резко преобладал над вывозом из него. Владивосток мог направлять в эти малонаселенные районы лишь продукты потребления для их населения (мука, железный и скобяной товар, соль, овес и т. д.), получал же он оттуда в гораздо больших количествах, в большинстве гораздо более громоздкие, грузы (лесной материал, песок, кирпич, уголь с Сахалина, сено, рыбу и т. д.), которые он частью переотправлял за границу, частью использовал сам для предоставления в распоряжение Уссурийской ж. д.

Дальним каботажем считается сообщение между портами Европейской России (главным образом Одесса и Новороссийск) и Владивостоком. Здесь вывоз почти отсутствовал (работавшие на этих рейсах суда получали обратные грузы в Китае—чай, рис), и дальний каботаж сводился почти исключительно к ввозу: Владивосток получал для Дальневосточного края сахар, цемент, железнодорожные материалы и нефтяные продукты.

[1] Исчислено по таблице с данными о грузообороте Владивостока, приводимой в ст. П. Иванова «Необходимый советский торговый флот в морях Дальнего Востока на ближайшее пятилетие» (Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1925 г., № 3—4).

Почти такое же ничтожное значение имел вывоз местных товаров за границу, но зато солидное место занимал ввоз шедших на внутренние рынки через Владивосток заграничных товаров. Часть их шла для удовлетворения нужд края (хлеб, скот, каменный уголь, рис и т. д.), но большое значение имел также транзит чая из Китая и Цейлона на рынки Сибири и европейской части страны. Это предпочтение, при доставке чая в Европейскую часть Союза, Владивостока и Сибирской магистрали более дешевому и близкому морскому пути (особенно с Цейлона) объясняется особо льготными таможенными пошлинами, установленными в целях повышения доходности Китайско-Восточной ж. д. на ввозимые через Владивосток чаи.

Итак, по всем рассмотренным выше сообщениям ввоз во много раз превышает вывоз. Единственным сообщением, где мы имеем обратное отношение, является маньчжурский транзит. Постройка железных дорог дала могучий толчок развитию производительных сил Маньчжурии. Быстро растет товарная продукция ее сельского хозяйства, которая ищет выхода на внешний рынок. Таковыми неизбежно должны были стать Владивосток и Дайрен, расположенные в концах двух пересекавших край магистралей. Районы тяготения к каждому из них определялись до войны, главным образом, географическим положением производящих Маньчжурских районов. Через Дайрен вывозила Южная Маньчжурия, тяготевшая к Южно-Маньчжурской ж. д., через Владивосток — Северная Маньчжурия, тяготевшая к Китайско-Восточной ж. д. Так, в 1913 г. из общего заграничного вывоза района, прилегающего к Китайско-Восточной ж. д., в размере 402,7 тыс. *т*, на Владивосток было направлено 92%, а на Дайрен лишь 8%. Первое место среди этих вывозимых из Северной Маньчжурии грузов занимали бобы, а также продукты их переработки (жмыхи и т. д.); в сравнительно незначительных количествах шла пшеница, отруби, продукты животноводства и т. д.

В обмен на вывозимое ею сельскохозяйственное сырье Маньчжурия ввозит по преимуществу изделия промышленности, почему проходивший через Владивосток маньчжурский импорт в весовых единицах значительно уступал маньчжурскому экспорту. Но направление импортного грузового потока определялось не географическим распределением районов тяготения, а происхождением ввозимых товаров: русские товары ввозились через Владивосток, а японские через Дайрен, что, конечно, объясняется целым рядом льгот, которыми каждое правительство пыталось привлечь грузы своих промышленников в свои порты. Но, как известно, русские товары после русско-японской войны почти непрерывно вытеснялись не только с южно-, но и с северо-маньчжурских рынков. Так, в последние перед войной годы количество мануфактуры, ввозимой в Северную Маньчжурию через Дайрен, составляло уже около 40% всего ввоза мануфактуры в полосу отчуждения Китайско-Восточной ж. д. и превысило в 1913 г. 70%.

То же самое наблюдалось и в отношении железа и железных

изделий, минеральных масел и других импортных товаров, кроме сахара, который ввозился почти исключительно морем с юга России.[1] Вследствие этого уже в 1913 г. общий ввоз в Маньчжурию через Дайрен в три раза превышал этот же ввоз через Владивосток.

С первого же года мировой войны начинаются резкие перемены в характере грузооборота Владивостокского порта. Сразу после начала военных действий, вследствие блокады Босфора и Дарданелл, прекращается дальний каботаж; восстановление его началось лишь в 1923 г. Далее, в 1915—1917 гг. через Владивосток импортируются громадные количества военного снаряжения и транспортного оборудования, закупленных в Америке в связи с военными действиями. В связи с этим общий грузооборот Владивостока достиг в эти годы непревзойденных раньше размеров: так, в 1916 г. он составлял 2 млн 634,5 тыс. *т*, из коих около $^2/_3$ падает на долю заграничного ввоза.

Но наибольший интерес представляют, конечно, изменения в грузообороте Владивостока, происшедшие за последнее десятилетие, и, в частности, эволюция приобретающего все большее для Владивостока значение маньчжурского транзита. В годы мировой войны количество вывозимых через Владивосток маньчжурских грузов в абсолютных цифрах не сокращается, но и не увеличивается. Это значит, что растущая продукция сельского хозяйства Северной Маньчжурии начинает отвлекаться от естественного направления на Владивосток Дайреном. И, действительно, в 1915 г. через Дайрен проходит уже 22% северо-маньчжурского экспорта (вместо 8% в 1913 г.), в 1916 г. — 26%, а в 1917 г. — 34%.[2] Это отвлечение грузов от Владивостока в эти годы не может быть объяснено иначе, как загроможденностью его военными грузами, что не благоприятствовало развитию коммерческих операций. Но с начала интервенции вывоз через Владивосток падает и в абсолютных числах. К 1920 г. маньчжурский экспортный транзит упал до 71,5 тыс., т. е. сократился более чем в пять раз по сравнению с 1913 г. В этом году через Дайрен прошла 87,5% всего северо-маньчжурского экспорта. Это резкое падение значения Владивостока объясняется целым рядом причин: неустойчивостью положения Владивостока в связи с военными действиями, усиленными военными перевозками, производившимися интервентами по Китайско-Восточной ж. д., а также колебаниями русской валюты. Но основной причиной являлась тарифная политика тогдашнего правления Китайско-Восточной ж. д., целиком пошедшего навстречу тарифным притязаниям

---

[1] «Сев. Маньчжурия и Китайско-Восточная ж. д.», цит. у П. П. Любимова — «Экономические проблемы Дальнего Востока» («Восточно-Китайская ж. д.»), изд. ВСНХ. СССР. Москва. 1925 г. К последней книге мы отсылаем читателя, желающего подробнее ознакомиться с проблемой Китайско-Восточной ж. д.

[2] Исчислено по данным, приводимым у П. П. Любимова («Экономические проблемы Дальнего Востока»).

японцев. В 1921 г. оно вновь ориентируется на Владивосток, в связи с чем в этом году доля Дайрена в северо-маньчжурском экспорте падает до 64,9%, а в 1922 г — до 53,9%.

С установлением советской власти во Владивостоке принимаются решительные меры к ликвидации всех тех причин, которые в той или иной мере могли бы и впятствовать развитию грузооборота Владивостока в полном соответствии с необычайно благоприятно для него складывающимися географическими условиями; улучшается техническое оборудование порта, строятся цистерны для вывозимого из Маньчжурии бобового масла, которое стало за последние годы экспортироваться в необычайно увеличивающихся количествах, принимаются решительные меры к резкому сокращению непомерно разд вшихся накладных расходов, которые должны были нести следовавшие через порты грузы, расширяется деятельность советских банков в Харбине, которые ведут успешную борьбу с японскими банками, путем финансовых операций завлекающих грузы на Дайрен; наконец, огромное значение имеет постановление Дальревкома от 13 января 1925 г., объявившее Эгершельд (гавань Китайско Восточной ж. д. во Владивостоке) «транзитной частью» Владивостокского порта, в пределах которой грузовладельцам предоставляется право производить все коммерческие операции без соблюдения таможенных формальностей, и выпуск из которой транзитных импортных товаров, следующих к месту назначения, так же как и допуск в нее экспортных товаров, производится без каких-либо особых разрешений. Это объявление Владивостока «вольной гаванью» сильно облегчило работу в нем маньчжурских экспортеров и импортеров и стимулировало рост маньчжурского транзита.

Не меньшее значение имеет заключенное в 1925 г. между Уссурийской ж. д., с одной стороны, и Южно-Маньчжурской ж. д., с другой стороны, соглашение, по которому за первой резервировано 45% хлебоэкспорта Китайско-Восточной ж. д., а за второй — 55%; дорога, грузооборот которой превысит указанную для нее норму; уплачивает другой соответствующую реакцию. Этим соглашением была устранена нездоровая конкуренция за привлечение маньчжурских грузов, от которой до него терпели значительные убытки обе договорившиеся стороны.

Таким образом, Владивосток обслуживает в настоящее время меньшую, чем до войны, часть маньчжурского экспорта, но, благодаря тому, что последний за истекшее десятилетие абсолютно сильно возрос, — на Владивосток в настоящее время направляется гораздо больше маньчжурских экспортных грузов, чем раньше.

Характер грузооборота Владивостока к настоящему времени сильно изменился; лучше всего это видно из сопоставления грузооборота последних довоенных лет и грузооборота 1925/26 г. (1 564 тыс. *т*), правда, уже превысившего довоенные размеры, но все же еще довольно близкого к грузообороту 1913 г. При далеко еще не восстановившемся мало- и дальне-каботажном грузообороте, в котором ввоз значительно преобладал над вывозом, при стабильном маньч-

журском транзитном ввозе, значительно возрос местный вывоз в заграничном плавании (главным образом за счет леса) и в три раза увеличился маньчжурский экспортный транзит, который и в довоенные годы играл уже очень серьезную роль (29,3%) в грузообороте порта.

По этим причинам, в противоположность довоенному времени, вывоз в грузообороте Владивостокского порта теперь решительно преобладает над ввозом (на его долю в 1911 — 1913 гг. приходилось 38,9%, а в 1925/26 г. — 87,5% общего грузооборота порта). В частности, конечно, определяющую роль играет маньчжурский экспорт; на долю которого пришлось в 1925/26 г. около 90% всего вывозного грузового потока.

Аналогичные соотношения остались и в 1926/27 г., когда, благодаря хорошему урожаю в Маньчжурии, а отчасти и развитию хозяйства Дальневосточного края, грузооборот Владивостока дошел до 1 989 тыс. *т*.

По особым условиям, в которых Владивосток находится, он в настоящее время относится к числу тех немногочисленных портов СССР, грузооборот которых превысил довоенные размеры. По грузообороту своему в 1926/27 г. он даже в настоящее время является первым портом СССР (грузооборот Новороссийска в 1926/27 г. — 1 806 тыс. *т*, а Ленинград — 1 720 тыс. *т*). Конечно, первенствующее, положение занято Владивостоком, лишь временно и объясняется неполным еще восстановлением грузооборота наших основных портов Европейской части СССР. Но все же он, как был, так и останется навсегда важнейшим портом нашего тихоокеанского побережья и притом портом с блестящими перспективами в связи с ростом хозяйства Дальневосточного края и развитием экономики тихоокеанских стран.

Морское судоходство.

Если не считать дальнекаботажного плавания, производившегося, как уже отмечено выше, с конца 70-х годов прошлого столетия, то можно считать, что русское судоходство в тихоокеанских водах стало развиваться лишь начиная с 1907 г. До этого как сообщение Владивостока с заграницей, так и сообщение между отдельными портами нашего Тихоокеанского побережья производилось исключительно иностранными судами.

Только после русско-японской войны было обращено внимание на необходимость организовать здесь русское судоходство. Начиная с 1907 г., Добрфлот расширяет свои операции на Дальнем Востоке и, продолжая поддерживать дальний каботаж, организует субсидируемые[1] правительством заграничные линии и линии малого каботажа. Последние начинают особенно быстро развиваться после того как в 1910 г. было запрещено обслуживание малого каботажа судами, плавающими под иностранным флагом. К 1917 г. Добрфлотом со-

[1] Субсидии в последние довоенные годы достигали 2 млн руб., включая возврат пошлин, взимавшихся администрацией Суэцкого канала за проход судов дальнего каботажа через этот канал.

вершалось уже ежегодно 12 рейсов по линии Владивосток—Ольга—Советская гавань — Сахалин — Николаевск, 4 рейса от Владивостока специально до Александровска-на-Сахалине, 24 рейса между Владивостоком и портами Охотского и Берингова морей и 1 рейс между Владивостоком и устьем р. Колымы в Ледовитом океане; местное сообщение в районе Владивостока поддерживалось частным пароходством Кейзерлинга. Кроме плавания на отмеченных линиях местного каботажа, суда Доброфлота совершали 18 рейсов между Владивостоком и портами Черного и Балтийского морей (дальний каботаж); наконец, ими же совершались срочные рейсы между Владивостоком и Цуругой (Япония) и между Владивостоком и Шанхаем (Китай) с заходом в попутные важнейшие порты.

Доброфлот начал в 1907 г. свою работу в тихоокеанских водах, не имея собственного тоннажа, фрахтуя иностранные суда. С 1909 г. он начинает уже обзаводиться собственным флотом, и с 1915 г., когда собственный тоннаж его достиг солидных размеров (51 тыс. регистровых тонн брутто), прекращает фрахтовку чужих судов. Количество перевозимых на судах Доброфлота грузов растет из года в год, а работа его сильно оживляет русскую предприимчивость как на Приморском побережьи, так и, особенно, на Камчатке. Результаты работы Доброфлота могут быть характеризованы следующими цифрами: в 1913 г. русский тоннаж перевозил уже 23% общего заграничного грузооборота Владивостока и 12,7% рыбы, вывозившейся с промыслов Камчатского и Охотского побережья: [1] малый же каботаж на все 100% обслуживался русскими судами. [2]

Этот процесс быстрого роста русского торгового флота на Тихом океане был резко прерван интервенцией: почти все суда Доброфлота были захвачены и уведены интервентами и белыми правительствами. Лишь 11 января 1922 г. Доброфлот был снова призван к жизни и ему было предложено принять меры по собиранию своего имущества в СССР и за границей. Работа эта пошла успешно, но все же и в настоящее время (по данным на 1927 г.) СССР в лице Совторгфлота, в который в 1925 г. влился Доброфлот, располагает на Дальнем Востоке тоннажем в размере 24,9 тыс. *т* против 58,9 тыс. *т*, которыми располагал здесь русский торговый флот в 1913 г.

Учитывая необходимость в первую очередь обслужить советское побережье, Совторгфлот в течение истекших 5 лет уделял особое внимание именно каботажным перевозкам. Тем не менее, в силу краткости периода навигации по побережью Охотско-Камчатского моря, большая часть работы советских пароходов падает на обслуживание внешних перевозок, несмотря на то, что за последние два года все собственные пароходы в период навигации работают исключительно на каботажных линиях.

На ряду с этой основной работой восстановлена линия дальнего

---

[1] А. А. Гвоздарев. «Морской транспорт на русском Д. В.» («Экономическая жизнь Приморья», 1924 г., № 10).

[2] Вишневский. «Дальневосточный торговый флот» («Сов. Приморье», 1925 г., № 7).

каботажа (в порты Черного моря), обслуживаемая пока несрочными рейсами; совершается также ежегодно плавание в устье Колымы, имеющее большое значение для заброшенной далеко на северо-восток окраины Якутской республики, а также для острова Врангеля, на котором, в целях утверждения прав СССР на него, недавно организована небольшая чукотская колония.

Несмотря на достигнутые успехи, удельный вес нашего торгового флота в общем грузообороте наших тихоокеанских портов все же еще пока отстает от довоенных норм; даже каботаж обслуживается советскими судами лишь наполовину.

Наоборот, сильно увеличился удельный вес японского флота: так, из общего тоннажа судов, посетивших Владивостокский порт в 1925/26 г., на долю японских судов приходилось 55%, а на долю судов Совторгфлота лишь 7%.

Проблема советского торгового мореплавания в тихоокеанских водах по сути своей ничем не отличается от проблемы советского торгового мореплавания вообще: ничтожное количество и устарелость имеющихся в нашем распоряжении судов ставят нас в сильнейшую зависимость от иностранных тоннажевладельцев, что крайне ослабляет наши позиции во внешней торговле. Но на Дальнем Востоке особенно ярко сказывается вся невыгодность этого положения, так как здесь к моментам экономическим примешивается и момент политический: для укрепления связи с такими огромными и важными в экономическом отношении районами, как Приморское побережье и Охотско-Камчатский край, с которыми сообщение возможно лишь водой, необходим мощный торговый флот, а не флот, имеющийся сейчас в распоряжении Совторгфлота. Не говоря уже об его малочисленности, отметим лишь, что «лишь 25% имеющегося в настоящее время в распоряжении Совторгфлота тоннажа может, и то с трудом, конкурировать с иностранными судами; остальная же часть перевозочных средств состоит из судов, исключающих возможность какой-либо конкуренции».[1]

По приведенным соображениям надо надеяться, что производимая в настоящее время работа по усилению морского флота СССР на Тихом океане пойдет быстрее, чем в других морях. Тоннаж Совторгфлота на Дальнем Востоке уже теперь начинает пополняться новыми судами, отчасти построенными на советских верфях, отчасти приобретаемыми заграницей. Но за этими первыми ласточками должны последовать дальнейшие, более солидные подкрепления, без которых не может быть речи о прочности достигнутых нами в ряде отраслей народного хозяйства края успехов.

Железные дороги.

К моменту начала интервенции железнодорожную сеть Дальнего Востока составляли: 1) Забайкальская ж. д., тянувшаяся в край из пределов Иркутской губ. до Сретенска; от станции ее Карымская отходила ветка Карымская—Маньчжурия на соединение с Китайско-Восточной ж. д.;

[1] А. А. Гвоздарев. Цит. работа.

2) Уссурийская ж. д. от Владивостока до Хабаровска с веткой Никольск-Уссурийский — Пограничная на соединение с Китайско-Восточной ж. д. и веткой Угольная — Кангауз на соединение с узкоколейными Сучанским подъездным путем, и, наконец, 3) вчерне законченная и только-что сданная в эксплуатацию Амурская ж. д., примыкавшая у ст. Куэнга (близ Сретенска) к Забайкальской ж. д. и тянувшаяся до Хабаровска, где она мостом через Амур соединялась с Уссурийской ж. д.; она имела ветки Благовещенск — Бочкарево и Рейново—Сворадино (раньше Рухлово), которые соединяли центр Приамурья, Благовещенск, и крупную амурскую пристань Рейново с железнодорожной магистралью.

Годы интервенции и гражданской войны крайне тяжело отразились на работе и в состоянии железнодорожного транспорта края. Вначале военные перевозки сделали почти невозможной коммерческую работу, а потом колоссальные разрушения пути, особенно Уссурийской и Амурской ж. д., произведенные во время концентрировавшихся у железнодорожной магистрали военных действий, вызвали почти полный паралич железнодорожного транспорта. Положение осложнялось еще тем, что Амурская ж. д., слишком рано сданная в эксплуатацию, очень скоро пришла в полную негодность.

За восстановление железнодорожного транспорта взялось еще правительство Дальневосточной республики, по мере перехода в его руки отдельных участков пути. Однако, серьезное восстановление железнодорожного транспорта стало возможным лишь после того как, с восстановлением советской власти, была вновь объединена вся территория края под единым управлением.

За последние годы административное строение дальневосточной железнодорожной сети подвергалось частым переменам; самой важной из них является произведенное в 1922 г. уничтожение слабой еще Амурской ж. д. как самостоятельной административной единицы. Поэтому в настоящее время имеются лишь две дороги: Забайкальская и Уссурийская; границей между ними служит станция Сковородино б. Амурской ж. д., которая распределена между двумя указанными.

Начиная с 1923 г., на дорогах Дальневосточной сети проделана огромная работа по ликвидации последствий гражданской войны и налаживанию нормальной на них работы. В первую очередь было, конечно, обращено внимание на путь: были восстановлены (правда, не все капитально) разрушенные мосты и доведено почти до довоенных норм шпальное хозяйство. Крупным достижением является восстановление, 22-го марта 1925 г., движения через разрушенный во время гражданской войны Амурский мост у Хабаровска. Далее, произведены наиболее неотложные работы по ремонту, а на б. Амурской ж. д.—и по достройке паровозных зданий и мастерских, улучшению водоснабжения, ремонту станционных зданий общего пользования и т. д. В 1925 г. были широко развернуты балластные работы и работы по улучшению общего состояния пути. Конечно,

в настоящее время общее состояние железнодорожных путей края, особенно Приамурья и Приморья, далеко еще не может быть признано удовлетворительным, но все же, благодаря произведенным работам, стало возможным уже в 1925 г. довести предельную скорость поездов до 60 *км* в час вместо 10—20 *км*, как то было еще в 1922 г.

Восстановление путей сообщения и хозяйства края привело к увеличению грузооборота, но все же и сейчас еще средняя густота движения на дорогах Дальневосточного края в два раза меньше, чем густота движения на всех дорогах СССР в среднем.

При таком положении вполне естественно, что железные дороги Дальневосточного края, бывшие дефицитными в довоенные годы, остаются таковыми и поныне. Довольно интенсивно работает и сводит концы с концами лишь участок Уссурийской ж. д. в южной части Приморья, который перевозит транзитные маньчжурские и экспортные лесные, угольные и другие грузы по направлению к Владивостоку. Вся же остальная часть пути принуждена довольствоваться местными перевозками дров, лесных материалов, угля и хлеба, которые поступают в таком ничтожном количестве, что собственные перевозки железными дорогами необходимых им материалов составляют около 25% общего грузооборота.

Развитию грузооборота между железными дорогами Дальневосточного края и дорогами прочих частей СССР недавно еще препятствовал установленный еще правительством Дальневосточной республики верхнеудинский тарифный перелом: он обеспечивал, правда, железным дорогам края непосредственные поступления в их кассы суми, следуемых им за провоз грузов на их протяжении, но зато сильно удорожал стоимость провоза грузов, следующих за пределы или из пределов края, так как тарифные расстояния рассчитывались дважды, вследствие чего грузы не могли воспользоваться полностью выгодами диференциальных тарифов. В конце 1924 г. был отменен Верхнеудинский тарифный перелом, и на Дальневосточный край полностью были распространены тарифы, действующие на всей железнодорожной сети СССР.

Из расчета на огромную площадь Дальневосточного края длина его железнодорожной сети (4 483 *км* в 1926/27 г.), конечно, ничтожна, но зато, если принять за основу исчислений наличное немногочисленное население, то можно признать, что край вполне ими обеспечен: действительно, на каждые 10 тыс. жителей края приходится 25 *км* железных дорог, т. е. столько, сколько в Швеции. Железные дороги сыграли и несомненно будут еще играть крупнейшую роль в деле колонизации края, но дальнейшее форсирование строительства новых магистралей в настоящее время едва ли могло бы быть оправдано. Край имеет пересекающую его с запада на восток железнодорожную магистраль; открываемые ею возможности использованы пока еще в самой ничтожной степени. Поэтому задачей ближайших лет является интенсификация работы ее, а не осуществление грандиозных, соблазнительных на первый взгляд проектов.

Единственным строительством, которое могло бы быть оправдано, является строительство новых небольших подъездных путей к существующим магистральным линиям.

В течение ближайших 10 лет поэтому предположено построить:

1) Так наз. Приханкайскую ж. д. от разъезда Манзовка Уссурийской ж. д. до с. Турий Рог на озере Ханка, которая могла бы иметь колонизационное значение и обслуживать транзит из Гиринской провинции Маньчжурии.

2) Железную дорогу Кизи-де-Кастри, если эта связь не будет осуществлена каналом (см. гл. IV).

3) Букачинский подъездной путь в Забайкалье к каменноугольным копям, намеченным к эксплуатации.

4) Константиновский подъездной путь от ст. Голенки во Владивостокском округе — тоже к намеченным к эксплуатации каменноугольным копям.

5) Намечено также построить небольшую, может быть узкоколейную, сеть дорог на Сахалине для хозяйственного и колонизационного его освоения (обслуживание каменноугольных и нефтяных месторождений и установление связи западного побережья с восточным).

Весьма желательно было бы также в течение указанного срока приступить к постройке железной дороги Хабаровск — Советская гавань, о которой уже была речь выше.

Когда увеличится плотность населения и разовьются производительные силы края, наступит время и для осуществления новых магистральных путей, вроде железных дорог Бочкарево-Николаевск, Сковородино-Якутск, Свиягино-Ольга, но сделать это в течение ближайшего десятилетия едва ли придется.

Внутренние водные пути.

Из общего протяжения водных путей Амурского бассейна имеется годных для судоходства более 13 тыс. *км*, что составляет около 1 *км* на 100 *кв. км* территории Дальневосточного края без Камчатского округа. Если принять во внимание, что Европейская часть СССР, считающаяся обеспеченной водными путями, имеет их лишь 0,8 *км* на 100 *кв. км*, то можно признать, что край ими хорошо обеспечен; однако, большим недостатком является, конечно, то обстоятельство, что важнейшие водные магистрали тянутся вдоль самых окраин нашего Дальнего Востока.

Далеко не все реки, на которых возможно судоходство, используются для этой цели: в 1913 г. было зарегистрировано 12 рек, общим протяжением лишь в 5 тыс. *км*, на которых производилось отправление и прибытие грузов. Таким образом, использовывалось для судоходства лишь 40% годных для этого водных путей.

Судоходство производится на Шилке, Зее, Селемдже, Бурее, Амгуни, Уссури и некоторых других реках. Но важнейшей водной магистралью является, конечно, р. Амур.

Грузооборот Амурского бассейна равнялся в 1913 г. 1280 тыс. *т*, но в 1911—1914 гг. грузооборот достиг здесь этих отно-

сительно больших размеров лишь благодаря постройке Амурской ж. д. В прочие же, лучшие между 1906—1917 годы он не доходил до 800 тыс. *т* и колебался обычно между 600 и 700 тыс. *т*. Насколько ничтожен этот грузооборот для такого громадного водного бассейна, как Амурский, можно судить по тому, что такой же грузооборот имел в Европейской части страны такой второстепенный бассейн, как Паровский.[1] Причиной такого ничтожного грузооборота являлась, конечно, малонаселенность края и низкий уровень развития производительных сил его; одной из важнейших причин являлось также полное отсутствие перевозок экспортных лесных грузов, благодаря своей громоздкости так сильно увеличивающих обычно грузооборот большинства рек Европейской части страны (по отмеченным выше причинам амурский лес выхода на внешние рынки не имел). Почти 20% всего грузооборота составляли хлебные грузы, перевозившиеся на благовещенские мельницы, а оттуда в потребляющие районы; 50% падало на лесные материалы и дрова, перевозимые для нужд близлежащих районов; 15% приходилось на разные строительные материалы, а остаток — на долю рыбы, чая, спирта, сахара, соли, угля и т. д. Подавляющая часть перевозок совершалась между отдельными пунктами края и носила внутрикраевой характер. Транзитом на внутренние рынки отчасти шла одна рыба из Николаевского района и импортный чай.

Амурский флот сильно пострадал от событий гражданской войны: грузоподъемность его сократилась не меньше, чем в десять раз (лучшие суда были увезены бывшими их владельцами на Сунгари).[2]

Еще в 1926/27 г. грузооборот Амурского бассейна не превышал 30% нормального довоенного.

В настоящее время почти весь Амурский флот сосредоточен в руках Амурского Го пароходства. Пароходством этим производится ныне большая работа по восстановлению Амурского флота. Для этого было в первую очередь обращено внимание на восстановление судоремонтных средств (расширены затоны в Благовещенске, переоборудованы мастерские и т. д.). Серьезное внимание обращается на коммерческую работу; восстановлены основные товарные и пассажирские линии Благовещенск—Николаевск и Сретенск—Благовещенск, а также судоходство по рекам: Зее, Селемдже, Бурее, Амгуни и Уссури; принимаются меры к ускорению следования грузов: медленность и нерегулярность доставки до сих пор являются слабым местом Амурского судоходства.

Амурская железная дорога является уже ныне серьезной конкурентой Амурского судоходства; она уже, несомненно, отвлекла от водного пути часть грузов, которые, не будь ее, поступили бы на него. Но, несомненно, с течением времени определится соответ-

---

[1] Грузооборот же Невского бассейна равнялся 7 млн *т*, а Волжского—22 млн *т*.

[2] По данным, приводимым В. Хорынским в статье «Амурский водный транспорт» («Эконом. жизнь Дальнего Востока», 1924 г., № 5 (6).

ствующее интересам народного хозяйства распределение функций между ними. Развитие производительных сил обеспечит работу обоим. Во всяком случае, Амуру обеспечена перевозка таких дешевых массовых грузов, как хлеб и лес, обычно предпочитающих железным дорогам водные пути. В частности, открытие выходов на внешние рынки для лесов Амурского бассейна обеспечит ему такой грузооборот, которого достоин этот великий водный путь.

Гужевые пути. Основные гужевые пути края возникли естественным путем в процессе колонизации края. Лишь с 1905 г. переселенческое управление приступило к постройке дорог в колонизуемые районы, однако, строительство не носило планомерного характера, и больших результатов достигнуть не удалось; дороги переселенческого управления технически были также примитивны, как и дороги, возникшие естественным путем.

Вследствие этого сеть гужевых дорог края и посейчас ничтожна и далеко не пропорциональна огромным пространствам его. К тому же основные гужевые магистрали, возникшие до постройки железных дорог, потеряли в настоящее время большую часть своего экономического значения. Почти рядом с Московским трактом тянется ныне Читинская дорога; Уссурийский береговой тракт с постройкой Уссурийской ж. д. совершенно запущен; в близком соседстве от Амурского берегового тракта прошла теперь Амурская ж. д. Существующие гужевые пути краевого масштаба потеряли свое магистральное значение, которое и раньше, в связи с прохождением вблизи от водных магистралей, было ничтожное, и превратились в пути исключительно местного значения. Остальные дороги всегда имели лишь местное значение: они соединяют южные части Забайкалья с железной дорогой и хлебородные районы Приамурья с Амуром; кроме них существует небольшая сеть проселочных, вьючных и скотопрогонных дорог, возникших в процессе заселения края и не имеющих, в большинстве случаев, ни мостов ни переправ. Но и дороги, возникшие при участии администрации, не на много лучше их: крутые уклоны, значительно превышающие предельные, плохое состояние полотна и мостов — все это делает многие из них непроезжими, особенно в дождливые периоды. К тому же даже лучшие дороги все же являются лишь грунтовыми; шоссейных дорог на весь край приходится лишь 15 *км* (между Хабаровском и базой военной флотилии на Амуре).

Между тем, хорошие гужевые дороги являются как раз теми путями, которые в настоящее время более всего необходимы краю. Основной задачей является постройка новых гужевых магистралей, которые позволили бы приступить к рациональной эксплуатации лежащих пока в стороне от хозяйственных центров и труднодоступных районов.

Новые гужевые магистрали в первую очередь должны оживить тайговые золотопромышленные районы. Весь край к северу от железной дороги имеет лишь несколько подступов в виде гужевых дорог,

тянущихся, в лучшем случае, сотню-другую километров, а далее переходящих в тропы, теряющиеся в тайге.

В 1916 г. была намечена постройка гужевой магистрали от Благовещенска до Николаевска-на-Амуре, которая должна была оживить золотопромышленный район севера Николаевского округа. Постройка ее была начата, но в связи с последовавшими событиями не окончена; дорога была проведена от Благовещенска лишь до Кербинского склада на Амгуни, причем и здесь некоторые участки остались недостроенными. Хотя от Кербинского склада имеется сообщение водным путем с Николаевском-на-Амуре, все же достройка этого пути должна быть доведена до конца; путь этот может иметь большое значение не только для отмеченного золотопромышленного района, но и для Николаевска-на-Амуре, который до сих пор никакой, кроме водной, связи с центрами края не имеет.

С проблемой гужевого транспорта в Дальневосточном крае теснейшим образом связана проблема Алдана.

Еще в 1917 г. в Алданском округе Якутской ССР разведывательной партией зейского золотопромышленника Опарина были открыты богатые золотые пески с содержанием нередко 20 *г* золота в 1 *т* песку; но революционные события не дали возможности приступить к их эксплуатации. Лишь с 1922 г. сюда начинают проникать отдельные партии золотоискателей, преодолевающие холод, голод и громадные расстояния [самый удобный путь до прииска Незаметного,—центра Алданского района, идет от станции Большой Невер и Сковородино (б. Рухлово) Читинской ж. д.; отсюда тянется на протяжении более 300 *км* старый колесный тракт до прииска Лебединого на Тимптоме (еще в пределах Зейского округа); оттуда до прииска Незаметного путь лежит на расстоянии более 400 *км* по Ороченской тропе]. Несмотря на страшные лишения, связанные с преодолением этих расстояний, несмотря на бешеную дороговизну предметов первой необходимости на Алдане, район этот с каждым годом привлекает все большее количество искателей счастья: в 1923 г. население Алданского района исчислялось в 800 чел., зимой в 1923/24 г. в 2 тыс. чел., летом 1924 г. в 6 тыс. чел., а летом 1925 г. в 12 тыс. человек.

Сейчас Алдан является, как уже указывалось в главе VII, одним из важнейших наших золотопромысловых районов, в котором развертывает свою работу трест союзного значения «Алданзолото».

Но открытие Алданских золотых приисков выдвинуло, в качестве необходимой к осуществлению в первую очередь, Якутскую магистраль, которая должна соединить ст. Сковородино Амурской ж. д. с Алданским золотопромышленным районом. Отсутствие удобного сообщения между этими пунктами, крайне удорожающее предметы потребления на Алдане, делает совершенно невозможной рациональную эксплуатацию богатств этого района: при высокой стоимости товаропродуктов оказывается возможным эксплуатировать только исключительно богатые площади. В настоящее время ведутся работы по приведению в порядок существующего тракта до прииска

Лебединого и изыскания продолжения его до Алдана. Весь путь будет приспособлен для автомобильного движения, так как для доставки грузов предположено в широких размерах использовать гусеничные тракторы. По планам строительства Амуро-Якутской магистрали уже в 1929 г. будет возможно прямое автомобильное сообщение по этому пути вплоть до прииска Незаметного. Одновременно с постройкой этой дороги ведутся изыскания аэролинии в этом же направлении; воздушный транспорт при широкой организации мог бы, конечно, решить проблему пассажирского сообщения на Алдан самым радикальным образом.

Но наравне с постройкой гужевых магистралей предположено также расширение и улучшение гужевых дорог местного значения, которые должны служить в качестве подъездных путей к железнодорожным, водным и гужевым магистралям. Неразвитость сети их сильно тормозила работу бывшего переселенческого управления; это обстоятельство не может не быть ныне учтено полностью, так же как не могут не быть сделаны из него соответствующие выводы.

ГЛАВА X.

ТОРГОВЛЯ.

Внешняя торговля.

Лишь Великий Сибирский путь дал материальную базу к врастанию Дальневосточной окраины в общую экономическую систему русского государства. До этого экономические связи Дальневосточного края определялись не административной принадлежностью его к России, а преимущественно географическим положением его на берегах Тихого океана. По этой причине, сразу после присоединения края к России, было в 1862 г. объявлено порто-франко по всему краю. Оценивая этот факт, следует иметь в виду, что капиталистическая промышленность в России тогда еще отсутствовала, а на мировой арене не началась еще борьба за рынки; не могло быть, следовательно, речи о необходимости охраны отечественного производства. При ничтожном ввозе, которого можно было ожидать в этот, тогда совершенно пустынный, край, фискальное обложение также не имело бы смысла: расходы на содержание таможенного аппарата были бы во много раз больше таможенных доходов.

Но как только появилась капиталистическая промышленность в России и появилась возможность доставки ее изделий морским путем, она сумела добиться введения и здесь охранительных для нее пошлин. Уже в 1887 г. были обложены пошлиной табачные изделия, за этим, в 1888 г., последовало обложение сахара, спичек и керосина, а в 1901 г., сразу после проведения Сибирской ж. д., было закрыто порто-франко на всем Дальнем Востоке, кроме Сахалина и Камчатки. Закрытие порто-франко имело основной целью поощрение отечественной промышленности, почему почти на одни

промышленные изделия и были установлены пошлины; сельскохозяйственные продукты, кроме муки, которая в целях поощрения местного мукомолья была обложена пошлиной (повышенной еще в 1909 г.), попрежнему допускались к ввозу беспошлинно, так же как и некоторые другие предметы, ввоз которых из России был невозможен или невыгоден, но которые были необходимы для развития производительных сил края (с.-х. машины, орудия ремесла, строительные материалы, металлы, машины и т. д.).

Но сразу после начала русско-японской войны, в 1904 г., было вновь объявлено порто-франко, имевшее целью привлечь в край возможно большее число переселенцев. Однако, вскоре оказалось, что порто-франко не столько привлекает в край русское население, сколько ослабляет наши позиции: развивающаяся промышленность Японии и Китая вытесняет русские изделия с маньчжурских рынков, на которых они господствовали до русско-японской войны, и, пользуясь порто-франко, завоевывает рынки Дальневосточного края. В виду этого, конечно, под сильным также давлением промышленников, порто-франко было в 1909 г. опять отменено, и вновь введены действовавшие раньше пошлины.

В результате, к началу мировой войны на Дальневосточный край распространялась почти вся протекционная система, действовавшая во всей стране, с той только разницей, что здесь она по отмеченным в главе VIII причинам не способствовала развитию собственной обрабатывающей промышленности.

К сожалению, имеющиеся статистические материалы не дают возможности воспроизвести точный торговый баланс Дальневосточного края в довоенные годы. П. Маслов[1] считает, что в 1913 г. в край по всем его границам было ввезено на 75,5 млн руб. иностранных и не менее чем на 80 млн руб. русских товаров. Из последних, однако, не менее чем на 12 млн руб. шло транзитом и реализовалось в Маньчжурии и Монголии. С другой стороны, транзит играл еще большую роль в ввозе иностранных товаров (так, одного чая было в 1913 г. ввезено на 22 млн руб.; несомненно, что лишь небольшая часть его пошла на удовлетворение потребностей самого края). Следовательно, если внешняя торговля Дальневосточного края в 1913 г. дает картину резко пассивного торгового баланса (23,5 млн руб. вывоза против 75,5 млн руб. ввоза), то большую часть пассива следует отнести на счет остальных районов страны, ввозивших значительное количество товаров через Дальневосточный край.[2] Баланс внешней торговли самого края был тоже пассивен, но пассив не превышал 25 млн руб. (импорт — 35 млн руб., экспорт — 11 млн руб.).[3] Итак, таможен-

---

[1] П. Маслов. «Товарооборот по границам Дальневосточной республики в дореволюционные годы» («Эконом. жизнь Дальнего Востока». 1922 г., № 1—2).

[2] Как известно, баланс русской внешней торговли по Азиатской границе был вообще пассивен.

[3] А. Гачечиладзе. «Построение импортно-экспортного плана на 1924/25 г. («Эконом. жизнь Дальнего Востока». 1924 г., № 5 (9).

ная охрана в значительной степени достигла своей цели: ввоз товаров из России удовлетворял не менее $^2/_3$ потребности области в привозных товарах.

В первые дни мировой войны были закрыты Босфор и Дарданеллы, и этим прервана морская связь края с Европейской частью страны; она стала вновь медленно налаживаться лишь с 1923 г. Разрыв морской связи был началом последовавшего вскоре полного разрыва экономических связей. Уже в 1915 г. стал ощущаться в крае товарный голод, наблюдавшийся и во всей России, но обострившийся здесь отдаленностью от промышленных центров. Поэтому в 1916 г. был облегчен ввоз отдельных товаров из-за границы (так, разрешен был ввоз сахара, раньше вовсе не допускавшийся).

Наконец, когда в результате гражданской войны была прервана всякая связь с центрами Советской России, Дальневосточный край оказался в полной зависимости от иностранных поставщиков (Япония, Китай, Северная Америка). В первый период своего существования правительство Дальневосточной республики пыталось, правда, регулировать внешнюю торговлю. Однако, объявленная было монополия вывоза сырья успеха не имела и скоро была отменена. Что касается ввоза, то, по соглашению с Китаем, Дальневосточная республика вынуждена была облагать ввоз единообразной пошлиной в 3,5 — 5% с цены, но даже и эта низкая, чисто фискальная пошлина редко оплачивалась, и товары широкой волной проникали в край контрабандным путем через почти совсем не охранявшуюся границу. Ввозилась мануфактура, хлеб в зерне, мука, сахар, табак и т. д. В качестве экспортного фонда республика имела почти одну лишь пушнину, которая в 1921 г. составляла 48%, а в 1922 г. даже 68,7% ценности всего официально зарегистрированного вывоза. Официальный дефицит края по внешней торговле равнялся, примерно, довоенному; однако, принимая во внимание контрабанду, следует признать, что он был гораздо больше: отсутствовавшие русские товары заменялись иностранными.

После присоединения Дальневосточной республики к РСФСР, когда вновь стала возможной доставка товаров внутреннего производства на край, в феврале 1923 г. была распространена действующая в СССР система монополии внешней торговли; однако, в виду того, что государственный торговый аппарат находился тогда здесь еще в стадии организации, почти вся внешняя торговля, в изъятие из действующих правил, оставалась в руках частных торговцев, которые получали соответствующие лицензии от Внешторга. По мере укрепления государственного торгового аппарата быстро растет его значение во внешнем обороте края.

К 1926/27 г. частный капитал из официальной внешней торговли был уже вытеснен почти на все 100%.

Важнейшими экспортными статьями края являются в настоящее время: лес, рыба, пушнина, уголь, а также некоторые продукты земледелия, как-то: овес, бобы, рис, льняное семя, отруби,

жмыхи и т. д. Все связанные с экспортом упомянутых товаров проблемы уже получили свое детальное освещение в предыдущих главах.

В отношении импортной торговли за последние годы проводилась весьма жесткая политика, имевшая целью сохранить активный баланс по внешней торговле края. Вместо широкого ввоза, к которому край привык в предыдущие годы, принимаются все меры к сокращению его и внедрению товаров советского производства. В связи с этим, импорт, оценивавшийся в 1921 — 1922 гг. в 32—37 млн руб., колеблется за последние годы (1924/25 — 1926/27) вокруг 10,5 млн руб., т. е., по официальным данным, сократился почти в четыре раза. Разрешаются к ввозу, и то в весьма ограниченных количествах, товары, которые сам край не производит и которые не могут быть по тем или иным причинам доставлены из прочих частей СССР, как-то: сало съедобное, чай, убойный скот, бумага, кожа, машины, канцелярские принадлежности и т. д. Совершенно новым для края мероприятием явилось прекращение ввоза из-за границы хлеба и соли, каковыми товарами он в довоенные годы в широкой степени снабжался оттуда. Впрочем, необходимо отметить, что замена маньчжурского хлеба хлебом, ввозимым из других частей СССР, вызывалась не только соображениями указанного порядка, но и изменением конъюнктуры на маньчжурском рынке, цены на котором за последние годы быстро возросли, в связи с чем намечается ныне даже обратный процесс: вывоз туда сибирского хлеба.

В результате принятых мер официальный баланс внешней торговли края сводится с 1923/24 г. не только без дефицита, но даже со значительным превышением экспорта над импортом: так в 1926/27 г. официально зарегистрированный ввоз равнялся 10 млн руб., а вывоз — 19,1 млн. руб.

Нельзя, однако, закрывать глаза на то, что эти благоприятные результаты являются фактически фиктивными.

Разница в ценах на рынках Дальневосточного края и Маньчжурии, так же как и чрезвычайная затрудненность охраны тянущейся на много тысяч километров границы, создают необычайно благоприятные условия для контрабанды. О контрабандном вывозе пушнины и золота уже упоминалось выше. Не менее благоприятны условия для контрабандного импорта, поскольку на целый ряд товаров имеется резкое расхождение внутренних и заграничных цен. Так, например, метр бязи суровой стоил в 1927 г. на рынках Дальневосточного края 75 коп., а в Маньчжурии — 30 коп., метр коленкора соответственно 70 коп. и 33 коп., метр трико бумажного 80 коп. — 1 руб. 20 коп. и 35 коп., ведро спирта 30 руб. и 6 — 8 руб., кило табаку 5 — 6 руб. и 1,25 — 2,50 руб., кило чаю байхового 6—8 руб. и 1,5 руб., дюжина шелковых чулок 40—48 руб. и 8 — 12 руб., и т. д. и т. д.[1]

[1] Практика таможенного дела, под ред. А. П. Винокура. Изд. Наркомторга. 1927.

В 1924 г. известный знаток нашего Дальнего Востока А. Бонч-Осмоловский писал:[1]

«Самые формы контрабанды носят на Дальнем Востоке совершенно иной характер, чем на Западе. Это не мошеннически-изощренный обман таможенного надзора, а настоящая вооруженная товарная интервенция. Контрабанда зорко охраняется агентами, следующими впереди и с боков транспорта. Крупные партии контрабанды нередко сопровождаются вооруженной, до пулеметов включительно, охраной. За 1924 г. в стычках с контрабандистами убито было 6 таможенных сотрудников и 4 ранено. Надо отметить, что здесь идет речь о наиболее населенной южной части Дальневосточной области; на севере же, на Камчатке, никакой таможенной охраны не существует».

Что с тех пор в этом отношении никаких существенных перемен не произошло показывает хотя бы тот факт, что еще в июле 1927 г. в районе владивостокского пограничного отряда, т. е. в самой густонаселенной части края, нашему дозору пришлось выдержать ожесточенную схватку с 21 вооруженными хунхузами, перешедшими нашу границу. Правда, банда эта бы а целиком истреблена.

При таких условиях не удивительно, что контрабанда официально («Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927/28 г.») оценивается для 1926/27 г. в 32,9 млн руб. (22,4 млн руб. ввоз и 10,5 млн руб. вывоз), причем эта цифра означает не сокращение, а усиление контрабандной торговли за последние годы, особенно за счет вывоза (в 1924 25 г. ввоз 20 млн руб., вывоз 6 млн руб., в 1925/26 г. ввоз 21,9 млн руб., вывоз 7,5 млн руб.)

Таким образом, на ряду с официальным активным торговым балансом, край имеет несколько даже превышающий его нелегальный резко пассивный баланс, сводящий на-нет все достижения первого.

Естественно, что при таких условиях борьбу с контрабандой чисто административными мерами следует признать почти безнадежной. В связи с этим, а также в связи с тем, что предлагаемое снижение железнодорожных тарифов и отмена акцизов для завозимых в край товаров советского производства едва-ли могут коренным образом разрешить вопрос, серьезнейшего внимания заслуживало бы уже давно выдвигаемое рядом плановых работников Дальневосточного края предложение несколько пересмотреть в сторону расширения ввоза лицензионную практику на Дальнем Востоке: государственный торговый аппарат в государственных интересах и в интересах населения должен заменить хищников-контрабандистов. В какие бы конкретные формы ни вылились в конечном счете эти предложения, следует все же признать, что лишь гибкая текущая лицензионная практика, учитывающая все изменения рыночных конъюнктур, сможет в конечном итоге обеспечить торжество товаров советского производства на Дальневосточных рынках.

---

[1] А. Бонч-Осмоловский. «Проблемы Дальнего Востока», статья в газете «Эконом. жизнь» от 22 августа 1925 г.

Внутренняя торговля.

В годы интервенции господствовала крайне нездоровая атмосфера на внутреннем торговом рынке Дальневосточного края. Быстрые перемены политической обстановки создавали необычайно благоприятную обстановку для ажиотажа, резких колебаний цен и разгула хищнических аппетитов частного торгового капитала, в руках которого находился тогда фактически весь торговый оборот края, начиная от мелкой розницы и кончая крупным оптом. Оторванность края от внутренних рынков и полная зависимость его как в отношении ввоза, так и в отношении вывоза от заграницы создали необычайно благоприятные условия для экспансии не только желтого труда, но и китайского и японского торгового капитала, который за эти годы сильно укрепил свои позиции в крае, особенно же в Приморьи, где он получил большое влияние в оптовой и почти вытеснил русский торговый капитал в розничной торговле.

Поэтому внедрение в торговый оборот после советизации края государственного и кооперативного капиталов не только укрепляло влияние государственных регулирующих органов на внутреннюю торговлю, но и имело большое политическое значение, поскольку с оптового рынка, командной высоты торговли, вытеснялся иностранный капитал.

Мероприятия по вытеснению частного капитала носили в крае приблизительно такой же характер, как и в прочих частях СССР: предоставлялись разного рода льготы кооперации, суживались кредиты для частных торговцев и т. д. В результате в 1927 г. удельный вес обобществленного сектора в официальном оптовом внутреннем товарообороте составлял 85%, а в розничном 65%.[1]

Государственный торговый аппарат представлен ныне в крае Дальторгом, торговым органом Дальпромбюро и торговыми представительствами важнейших союзных трестов и акционерных обществ.

Зачатки кооперации в лице потребительских обществ на железных дорогах и довольно широкой сети кредитно-кооперативных товариществ имелись в крае и в довоенные годы, но она стала развиваться лишь с 1914 г. К 1919 г. имелось уже 1 300 одних обществ потребителей. Но с указанного года начинается резкий упадок кооперации, вызванный событиями интервенции. Лишь с конца 1922 г. начинается быстрое возрождение кооперации на Дальнем Востоке. Кооперативное строительство здесь прошло через те же этапы, как и в прочих частях СССР за те же годы. Первоначально все виды кооперации были слиты в «интеграл», что тормозило работу, так как внутри объединенных кооперативов трудно было согласовать противоположные интересы производителей и потребителей. Лишь в апреле 1924 г. из интегралов, в которых фактически господствовала потребительская кооперация, были выделены сельскохозяйственная и кредитная кооперации, которые теперь работают самостоятельно.

[1] М. Светов. «Вопросы торговли края» («Эконом. жизнь», 30 дек. 1927 г.).

Областным центром дальневосточной потребительской кооперации является в настоящее время Далькрайсоюз; вокруг него группируется растущее число местных потребительских обществ (в 1926/27 г.—623). Центром работы потребительской кооперации являются, конечно, более населенные южные округа; однако, и на Камчатке возникло уже несколько потребительских обществ. В тесной связи с потребительской кооперацией находится и большинство промысловых (главным образом рыболовецких) артелей, не имеющих своего центра.

С выделением из интегралов, а особенно с момента образования в октябре 1924 г. губернских сельскохозяйственных союзов, быстро растет сельскохозяйственная кооперация, объединяемая Дальсельсоюзом, деятельность которой направлена на расширение площади под техническими культурами, интенсификацию животноводства, машиноснабжение и мелиорацию. Организованный в 1923 г. Дальсельбанк руководит работой и финансирует крепнущую сеть кредитной кооперации.

Кооперация весьма успешно вытесняет частный торговый капитал с его последней позиции, на которой он пока господствует,— розницы. Частная торговля все больше мельчает и переходит на мелкую розницу. Значительную роль в ней, особенно в Приморьи, играет китайский торговый капитал. Впрочем, торговые предприятия китайцев мельчают значительно скорее, чем русские предприятия. Подавляющая часть китайцев перешла ныне на разносную подвижную торговлю с рук.

Денежное обращение.

В отличие от прочих частей СССР, на территории Дальневосточного края, отрезанной от центра страны и не терявшей связи с мировым рынком, в годы интервенции сохранилась золотая валюта; обращались золотые монеты царского образца, так же как и царская разменная монета; в Приморьи, кроме того, большое распространение получила японская иена (вернее, банкноты японского «Чосен-Банка»). После советизации края путем блестяще проведенных финансовых операций, выполняется трудная задача внедрения советской валюты в денежное обращение края. Внедрение идет постепенно, по мере выпуска в Советской России отдельных видов твердой валюты. В июне 1923 г. были, путем установления неблагоприятных курсов, начаты активные действия по вытеснению японской иены; с 1 декабря 1923 г. прекращен прием ее в кассы Наркомфина. Одновременно с этим идет постепенное, но неуклонное завоевание рынка червонцем. Выпускается также советское банковое и билонное серебро; в апреле 1924 г. устанавливается выкупной курс на монету дореволюционного образца: с мая 1924 г. начинается внедрение наших казначейских знаков. Благодаря всем этим мероприятиям иена постепенно уплывает за границу в порядке покрытия контрабанды; этим же путем идет часть царской монеты, другая же поступает по выкупному курсу в кассы Наркомфина. 31 декабря 1924 г. явилось последним днем хождения серебра старой чеканки.

С 1 января 1925 г. денежное обращение Дальневосточного края ничем не отличается от денежного обращения других частей СССР.

ГЛАВА XI.

РАЙОНИРОВАНИЕ.

Общие основы. Сохранявшееся до начала 1926 г. административное деление Дальневосточного края, основанное на дореволюционном, далеко не совпадало с наметившимся в процессе колонизации и развития производительных сил края распределением территории на отдельные народно-хозяйственные районы. Колонизация, открытие природных богатств в безлюдных до того районах, более быстрый в одних, чем в других частях края, рост эксплуатации тех или иных местных ресурсов, рост новых торгово промышленных центров, наконец, постройка железных дорог—все это, естественно, создало новые народно-хозяйственные комплексы, границы которых редко совпадают с административными границами. Привести административное деление края в соответствие с указанными условиями — и составляло основную цель произведенного районирования.

Но поскольку районирование рассматривается как всесоюзная проблема, постольку вполне естественно, что пересмотру подверглись не только границы более мелких подразделений внутри края, но и внешние его границы.

Госпланом проектируется образование в Восточной Сибири трех крупных районов: Якутского, Дальневосточного и Ленско-Байкальского. В состав последнего должны были войти Иркутская губерния, Бур-республика и Забайкальская губерния. За выделение последней из состава Дальневосточной области и включение ее в состав Ленско-Байкальской приводился ряд довольно веских соображений; прежде всего, Забайкалье, по давности колонизации его, а потому и по составу населения (преобладают старожилы), имеет гораздо более общего с его западными соседями, Иркутской губернией и Бур-республикой, чем с восточными, остальными частями Дальнего Востока, колонизация которых началась лишь во второй половине прошлого века; кроме того, по преобладающему значению, которое имеет скотоводство в сельском хозяйстве Забайкалья, так же как и по его экстенсивному характеру, Забайкалье более близко районам, проектируемым к включению в состав Ленско-Байкальской области, чем Приамурью и Приморью; наконец, преобладание в его посевной площади ржи, почти совершенно не встречающейся в Приамурьи и Приморьи, опять-таки роднит Забайкалье с Иркутской губернией и Бур-республикой.

Впрочем, за сохранение Забайкалья в составе Дальневосточного края мог быть приведен ряд не менее веских соображений, как-то:

расположение в пределах одного водного бассейна, общность исторических судеб за последнее время, наладившиеся издавна экономические связи и т. д. Поэтому Комиссия ВЦИК по районированию в заседании своем от 17 июня 1925 г. признала образование Ленско-Байкальской области, а тем более с включением Забайкалья пока преждевременным.

Не менее интересна проблема, выдвигавшаяся Дальэкосо, которое настаивало на включении в состав Дальневосточного края частей Якутской республики, Алданского района и Колымского края. Доводы, выдвигавшиеся Дальэкосо в пользу этого, сводятся к следующему:[1]

1. Современная граница между Дальневосточным краем и Якутской республикой проведена по возвышенности, служащей водоразделом между Амуром и Алданом, без всякого учета района тяготения к Амуру и Амурской ж. д.

2. Район между упомянутым водоразделом и р. Алданом является естественным продолжением Амурской золотоносной тайги, экономически тяготеющей к Амуру и станциям Амурской ж. д.: Сковородино, Б. Невер и др.

3. Районы Алданский и Верхне-Олекминский как типично золотопромышленно-пушные не имеют ничего общего с характерными для Якутской республики скотоводством и земледелием.

4. Единый золотопромышленный район между Амуром и Алданом требует в интересах своего развития и наиболее полного использования единого экономического и административного управления.

5. За р. Алданом якуты являются лишь в виде пришлых групп торговцев, а за последние годы и беженцев; в этнографическом отношении район этот является типично-тунгусско-палеазийским, т. е. родственным северным частям Дальневосточного края.

7. Что касается бассейна р. Колымы, то он экономически тяготеет к Охотскому морю: связь с ним поддерживается ежегодными рейсами судов Совторгфлота из Владивостока; в этнографическом отношении он, как и Алдан, — район палеазийско-тунгусский; наконец, за присоединение его к Камчатке говорит необходимость сосредоточения для борьбы с проникающими как на Камчатку, так и в него американскими и японскими хищниками и контрабандистами всей власти в одних руках.

С другой стороны, и Якутская республика предъявляет некоторые требования на территории Дальневосточного края: она желает получить выход к морю через Аян.

Наконец, требует своего разрешения проблема автономного управления тунгусской народности, обитающей в северных частях Дальневосточного края и на юго-востоке Якутии. Административным центром проектируемой автономной тунгусской области предположено сделать поселок Чумукан (в Удской губе Охотского моря, к югу от Аяна), но не решен еще вопрос, будет ли вся эта область входить

[1] Л. Б. Чарнецкий. «Экономическое районирование и положение его на Дальнем Востоке» («Эконом. жизнь Приморья», 1924 г., № 9).

в состав Якутской республики или Дальневосточного края; впрочем, Госплан стоит на последней точке зрения.

Пересмотр границ Дальнего Востока и Якутии, экономически, может быть, и оправдываемый, представляет собой самостоятельную сложную проблему. Поэтому ВЦИК утвердил районированный Дальневосточный край в прежних границах Дальневосточной области.

Перспективы округов.

Поскольку при построении границ округов, на которые в настоящее время делится Дальневосточный край (см. гл. I), были приняты во внимание как естественно-географические, так и экономические условия, они представляют собой довольно определенные народно-хозяйственные комплексы.

Владивостокский округ, юг старой Приморской губернии, является наиболее населенным округом края. Сосредоточению здесь населения благоприятствуют не только климатические условия, позволяющие широко развиться сельскому хозяйству, но и условия географические, поскольку центру округа — Владивостоку, с его удобной гаванью и сетью железнодорожных путей, конечным пунктом которых он является, обеспечена возможность сильно укрепить свое положение в качестве видного узлового пункта мировой торговли. Владивостокскому порту обеспечен громадный экономический тыл (Hinterland), прежде всего, в пределах самого Дальневосточного края, так как значительная часть Приморья, отделенная от моря хребтом Сихота-Алинь, естественно тяготеет и будет тяготеть к нему. Развивающееся хозяйство Маньчжурии обеспечит ему, несмотря на конкуренцию Дайрена, мощный и быстро возрастающий транзитный грузовой поток. Наконец, развивающиеся торговые сношения СССР с восточными странами позволяют рассчитывать на рост транзитных перевозок через Китайско-Восточную ж. д. и тот же Владивосток. Несомненно, что близость к Владивостоку, наравне, конечно, с природными условиями будет и впредь определять дальнейшее развитие ряда отраслей народного хозяйства округа. Обеспеченность рынков сбыта создаст возможность интенсификации сельского хозяйства и, в частности, скотоводства. Спрос со стороны города и порта обеспечивает развитие каменноугольной промышленности, а в дальнейшем и электрификации. С другой стороны, значительный процент в составе как сельского, так и городского населения представителей желтой расы, так же как и благоприятные природные условия, создают некоторый уклон земледелия в сторону корейских и китайских зерновых, в частности просовых, культур; те же условия благоприятствуют развитию как китайских, так и русских технических культур, на базе которых может развиться местная обрабатывающая промышленность. Большое значение в хозяйстве округа будут иметь рыболовные и морские промысла, а также отчасти и горная промышленность (помимо отмеченной уже выше добычи угля, добыча серебро-свинцовых руд в Тетюхэ, лежащем на северной окраине округа, а в дальнейшем и металлургия на рудах Ольгинского месторождения).

Основу хозяйства Хабаровского округа, занимающего среднюю часть старой Приморской губернии, будет составлять лесопромышленность, которая разовьется как на морском побережьи, так и в районе тяготения Уссурийской железной дороги, а в дальнейшем и линии Советская гавань — Хабаровск. Советской гавани несомненно предстоит блестящее будущее. Уже сейчас она является второй по своему грузообороту гаванью СССР на Тихоокеанском побережьи, и это только за счет вывоза местных лесных грузов из тяготеющего к ней ограниченного района. Когда же она будет соединена железнодорожной линией с Хабаровском и будет заселен огромный, лежащий между Уссурийской дорогой и Сихота-Алинским перевалом проектируемой линии, район и этим самым будет открыт выход на рынок для лесных богатств этого края,—грузооборот ее должен будет возрасти во много раз. Указанная линия наравне с проектируемым водным путем через озеро Кизи в Николаевском-на-Амуре округе откроет также выход на мировой рынок для лесных грузов Амурского бассейна. В связи с этим Советская гавань и ведущая к ней железнодорожная линия, прорезающая весь округ, должны будут приобрести краевое значение. Основа хозяйства округа — лесопромышленность—требует для своего развития в первую очередь мелиоративных работ, которые и предположено вести здесь в широком масштабе. Они нужны как для того, чтобы увеличить лесную площадь, доступную эксплуатации, так и, главным образом, для того, чтобы сделать возможной широкую колонизацию округа, без которой интенсификация эксплуатации лесных богатств его невозможна. На Хабаровском, так же как и на Амурском округе (см. ниже), будет в ближайшее время сосредоточено основное внимание колонизационных органов. Колонизация здесь должна по природным условиям носить по преимуществу промысловый характер и быть тесно связана с потребностями лесопромышленности. Особое внимание будет обращено также на колонизацию морского побережья округа, где, помимо лесных промыслов, широко могут развиться рыболовство, морские промысла и скотоводство. По сравнению с лесным делом меньшее значение будут иметь в округе земледелие и скотоводство, и притом лишь по преимуществу в западной его части, в районе долины Уссури и долин важнейших ее притоков. Но природные возможности все же обеспечивают дальнейший рост этих отраслей хозяйства далеко за пределы достигнутых пока в этом отношении результатов.

Николаевский-на-Амуре округ занимает север старой Приморской губернии, а также юго-западную часть бывшего Охотского уезда Камчатской губернии. Природные условия не благоприятствуют развитию здесь земледелия; точно так же едва ли можно ожидать здесь в ближайшем будущем широкого развития скотоводства, хотя по природным условиям оно во многих районах округа вполне возможно. Местному скоту, взращиваемому в тяжелых условиях, будет трудно конкурировать на рынке со скотом, нагуливаемым в соседних округах в более благоприятных условиях.

Поэтому местное скотоводство в лучшем случае сможет покрывать местную же потребность. Экономику округа, несомненно, будет определять рыбопромышленность Николаевского района, которая при рациональной организации ее (см. гл. VI) сможет навсегда сохранить свое значение в качестве мощного источника народнохозяйственного дохода, из которого будет черпать средства к существованию значительная часть местного населения. То же можно сказать и о пушном промысле, однако, лишь при условии, если в ближайшие же годы будет приступлено к широкой организации зоотехнических ферм. От улучшения путей сообщения в округе (в первую очередь гужевых и водных) будет зависеть развитие золотопромышленности в северных окраинах округа, а также лесопромышленности, продукция которой должна получить удобный выход на внешние рынки хотя бы через озеро Кизи и бухту Де-Кастри.

Амурский округ занимает большую, восточную, часть старой Амурской губернии с центром земледелия Дальневосточного края—Зее-Буреинской низменностью. Благоприятные для развития сельского хозяйства почвенные, климатические и экономико-географические условия южной части округа далеко еще не использованы в той степени, как это было бы возможно даже при современном состоянии рыночных условий на Дальнем Востоке. Поэтому на дальнейшую колонизацию округа будет уже в ближайшие годы обращаться серьезное внимание; при сравнительно небольших затратах на мелиорацию и улучшение гужевых путей возможно значительное увеличение сельскохозяйственной продукции этой «житницы Амура», за счет которой должен постепенно сокращаться дефицит в хлебном балансе края. Поэтому, в отличие от Хабаровского округа, где колонизация будет иметь по преимуществу промысловый характер, здесь на первый план вновь, как и в довоенные годы, должна будет выступить колонизация земледельческая. Две крупные магистрали (водная и железнодорожная), тянущиеся через край, будут связывать его с потребляющими районами. Итак, здесь все благоприятные условия для интенсификации сельского хозяйства и, в частности, для развития товарного земледелия. Не менее благоприятны здесь также условия для дальнейшего развития мукомольной промышленности, перерабатывающей крупные партии местного рыночного зерна. Северная часть округа, где земледелие уже невозможно, где основу хозяйственной деятельности будет составлять золотопромышленность, лишь по путям снабжения тяготеет к Амурскому округу, по своему же общему характеру более близка к соседнему—Зейскому округу.

Зейский округ занял западную часть Амурской губернии. По природным условиям земледелие не может получить здесь сколько-нибудь заметного развития. Правда, вследствие обилия лугов более благоприятны условия для развития скотоводства; но направление дальнейшего развития его так же, как и направление дальнейшего развития других местных видов хозяйственной деятельности,

в роде торговли, транспорта и т. д., будет определяться потребностями золотопромышленности, по отношению к которой прочие основные отрасли народного хозяйства будут здесь играть лишь подсобную роль. В более отдаленном будущем настанет время для интенсивной эксплуатации лесных богатств округа.

Поскольку проектировавшееся включение в состав Зейского округа Алданского района не состоялось и поскольку золотопромышленность края пока находится в упадке, постольку Зейский округ пока представляет собой экономически самую маломощную окружную единицу Дальневосточного края. В 1927 г. поднимались даже разговоры о разделе его между соседними округами края.

Сретенский округ занимает восточную, а Читинский — западную часть старой Забайкальской губернии. Холодный континентальный климат обоих округов мало благоприятствует земледелию; впрочем, условия для развития земледелия в Сретенском округе значительно более благоприятны, чем в Читинскомо, и поэтому хозяйство округа в основе своей, за исключением его северных и южных окраин, строится почти исключительно на ржаной зерновой культуре. В противоположность Сретенскому округу, где земледельческий район представляет сплошную, расположенную в округлых границах, целостную территорию, в Читинском округе климатические условия и горный характер его заставляют земледельческие хозяйства распыляться по отдельным речным долинам. Вообще же в Читинском округе земледелие уступает первое место скотоводству, которое особенно сильно развито в южной степной части округа. По мере интенсификации сельского хозяйства дифференциация Сретенского и Читинского районов в хозяйственном отношении будет проявляться все резче: будущее Сретенского округа лежит в его земледелии, которое, правда, может в лучшем случае покрывать лишь потребность местного населения; наоборот, интенсификация скотоводства является основной задачей, стоящей перед сельским хозяйством Читинского округа. Но, с другой стороны, оба округа имеют и много общего между собой: дремлющие горные и лесные богатства обоих округов в одинаковой степени ожидают дальнейшей интенсификации эксплуатации их.

Несколько изолированно от остальных округов расположен Камчатский округ; однако, включение его в состав Дальневосточного края оправдывается рядом экономо-географических соображений. Прежде всего тяготение к тихоокеанским рынкам, характерное в большей или меньшей степени всем округам Дальневосточного края, сказывается здесь особенно резко, так как связь этого округа с тихоокеанскими рынками является сейчас и будет в предвидимом будущем гораздо более крепка, чем связь его с внутренними рынками. Но не только это роднит Камчатку со всем Дальневосточным краем. Основное значение имеет, конечно, то обстоятельство, что, по крайней мере в настоящее и предвидимое время, регулярные сношения с Камчаткой будут возможны лишь морским путем через порты Дальневосточного края

Что же касается основных направлений, по которым следует ожидать дальнейшего развития хозяйства Камчатского округа, то можно ожидать, что эксплуатация рыбных и пушных богатств округа — в ближайшее, по крайней мере, время — попрежнему останется основой хозяйственной деятельности здесь. В дальнейшем, по мере того как будут более полно выявлены горные богатства этого округа, возможно и развитие добывающей промышленности; впрочем, возможные перспективы ее пока еще весьма туманны.

Наоборот, в Сахалинском округе, эксплуатация каменноугольных и нефтяных богатств которого уже начата японскими концессионерами, а в ближайшем будущем получит дальнейший толчок в связи с развитием советской промышленности, горная промышленность будет уже в ближайшие годы основой хозяйства этого острова.

—

Значение Дальневосточного края для народного хозяйства СССР определяется, конечно, в первую очередь теми богатейшими ресурсами полезных благ, которые таятся в его недрах и водах и разбросаны по большей части его поверхности. Дальневосточный край уже сейчас по добыче пушнины занимает первое, а по улову рыбы—второе место по сравнению с другими районами СССР. Но природные возможности его во всех почти отношениях использованы пока еще в самой ничтожной степени. По мере того как будут развиваться лесное дело и горная промышленность и всесторонняя эксплуатация богатств водоемов, неизбежно во много раз возрастет удельный вес продукции Дальневосточного края в народнохозяйственном балансе СССР.

Но не одни огромные сырьевые ресурсы края определяют роль, которую он играет и может играть в хозяйстве Союза. Едва ли не большее значение имеет географическое расположение его на берегах Тихого океана, которое ставит СССР в ряды тихоокеанских стран со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими последствиями. Район тяготения к нашим тихоокеанским портам, особенно к Владивостоку, не ограничивается притом пределами самого Дальневосточного края: он захватывает значительные территории и прочих частей Восточной Сибири, в частности — Якутии; без Владивостока потеряла бы также почти все свое экономическое значение Китайско-Восточная ж. д.

Именно тяготение к тихоокеанским рынкам является основной хозяйственной характеристикой Дальневосточного края. Связь с ним определила и обусловила все предшествующее хозяйственное развитие его. Эта связь будет и в дальнейшем предвидимом будущем определять развитие производительных сил края.

Но формы и дальнейшее направление этого развития далеко не безразличны. Край, конечно, является неразрывной частью СССР, и на укрепление финансовых, хозяйственных, административных и этнографических связей его с центром должно быть обращено

самое серьезное внимание. Для развития производительных сил его привлекается в настоящее время иностранный капитал. Именно на Дальнем Востоке привлечение иностранного капитала скорее, чем в других частях страны, может иметь неблагоприятные политические последствия. Поэтому, привлекая его, следует всеми мерами добиваться возможно более широкого привлечения внутренних союзных средств к эксплуатации богатств края.

Еще большее, по крайней мере в ближайшие годы, значение должно будет иметь заселение края выходцами из других частей страны. Волны трудовых переселенцев разобьют последние надежды империалистов и сделают Дальневосточный край непоколебимым аванпостом СССР на Тихом океане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ КРАЮ.

«Капитальное строительство Дальневосточного края». Изд. Д.-В. краев. план. ком.» Хабаровск. 1927.

«Контрольные цифры народного хозяйства Д.-В. края» на 1925/26, 1926 27, 1927/28 гг.».

«Производительные силы Дальнего Востока». Изд. по поруч. Д.-В. краев. план. ком. Хабаровск. 1927.

Вып. I. Отчет о работе конференции по изучению произв. сил Д. В.
» II. Поверхность и недра
» III. Растительный мир
» IV. Животный мир
» V. Человек
» VI. Промышленность
» VII. Транспорт.

Журнал. «Экономическая жизнь Дальнего Востока».
» «Экономическая жизнь Приморья».
» «Советское Приморье».

«Материалы по районированию Дальнего Востока». Изд. Дальгосплана. 1925.

«Районирование Д. В. края». Хабаровск. 1925.

«Материалы по экономическому районированию Приморья». Владивосток. 1925.

«2 года советской власти в Приморьи». Отчет Приморского Губисполкома II Губ. Съезду Советов. Владивосток. 1925.

«3 года советского строительства в Дальневосточном крае».

«Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока». Изд. Научпромбюро Дальрыбохоты. Влад. 1923.

«Концессионные объекты Д. В.», ч. I, «Лесные концессии». Под ред. Н. Мамонова, М. Целищева, Н. Слинкина и М. Брискина. Изд. Д.-В. Концесскома. 1925.

«Концессионные объекты Д. В.», ч. II, «Горные концессии». Изд. Д.-В. Концесскома. 1925.

«Материалы по туземному вопросу на Дальнем Востоке». Изд. Дальревкома. 1925.

«Приморье — его природа и хозяйство». Сборник. Владив. 1923.

П. О. Лежнин. «Дальний Восток». («Богатства Приамурья и Забайкалья»). Чита. 1922.

Суховий. «Советский Дальний Восток». 1924.

М. И. Целищев. «Экономические очерки Дальнего Востока». Владивосток. 1925.

В. Е. Глуздовский. «Дальневосточная область». Владив. 1925.

«Экономика Дальнего Востока». Сборник. Изд. «Плановое хозяйство». 1926.

М. Н. Персесов. «Дальний Восток» (Экономические очерки). 1926.

Дербер и Шер. «Экономика Дальнего Востока». 1927.

М. П. Ивановский. «Лесо-экономическая география СССР.». Изд. «Новая деревня». 1928.

«Внешняя торговля и экспортные возможности Дальневосточного края». Сборник статей под ред. М. Я. Кауфмана. 1926.

М. Б. Вольф и Г. А. Мебус. «Статистический справочник по экономической географии». Год издания четвертый. 1928.

«Труды Госуд. Колонизационного Института». т. I. 1924.

«Государственная промышленность Дальнего Востока за 1923—25 гг.». Хабаровск. 1925.

Инж. Тульчинский. «Недра Забайкалья». Чита. 1919.

Проф. И. П. Любимов. «Эконом. Проблемы Дальнего Востока». 1925.

С. В. Бахрушин. «Казаки на Амуре». 1925.

«Страны Востока». Справочник под ред. М. П. Павловича. Изд. Росс. Вост. Торг. Палаты. М. 1925.

«Весь Дальний Восток». Справ. на 1925 г. Изд. Д.-В. отд. К. Т. А. Хабаровск. 1925.

А. М. Брянский. «Сельское хозяйство Д.-В. обл. в годы революции (1917—1923)». Изд. ДГО. Стат. упр. Хабаровск. 1925.

«Сельскохозяйственная перепись 1923 г. на Д. В.». Волостные и уездные итоги. Изд. Д. В. обл. стат. упр. 1924.

«Состояние золотопромышленности Д. В. в 1923/24 операц. году и план работ горн. отд. Дальпромбюро на 1924/25 г.». Хабаровск. Изд. Дальпромбюро. 1925.

П. И. Колосков. «Климатические основы сельского хозяйства Амурск. губ.». Изд. Д.-В. отд. метеорологического бюро. Благовещенск. 1925.

«О Томмотских приисках». Изд. Амурск. Губплана. Благовещенск. 1925.

«Отчет Д. В. Банка». 3-й операц. год. Изд. Дальбанка. Хабаровск. 1925.

«Порт. Владивосток» Изд. Управл. Владивостокского торгового порта. Владивосток. 1927.

Артамонов Д. С. Транспорт и торговля на восточной границе СССР. М. «Транспечать» 1928.

С. Аносов. Корейцы в Уссурийском крае. Владивосток «Книжное дело». 1928.

Аболтин. Остров сокровищ (Сахалин). Владивосток. 1928.

«Труды Амурской Экспедиции» (довоен.).

«Материалы по изучению Приамурского края». (довоен.)

«И. Ф. Унтербергер. «Приморская Область 1856—1898». СПБ. 1900.

П. Ф. Унтербергер. «Приамурский Край 1906—1910». СПБ. 1912.

«Приамурье». Факты, цифры и наблюдения, собранные на Д. В. сотрудниками Общеземской Организации. М. 1909.

«Окраины России», под ред. П. П. Семенова. СПБ. 1900.

«Азиатская Россия», изд. переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия. СПБ. 1914.

«А. А. Татищев. «Приамурье». 1916.

С. Д. Меркулов. «Вопросы колонизации Приамурского края». СПБ. 1911.

И. Ф. Крюков. «Земли района Амурской ж. д.».

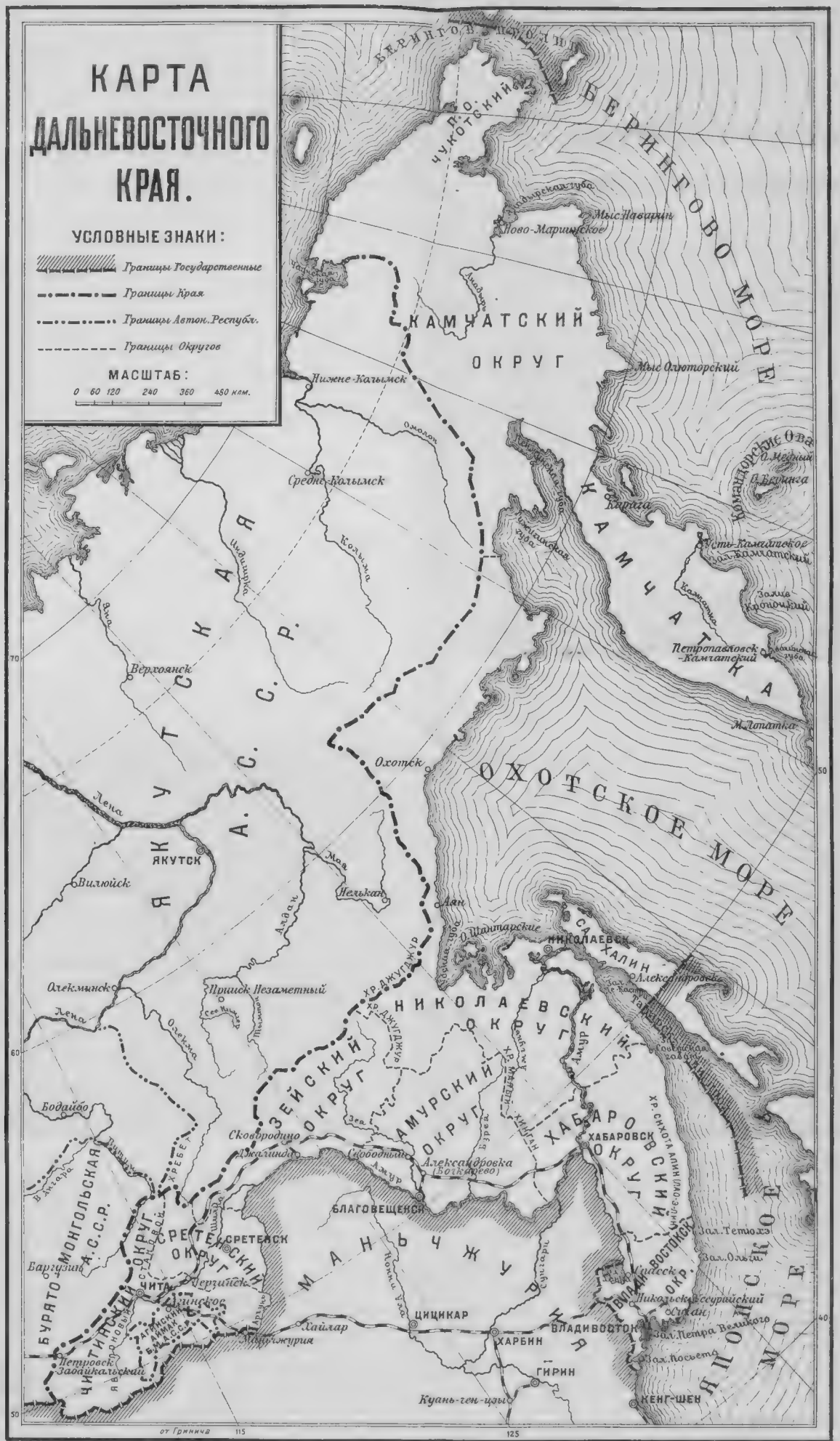
П. П. Полевой. «Сахалин». 1914,

«Нерчинский округ ведомства кабинета его императорского величества». Хабаровск. 1913.

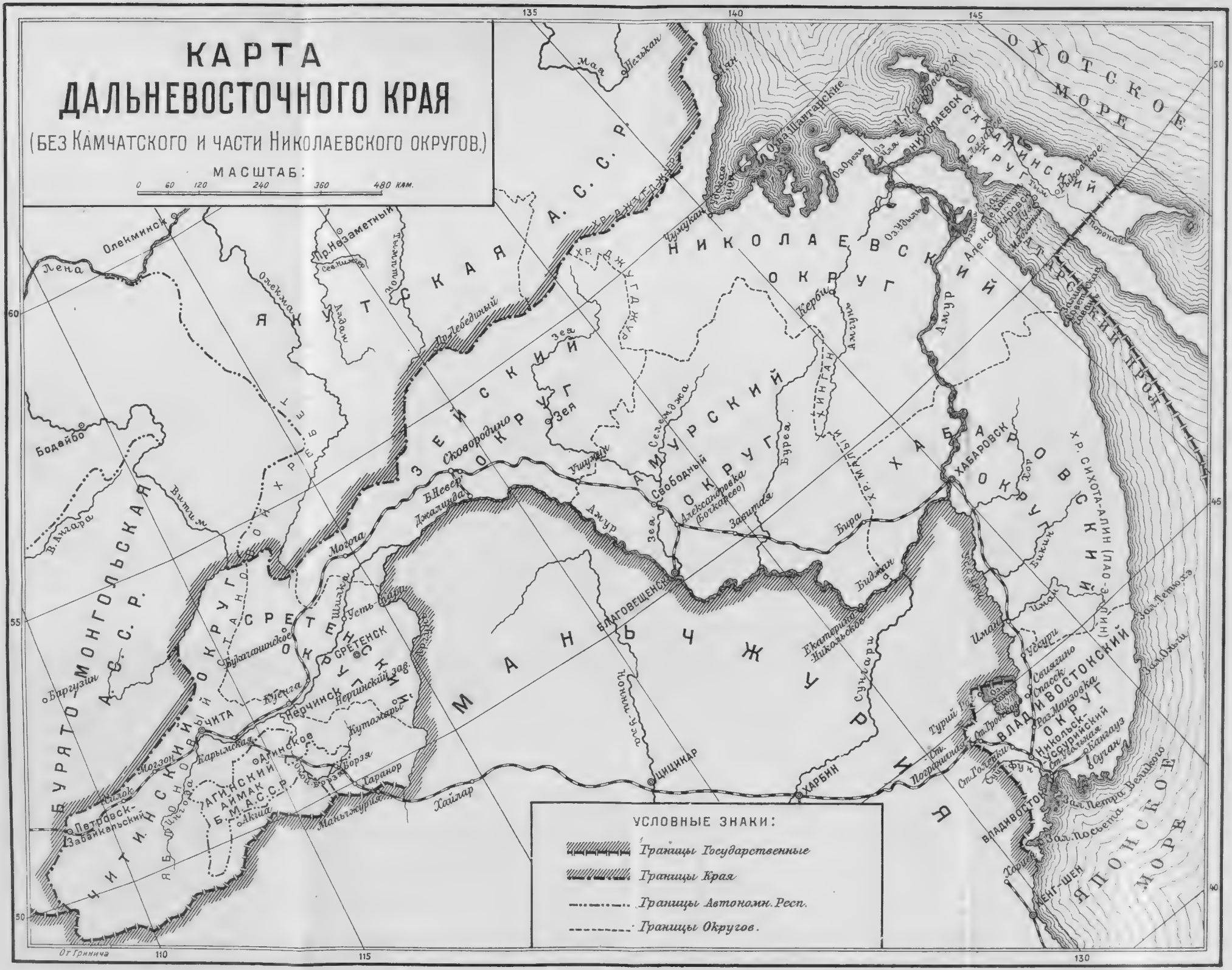
«Материалы по вопросу о порто-франко на Дальнем Востоке», СПБ. 1907.

Панов. «Сахалин как колония». 1905.

«Сборник торговых договоров, заключенных Россией с иностранными государствами». Изд. М. Т. и П. 1913.



Тип. „Печатный Двор", Гатчинская, 26.



УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- Границы Государственные
- Границы Края
- Границы Автономн. Респ.
- Границы Округов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Введение	3
Глава I. Природные условия развития производительных сил Дальневосточного края	13
Глава II. Население	22
Глава III. Сельское хозяйство	42
Глава IV. Лесное дело	68
Глава V. Охота и пушной промысел	77
Глава VI. Рыбопромышленность	84
Глава VII. Горная промышленность	101
Глава VIII. Обрабатывающая промышленность	116
Глава IX. Пути сообщения	121
Глава X. Торговля	140
Глава XI. Районирование	147
Список литературы по Дальневосточному краю	155

Две карты Дальневосточного края.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

СЕРИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СССР
ПО РАЙОНАМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Б. ВОЛЬФА и Г. А. МЕБУСА

—

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ ВЫПУСКИ:

Архипов П. Б. — Средне-Азиатские республики. Изд. 2-е. Стр. 144; 1 карта. Ц. 1 р. 50 к.

Вольф М. Б. и Мебус Г. А. — Северо-Западная область. Стр. 164; 1 карта. Ц. 1 р.

Вольф М. Б. и Мебус Г. А. — Центрально-Промышленная область. Стр. 152; 1 карта. Ц. 1 р. 25 к.

Вощинин В. П., проф. — Казакстан. Стр. 91; карта. Ц. 90 к.

Давиденкова В. С. — Сибирь. Стр. 112; 1 карта. Ц. 1 р. 25 к.

Довнар-Запольский М. В., проф. — Западный район. (Белорусская ССР и Западная область РСФСР.) Стр. 107; 1 карта. Ц. 1 р. 10 к.

Дубенский М. М., проф. — Среднее Поволжье. Стр. 78; 1 карта. Ц. 65 к.

Ивановский М. И. — Северо-Восточная область. Стр. 100; 2 карты. Ц. 60 к.

Клупт В. — Закавказье. Стр. 156; 1 карта. Ц. 1 р. 60 к.

Клупт В. С. — Украина. Стр. 171; 1 карта. Ц. 1 р. 65 к.

Константинов О. А. — Северный Кавказ (Сев.-Кавказский край и Дагестан). Стр. 148; 1 карта. Ц. 1 р. 75 к.

Константинов О. А. — Уральская область. Изд. 2-е, заново перераб. и доп. С 5 карт. Стр. 202; 2 карты. Ц. 2 р.

Покшишевский В. В. — Центрально-черноземная область. Стр. 136; 1 карта. Ц. 1 р. 60 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

М. Б. ВОЛЬФ и Г. А. МЕБУС

СТАТИСТИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СССР И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Под редакцией и с предисловием проф. В. Э. Дена
Год издания четвертый

Стр. 400. Ц. в пер. 5 р. 25 к.

★

М. Б. ВОЛЬФ и Г. А. МЕБУС
при участии С. В. СИГРИСТА

СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА В ФАКТАХ И ЦИФРАХ

Краткий справочник с приложением политических карт земного шара и Европы

Стр. 148, карта. Издание 3-е. Ц. 1 р.

★

М. Б. ВОЛЬФ и Г. А. МЕБУС

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Изд. 4-е, исправл. и дополн.

Стр. 400, 3 карты. Ц. 2 р. 25 к.

★

М. Б. ВОЛЬФ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Стр. 157. Ц. 2 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

18г.

1 руб. 60 коп.

Переплет 20 коп.

25 МАЯ. 1937